РУКИ ПРОЧЬ ОТ МАГИИ!

Диана Рейн

16+

У ХЭЛА ОПЯТЬ ПРОБЛЕМЫ...

Руки прочь от магии!

Диана Рейн

Руки прочь от магии!

Диана Рейн (Diana Reyn)

Оригинальное издание на русском языке.

© 2020 Диана Рейн. Все права защищены.

Содержание

Номер К44. «Укол». Джем 114

Номер Т23. «Скрип». Хэл 98

Номер Л5. «Кашалот». Кайл 40

Номер К5. «Кашалот». Кайл 84

Номер Т23. Хэл 312

Номер Л5. Кайл 261

Номер К44. Джем 285

Хэл 319

Номер К44. «Укол». Джем

Как потом оказалось, это был мой последний День Нахождения. Семнадцатый. Не сказать, чтобы такая уж важная дата, но я, как и любой другой на моем месте, ожидала подарков.

Подарок для меня это нечто материальное, что можно пощупать, понюхать или съесть.

И я не знаю, какое понятие «подарка» было у Хэла, но на мой День Нахождения он едва не прибил нашего одногруппника.

В защиту своего придурковатого приятеля могу повторить то, что миллион раз говорили до меня: побочная сила — это кошмар.

Это серединка на половинку, ни то ни се, ни рыба ни мясо. Слишком слабая для настоящей магической силы. Слишком необычная для простого человека. И толка от нее почти никакого, зато хлопот не оберешься.

Точно не знаю, как там обстоят дела во всем мире, но у нас в колледже Озера Грез больше половины учеников и профов ходят с той или иной побочной силой. Или побочной внешностью, что уже не так опасно для окружающих. И это считается нормой. Людей с побочной силой не привыкли бояться и не пытались оградить их от остальных людей.

Что самое несправедливое — ты никогда не знаешь, будет ли побочная сила у твоего ребенка. Она может не проявляться на протяжении поколений, а затем неожиданно вылезти и разбомбить всю твою жизнь. Магия эйталитов непостижима, даже для них самих. Тех, кого она коснулась, еще называют дефектными. И, может, это звучит грубо, но это самое подходящее для них определение.

Итак, Хэл и Близнец затеяли ссору, которая грозила перерасти в знатный мордобой. На самом деле, ситуация не нова — не прохо-

дит и недели, чтобы Хэл не устроил драку на ровном месте. С нервами у него не все в порядке, это общеизвестный факт.

Но в этот раз простым маханием кулаков они не отделались. Стоило Хэлу повысить голос, как Близнец отлетел от него в другой конец аудитории. Его словно отбросило ударной волной, впечатав в стену с такой силой, что ему сломало руку, два пальца на ноге, нос и ребро. Ну и сотрясение того, что у него было в черепной коробке, он тоже заработал.

Никогда не знаешь, чего ждать от побочной силы Хэла, но в этот раз она превзошла все опасения. У зевак вокруг челюсти отвисли от такого шоу, сам герой успел сказать: «Да какого кюрука, я же просто…» и благополучно отключился.

В общем, это утреннее представление определенно стоило увидеть. Только меня там не было.

В это время я сидела в общей столовой колледжа, вся такая красивая, с тортом и чаем, ждала мальчишек. День Нахождения — это как День Рождения для таких подобрышей, как я. Колледж, который приютил нас, старается устраивать нам тоже полноценные праздники, да и вообще мне грех жаловаться. Слава Кату, у меня нет дефектной силы или внешности, профы меня обожают, а остальные студенты побаиваются. Чего еще можно желать? Но сегодня отчего-то сильно чесались руки, и в животе никак не успокаивались мурашки. Я не могла признаться даже самой себе, что жду чего-то необычного в этот День Нахождения. Может, особого подарка. Может, важного сообщения для меня. Может, еще чего-то.

Меня коротко поздравляли знакомые, проходившие мимо, я молча кивала им и продолжала ждать. Чай остывал, от аромата фруктового торта то рот наполнялся слюной, то ком вставал в горле. Я сидела неподвижно, положив руки на стол, и порой погля-

дывала на часы, которые было хорошо видно из любого угла столовой. До конца обеденного перерыва оставалось не так много.

Каждый год хочется, чтобы День Нахождения прошел по-особому. Чтобы окружающие вели себя не так, как обычно, а жизнь подкидывала бы сюрприз за сюрпризом. В сериалах, которые смотрят девчонки, с главной героиней обязательно происходит подобное в День Рождения. Чем хуже День Нахождения? Или я просто мало похожа на типичную героиню? Я не ношу оружие или магические артефакты, как они, у меня нет подруг, чтобы зависать с ними в торговых центрах. Мой парень не пригласит меня на весенний или еще какой-нибудь бал, потому что у меня нет парня, и я не утру нос самой популярной девчонке колледжа, потому что ни одна девчонка не рискнет перейти мне дорогу. Поэтому я не заслуживаю себе удивительного Дня Нахождения, как сериальные героини?

Вокруг болтали, ели и бродили туда-сюда студенты, и меня окружал привычный и родной шум обеда. Все было как обычно. По громкой связи не передали никакого объявления, а в гуле голосов я не разобрала ни клички Хэла, ни чего-то еще, что могло бы меня насторожить.

Мальчишки не показывались, и я уже почти решила, что они забыли обо мне — память у них не ахти. Они умудрялись забывать всё, что угодно, даже порой собственные имена — зовешь их, срывая глотку, а они даже не обернутся. Терпения на них не напасешься, но я старалась.

Я опустила глаза, сожалея о таком нелегком грузе, что мне приходилось нести на себе, затем снова посмотрела вперед и даже удивилась, увидев Кайла. Он подходил к столику и осторожно улыбался, совсем немного показывая зубы. В честь праздника здоровяк повязал на шею галстук-бабочку и, судя по всему, вылил на

себя весь флакон одеколона. Он бережно положил на стол маленькую коробочку, завернутую в красную подарочную бумагу, откашлялся и гаркнул во всю пасть:

— С Днем Нахождения! Здоровья, отличных отметок и всего такого... А Скрип почти прибил Близнеца, прикинь, а!

Да, я ждала услышать что-нибудь интересное или необычное, но не из этой же серии! Всё волнение сразу прошло, и я разозлилась. Долбанула кулаком по столу так, что торт и чашки подпрыгнули.

— Шею сверну, когда вернется!

— Если он вернется… — поправил меня Кайл, но тут же виновато улыбнулся, растянув рот почти на всю ширину.

У него побочная внешность — рот Кайла широкий как у лягушки, до самых мочек ушей, и может распахиваться так широко, как у нормальных людей рот открываться не должен. А внутри спрятаны острые акульи зубы, местами растущие в два ряда. Улыбаться он не любит, и не просите.

— Что, всё настолько по-взрослому? — пробормотала я, потянувшись к своему подарку. — Неужели даже кровь была?

Я не хотела волноваться из-за этого кугалунга, но раз не получалось, то надо было хотя бы скрыть это. Всё будет в порядке, Хэл не впервые загремел в кабинет Директора из-за своей побочной силы. Вот еще, буду я придавать этому большое значение…

Пока я теребила ленточку на коробке, Кайл выдал подробности. Он все видел сам: и как Хэл подошел к Близнецу, и как того отнесло к стене, и как свалился сам Хэл. Кроме него зрителей там хватало — почти вся группа, пришедшая на лекцию по биологии. Разумеется, тут же началась шумиха. Прибежали профы, студенты, и один охранник. Близнеца и Хэла оттащили в медпункт, но дело этим точно не кончится. Может, сообщат полиции, и к делу

привлекут родителей Хэла. А может, новости даже дойдут до эйтов, хотя в этом я сомневалась.

Куда больше меня волновало, что Хэла могут исключить из колледжа. За три месяца до выпуска!

Я сердито дернула бумагу и остановилась, когда заметила, что надорвала ее. Кайл — жуткий транжира и франт, мог бы завернуть подарок в газету. Разгладила бумагу, отложила ее в сторону и с благоговением потянулась к коробочке. Я любопытна как поросенок, подарки получаю не так часто, чтобы к ним привыкнуть, и сейчас забыла даже о Хэле, поспешно открывая маленький тайничок. На прошлый День Нахождения я получила хрустальный кулон от Кайла и пачку сигарет от Хэла. Кулон разбился на следующий день, а пачку я обменяла на пакетик с миндалем, потому что не курю. В итоге от подарков ничего не осталось. Надеюсь, в этот раз будет по-другому…

Наконец-то открыв коробочку, я жадно залезла рукой внутрь, и подпрыгнула от резкой боли.

— Кюрукское!..

— Эй, осторожнее, — Кайл оторвался от обеда и потянулся ко мне. — Забыл предупредить. Прости.

Я оттолкнула его руку и снова запустила пальцы в коробочку — на этот раз медленнее и осторожнее. И что же это было? Кактус с розовыми иглами, длиной с мой указательный палец. Он сидел в крошечном горшочке, воинственно ощетинившись, а у меня теперь болели руки. Он что, еще и ядовитый?..

— Как тебе? — поинтересовался Кайл, закидывая в пасть куски вареной рыбы. — Я подумал, что он похож на тебя, ну и решил подарить.

Обижаться не было смысла — он всегда несет то, что думает. Хотя, надо заметить, он тонко подловил меня. Мое нынешнее про-

звище это «Укол», а волосы у меня сейчас как раз с розовыми прядями. Теперь мне и самой стало казаться, что у меня есть что-то родственное с этим кактусом.

— Спасибо, — выдохнула я, смотря реальности в лицо и понимая, что бедное растение сдохнет у меня через неделю. — Очень… э… как это говорится? Милый.

Друг кивнул, не прекращая жевать. Я продолжала посматривать в сторону дверей столовой, ожидая, что вот-вот зайдет Хэл. Хлопнет меня по плечу, скажет, что с ним произошла ужасная фигня, но сейчас уже все супер, а потом сядет рядом и… Кайл начал говорить о своем последнем проекте по музыке, надеясь отвлечь меня. Как его ни послушаешь, у него сплошь одни проекты.

Пока мы оба были заняты интересными делами, возле нашего столика неожиданно появилась ученица под номером B19/1.

Именно ее близнеца едва не убил Хэл.

Нетрудно догадаться: мы никогда не были близкими друзьями с близнецами. И не могу даже вспомнить ясных причин для ненависти, никаких предпосылок. Но мы и близнецы вечно оказывались рядом в неподходящее время. Противник в баскетболе, который толкнул тебя особенно сильно. Человек, который забрал в столовой последнюю булочку. Отличник, которого тебе поставили в пример. Мелочи по отдельности, они накапливались годами, превращая неприязнь в ненависть, а случайный толчок — в побоище, где один едва не погибает. И не знаю, как другим, а мне вечно кажется, что близнецы находятся в центре внимания. Все их любят. У них нет побочной внешности или силы, они часто работают вместе и у них редкий номер с дробью. У обоих красивые светлые волосы, белая кожа и длинные руки-ноги. Будь у меня побочная сила Хэла, я бы тоже рано или поздно им что-нибудь сломала.

— Это переходит все границы! — заявила Близняшка, точно подводя итог нашему старому разговору. — В этот раз вашего дружка вышвырнут вон, а может, даже ликвидируют. А я не останусь от этого в стороне! Уже давно пора было кончать с этим: его опасно держать с людьми, он вообще себя не контролирует!

Признаться, подобные мысли проскальзывали и в моей голове, но говорить об этом я точно не собиралась. Я вообще почти не говорю с близнецами — себе дороже. Но при случае не забываю толкнуть их, ударить мячом или случайно сделать еще какую гадость.

Но Кайл молчать не умел. Он вскочил на ноги, едва не перевернув свой стул, и навис над девушкой. Глядя на него, мне иногда кажется, что он самый сильный и храбрый человек в колледже, но затем я вспоминаю, что Кайл боится пауков, и тут же прогоняю эти мысли.

— Когда это случится, тогда и поговорим, окей? Иди, посиди со своим братиком в лазарете.

Наша одногруппница медленно прикрыла глаза, хотя, казалось бы, куда еще ниже. В том смысле, что они у нее и так вечно полуприкрыты тяжелыми, розовыми веками, и ей удивительным образом удавалось унижать окружающих, не говоря ни слова. Ее голос тягучий, с вечно обиженной интонацией, а еще она время от времени проводила рукой по волосам, перекидывая их набок. Все это раздражало и по отдельности, а вкупе становилось просто смертоносной дозой. Кстати, еще одна из причин для ненависти в копилочку.

— Его увезли в больничный округ, — тряхнула волосами девушка. — Теперь дошло, что ждет вашего кугалунга?

Я заметила, как напряглись руки Кайла, он сделал глубокий вдох. У меня самой озноб прошел по всему телу. Ситуация для

Хэла становилась все хуже и хуже. Понятно, почему его до сих пор не отпустили.

— Я позабочусь о том, чтобы его ждало как можно больше неприятностей, — подвела итог Близняшка. — Так просто он не отделается, ни за что. — Она развернулась, чтобы уйти, но вдруг мельком глянула на меня. — Ой, с Днем Нахождения, Укольчик. Наслаждайся этим деньком по полной.

Она отвернулась, а в следующую секунду я схватила со стола кактус и швырнула его вперед, в спину Близняшке.

Да, втайне я даже надеялась, что меня отведут к мистеру Директору или еще в какое место, где я встречу Хэла. Но ничего подобного — дежурный просто выдал мне записку и отпустил, здесь же, не покидая столовую.

Уж не знаю, насколько сильно кактус ударил Близняшку, возможно даже не поцарапал, но орала она на всю столовую. Подарок Кайла валялся на полу, со сломанными иглами и выпавший из горшка. Мне было жаль его, но в то же время он неплохо справился со своей миссией — доставил мне удовольствие.

Кайл отправился провожать меня до аудитории, где у меня должна быть лекция по истории. Я уже ни на что не обращала внимания. Слишком странный день, слишком много всего и сразу. Я устала.

В отличие от меня друг выглядел довольно бодро, несмотря на все, что успело произойти за утро. Он большой и сильный, как гора, с черным ершиком волос и крупными чертами лица. Мне кажется, что даже если весь мир треснет, рядом с ним мне все равно будет спокойно.

— Я все понимаю, но держи себя в руках, — шептал он по дороге в кабинет. Его рука придерживала меня за плечи, тяжелая и теплая. — Нам не нужно еще больше неприятностей, чем мы уже

имеем. Хэлу твое поведение может только навредить, понимаешь это?

Я молчала всю дорогу, пытаясь понять, действительно это все настолько серьезно или я просто переволновалась. Забудут студенты обо всем уже завтра или перемены только начались? Хэл часто влипал в неприятности — вернее будет сказать, что он не успевал вылипать из них. Но еще никогда пострадавших не отвозили в больничный округ. Отделается он суровым выговором или его ждет настоящий суд? Кат Великий, я скоро чокнусь от этих ужасных мыслей...

— Я заберу тебя после лекций, — на прощание добавил Кайл, когда мы дошли до нужной аудитории. Он растерянно обвел взглядом коридор, словно забыл, как здесь оказался, и вдруг выпалил, посмотрев мне в глаза: — Может... съездим в соседний округ? Закажем пиццу. Обычно они делают скидки в Дни Рождения, ну и Нахождения тоже... наверное. А? В конце концов, ты осталась без подарка.

Я понимала, что он хочет просто отвлечь меня от всего. Развеселить, накормить, порадовать. Это очень мило, но сейчас мне было не нужно. Я хотела только увидеть Хэла.

— Давай в другой день, — негромко ответила я, не встречаясь с ним взглядом. — Не хочу сегодня никуда идти.

— Окей, понял. Тогда еще увидимся.

— Увидимся.

Кайл поспешил на свою лекцию, а я с тяжелым сердцем зашла в аудиторию. У нас с Хэлом один проф по истории, и друг тоже должен был быть сейчас здесь. Но его место рядом со мной осталось пустым. Проф как обычно начал лекцию, но до меня продолжал долетать шепоток одногруппников вокруг. Они поглядывали на меня, пытаясь угадать, о чем я сейчас думала и что чувствова-

ла, силясь прочитать эмоции по лицу. У нас в колледже не так уж редки разного рода случаи, связанные с магией или простой человеческой глупостью, но убийств или близкого к этому еще не наблюдалось. По крайней мере, за последние лет семнадцать. Я продолжала надеяться, что все обернется лучшим образом, хотя надежда пропадала быстрее еды в Кайловой пасти. Хэла нет слишком долго — отпустят ли его вообще после произошедшего в ближайшее время? Друга ждали проблемы, и мне это не нравилось. Это были проблемы не того толка, с которыми весело иметь дело.

А тут еще толпа любопытных ушей и глаз вокруг меня. На целых два часа. И это все, ни раньше, ни позже, а в мой День Нахождения! Отличный подарок, премного благодарна!

Голос профа звучал отдаленно, монотонно и совершенно непонятно. Я вытянула ноги так далеко, как только смогла и запрокинула голову наверх. Ничего, я сильная, я смогу это выдержать. А потом Хэл ответит мне за все, да и еще в двукратном объеме.

Меня похлопали ладошкой по плечу, и я, слегка повернув голову, увидела Мимозу. Она торопливо зашептала, едва завладев моим вниманием:

— Где Скрип? С ним все в порядке? Я слышала, он сознание потерял. А с Близнецом что? Ты знаешь об этом?

Кат Всемогущий, только любопытной Мимозы мне и не хватало для полнейшего счастья. Ладно, я пыталась быть сильной и хорошей, но это оказалось последней каплей.

Не став утруждать себя ответом для одногруппницы, я быстро сгребла все со своего стола в рюкзак, подняла руку, подождала, пока на меня обратят внимание.

— Да, К44? — обратился ко мне проф, и как минимум десяток пар глаз устремился в мою сторону.

— Профессор, я плохо себя чувствую. Можно мне уйти?

Ему понадобилась пара секунд на принятие решения, и он кивнул мне. Я тут же подхватила рюкзак, проскользнула мимо парт и была такова. Мои баллы одни из самых высоких среди нашей параллели. Профы меня любят, хоть я их часто бешу, а я люблю их, несмотря на то, что они меня бесят постоянно. Но сейчас я не солгала, я в самом деле чувствовала себя отстойно и, возможно, профессор по истории номер И1 это сам понял. Он умница.

Я выползла в коридор и на пару секунд остановилась, смотря прямо перед собой. На стене висел плакат о турнире по фехтованию, который состоится через три дня. Одна из моих соседок по комнате в нем участвует.

Кругом была полная тишина, я даже не слышала голосов из аудиторий.

Этой Мимозе, верно, делать больше нечего, как волноваться за Хэла. Могла бы спросить у кого-нибудь другого, не меня. Я вообще заметила, что она часто лезет, куда ее не просят. Ну да ладно, из-за нее я получила целых два свободных часа, так не будем же терять их, торча в коридоре. Мне необходимы свежий воздух, прохлада и природа. Именно такое желание возникало у меня всегда, когда становилось не по себе. Опять зачесались руки.

Я без приключений добралась до первого этажа, а там уже без труда прошмыгнула мимо охраны к входным дверям. Вся дорога заняла менее пяти минут, ибо колледж — это мой дом, и кто, как не я, знает самые кратчайшие ходы и лазейки?

Хотя на первый взгляд он, конечно, кажется огромным. На улице центральный корпус окружает тебя кольцом — со всех сторон одинаковые решетчатые окна, темные пилястры и сиреневый плющ, поглощающий в себя здание. С земли не видно, но на парапете установлена сигнализация против сильной магии. Не то, чтобы мы не рады эйтам — если они вдруг заявятся, то мы, конеч-

но же, пригласим их на чай с булочками. Но колледж — не подружка, к которой можно захаживать, когда тебе становится скучно. Хэл не раз жаловался, что у него звенит в ушах, когда он проходит мимо главного корпуса, но я уверена, что он преувеличивает. Если бы он не знал, что там есть датчики, то ни слова бы не сказал.

Еще на парапете сидит несколько горгулий с выпученными глазами, распахнутыми пастями и растопыренным крыльями. Про них разное болтают. Либо что они оживают в новолуние и летают по территории колледжа, пугая прохожих. Либо что это пародии на эйтов из совета, которые в него входили во время строительства колледжа. Мне больше нравится третья, менее распространенная теория о том, что это заколдованные стражи, наподобие датчиков магии, которые вцепятся в любого, кто придет на УКОГ с войной.

Колледж, а главный корпус в особенности, такой старый, что ты чувствуешь его мощь, понимаешь, что он почти живой, и если ты ему не понравишься, то пеняй на себя. Стоя перед ним, создается впечатление, что тебя заманили в плен, что колледж поймал тебя в ловушку и вот-вот сомкнет свое кольцо. Некоторые студенты не любят задерживаться и стараются как можно скорее пройти мимо или зайти внутрь. Да и некоторые профы тоже.

Я бы никогда не дошла до подобных мыслей — о них мне в разное время говорили разные люди, впервые оказавшиеся здесь. Я же первое впечатление, которое произвел на меня УКОГ, не помню, мне было меньше года, и сейчас я, хоть убейте, не вижу в нем ничего пугающего или странного. Вот возле домов в городе, выстроенных по две стороны улицы, одинаковых, безликих и высоких, мне всегда не по себе.

Колледж — это моя крепость. Наподобие Кайла. Я знаю, что могу зайти в любой из корпусов, в любую аудиторию и попросить

помощи у любого работника, и мне обязательно помогут. Ребенком я часто терялась, плутала среди километровых коридоров, сотни дверей, но мне никогда не было страшно. Я изучала колледж, а он позволял это и помогал. Я не могла желать лучшего дома, чем он.

Со стороны арки послышался топот — такой мощный, что подо мной завибрировала земля. Бежать было поздно, а в парке перед корпусом спрятаться негде, да это и бессмысленно — меня бы в два счета нашли по запаху. Я обернулась, готовясь встретить опасность нос к носу.

В арку протиснулся щенок-подросток: лохматый, неуклюжий и настроенный поиграть. Высотой он был под три метра и весил полтонны. Его белая шерсть была вся в зеленых и коричневых пятнах от травы и грязи, на морде она слиплась от воды. Завидев меня, он принялся размахивать хвостом, затем резко припал на передние лапы, так, что его здоровая башка оказалась на одном уровне со мной, и запыхтел.

Щенка звали Йо-Йо, и он талисман колледжа. Его предки, гигантские волки, бродили по замкам в мире эйталитов, приводя в трепет посетителей и охраняя от неприятелей. Йо-Йо же приносил кучу хлопот, велся на шутки учеников и боялся ворон.

— Тише, малыш, — попросила я, поглаживая пса по грязной морде. — Мне нужно идти. Я не буду с тобой играть.

Я зажмурилась, когда розовый нос с коричневым пятном наклонился ко мне, с шумом вдыхая воздух так, что мои короткие волосы встали дыбом, а меня обдало жарким дыханием с вонью испорченной еды. Рытье в мусорных баках — одно из хобби Йо-Йо.

— Все, малыш, мне пора идти! — я слабо толкнула пса и выбралась из-под его морды. — Иди, поиграй в другом месте и с другими людьми.

Йо-Йо обиженно замотал головой и посмотрел на меня блестящими глазами темно-коричневого цвета. Его можно понять — сейчас ему одиноко, ведь у всех лекции и уроки. Но с ним было сложно играть: он легко мог покалечить человека и даже не заметить этого. Никто особо не любил встречаться с ним в коридорах колледжа или на улице. Его обманывали, чтобы заставить убежать или отвлечься, и Йо-Йо изо всех сил пытался быть «хорошим мальчиком».

Я вздохнула, смотря на него. Люблю животных куда больше всех людей вместе взятых.

— Хорошо, пойдем со мной. Только веди себя тихо.

Йо-Йо заскулил от нетерпения, затем неожиданно ткнул меня носом, повалив на землю, и со всех ног рванул прочь. В следующую секунду раздался его громкий лай с наружной стороны кольца корпуса. Я поднялась на ноги, вытирая с волос сопли пса, и поторопилась за ним следом. Неужели я всерьез ожидала, что Йо-Йо послушается меня?

И все же его неожиданная компания пришлась очень кстати, ибо я планировала узнать, где Хэл. А ради этого придется нанести визит Озеру Грез.

Номер К44. «Укол». Джем

Территория Универсального Колледжа Озера Грез (или УКОГ) занимает половину, если не больше, от города Роуздилл. Здесь находится четырнадцать учебных корпусов, восемь домов для студентов и пять — для персонала и профов, четыре парка, три алтаря и три библиотеки, музей, два кафе, зверинец, магазин и колокольня. Все это богатство перемешано и соединено между собой запутанными тропками, садами и аллеями. УКОГ так гордится тем бардаком, что творится на его территории, что даже проводит ежегодную игру в прятки, между всеми факультетами и группами.

Но святыней святых колледжа это, разумеется, Озеро Грез.

Озеро Грез — это живой кусочек прямиком из мира эйталитов. Волшебный, потрясающий и вместе с этим — беспощадный. Каждый ребенок, обычный он или дефектный, знает, что магия всегда что-то берет взамен своей силы.

Всю дорогу до Озера Йо-Йо почти километровыми скачками носился вокруг меня, едва не задевая своей тушей. Периодически он коротко потявкивал, припадал на передние лапы и поглядывал на меня так, словно подобно другим собакам обычных размеров, собирался повалить меня с ног и облизать лицо. Но так как в его случае это может закончиться весьма трагично, я отвечала ему убийственным взглядом и строго велела держаться от меня подальше.

Когда мы почти дошли до нужного места, Йо-Йо вдруг встрепенулся и со всех ног понесся обратно к главному корпусу, забыв про меня. Неизвестно почему он остерегается Озера — возможно, чует энергетику эйтов, и она приходится ему не по душе?

Свежий воздух приятно обдал лицо и голые руки. Он приносил с собой слабый аромат растения суклок, которое в это время года

зацветает у озера. Аромат напоминал ваниль и овсянку одновременно, многие говорили, что он возбуждает аппетит. А некоторые ученицы нарывали цветы, сушили по маленьким мешочкам и складывали их в комоды и платяные шкафы, чтобы придать ткани приятный запах. Хэлу бы не помешало напихать целую охапку таких мешочков в свой шкафчик с баскетбольной формой…

Я подумала о нем, и снова стало грустно-тревожно. За те четыре года, что я была знакома с ним и Кайлом, мы в каких только передрягах не побывали. Было и страшно, и весело, и любопытно и очень классно. Мы не боялись умереть или серьезно пострадать, мы даже были уверены, что с нами такого никогда не произойдет. Почему в этот раз всё должно быть по-другому?

Озеро покоилось в ложбинке, к которой можно было без проблем спуститься по одной из десятка вытоптанных троп. С высоты оно походило на огромное черное зеркало, которое ничего не отражало, но сверкало на свету. Через него был перекинут узкий мост с небольшой площадкой посередине. По берегам, в зарослях осоки и суклока, прятались лавочки, а дальше стояли две деревянные беседки. У самого Озера можно было заметить старую, кованую табличку с информацией об этом месте. Но правила игры с Озером все и так знали наизусть.

К счастью, сейчас здесь никого не было — учебное время. Только летали стрекозы, и где-то далеко крякала утка. Я немного помедлила, вдохнула поглубже и взошла на узкий деревянный мостик. Ветер тут же стал сильнее, перебросив мои волосы на одну сторону и бесстыдно приподняв юбку. Не останавливаясь, я шла вперед, двумя руками держась за низкие перила, пока не достигла середины моста. Аромат суклока продолжал нежно щекотать нос, но теперь казался далеким и слабым.

Облокотившись о перила, я посмотрела в фиолетовую воду, которая слегка мерцала на свету. Она казалась очень плотной для обычной воды, скорее уж походила на чернила. И в нее бесполезно было вглядываться — даже отражения Озеро отказывалось показывать. Никто не знал, какова его глубина — многие остерегались даже касаться самой воды. Из-за таких дополнительных тайн и пугающих предположений просто стоять на мостике было страшновато.

Для кого угодно, не меня уж точно.

Я резко выдохнула, сбросила с плеча рюкзак, расстегнула его. Среди канцелярской мелочи, крема от загара, мятных леденцов, ключа от комнаты, кошелька, ремней для ингелы я нашла пухлую, помятую книжку в мягкой обложке. Она была про какого-то вымышленного короля, который несколько лет не покидал свой замок, а затем вдруг решил отправиться в путешествие по всем известным измерениям. Ни разу ее не читала, но уже год таскала в своем рюкзаке. Оставалось надеяться, что этого было достаточно, и книга напиталась моей энергетикой.

Я снова перевесилась через перила, держа книгу над водой. Ветер слабо шевелил ее волнистые, желтые странички, и король на обложке с отчаянием смотрел на меня. Руки вдруг стали очень слабыми, и я крепче сжала зубы, как будто это могло помочь.

— Покажи мне Хэла, — прошептала я, одновременно с этим разжимая пальцы.

Книга без всплеска погрузилась в воду и тут же пропала в ней. На прощание не осталось даже ряби, Озеро было мертвенно-спокойным, как и всегда.

«Если упадешь в Озеро, об этом никто никогда не узнает. Твое тело не найдут, а память о тебе сотрется из мыслей твоих знакомых», — так шептали подростки, запугивая малышей.

Я ждала, вглядываясь в мерцающую воду темно-фиолетового цвета. В ней слабо виднелись розовые и почти черные разводы, а на этом фоне медленно и величественно переливались крошечные звездочки. То собранные целыми тучами, то раскиданные по одиночке.

Я ждала. Озеро не обращало на меня никакого внимания.

Что ж, на самом деле ничего удивительного. Магия требует дорогой для человека вещи, которая имеет кусочек его души, а не старой книжки, которую ни разу не открывали.

— Хэл, — повторила я, но еще недостаточно громко для называния настоящего имени. — Покажи мне его. Ну же.

У меня зачесались руки, и я рассеянно поскребла кожу на предплечьях, спрятанную под татуировками, не сводя глаз с воды. Когда прошло минут пять, и я начала думать, что же в таком случае можно бросить в озеро еще, темная вода начала проясняться, постепенно становясь прозрачной как стекло.

Я свесилась с мостика так, что едва не оторвалась подошвами кед от деревянных досок. Там, за видимой теперь пеленой Озера выступали очертания моего друга. Цвета были неестественно яркие, лица смазанными, а контур тел слегка шевелился и размывался. Это выглядело так, как обычно смотрится картинка во сне, ибо только так могло показывать людей Озеро Грез.

Хэл на чем-то лежал — кровати или диване. Футболки на нем не было, глаза закрыты, а лицо приобрело синеватый оттенок. Рядом с ним маячило несколько теней, которые могли быть мистером Директором, госпожой Докторшей или еще кем-то. Они передавали друг другу какой-то предмет, вертели головами, наверное, разговаривали. А потом один из них склонился над Хэлом и резко всадил ему в грудь нечто, очень похожее на длинный, тонкий нож.

Из горла вырвался крик. Я поспешно зажала рот ладонью, но «сон» быстро начал пропадать, и через пару мгновений вода снова была непроницаемой и мертвой.

У меня грудь ходила ходуном, руки мелко дрожали. Горло сдавливало, и подступало головокружение. Я пыталась понять, что именно я увидела, мыслить трезво, но в голове был полный тарарам. Мозг напрочь отказывался думать и осмысливать увиденное. Еще в носу защипало.

Я сползла и опустилась прямо на нагретые доски мостика, обхватив голову руками. Мне неожиданно стало холодно, даже зубы застучали. Дыхание перехватывало. Я не могла поверить увиденному — отказывалась. Хэл не мог умереть. Его не могли убить. Это все просто бессмыслица какая-то.

А это действительно был он? Может, какой-нибудь другой, не мой Хэл? Может, это все-таки был не нож? Там же… там же было плохо видно, правда ведь?

Я зажала ладонями уши, зажмурилась и принялась раскачиваться взад-вперед, пытаясь сделать вид, что внешнего мира не существует. Спрятаться от собственных мыслей, оглохнуть и ослепнуть, потерять память и почти исчезнуть. Ликвидироваться. Только это могло помочь мне сейчас остаться в здравом уме и, что самое главное, не заплакать.

Мне понадобилось десять минут, а может, два часа, чтобы я убедила себя в том, что я неправильно поняла «сон». Поверить в смерть Хэла было куда сложнее, чем в конец света. Он не мог сейчас быть мертв, если только вчера вечером я видела его живым. И сегодня мой День Нахождения. Невозможно, чтобы он был мертв.

— Наверняка этот кугалунг уже давно вернулся и сидит на уроке, — бормотала я себе под нос, возвращаясь обратно в централь-

ный корпус. — Ему сделали замечание, погрозили пальцем и сказали, что он плохо себя вел. Всегда так и бывает.

Но возле крыльца я затормозила. Было страшно представить себе, как я зайду в колледж, и нигде не встречу там друга. Я такого просто не перенесу. Что со мной будет на лекциях? Все заметят, что я нервничаю, хотя я никогда не нервничаю. Опять прицепится эта Мимоза или еще кто-нибудь, я окончательно потеряю самообладание и тоже убью кого-нибудь.

Отойдя на пару шагов назад, я окинула взглядом огромное строение, растянувшееся вокруг меня, и решила побыть в одиночестве еще немного. В конце концов, это тоже можно считать подарком на мой праздник.

Я не собиралась находить себе убежище для будущей большой игры в прятки. Я просто хотела побыть одной там, где меня не смогут увидеть и побеспокоить. В особенности Кайл или Йо-Йо, от которых отвязаться было куда сложнее, чем от любого из профов или одногруппников.

Я обогнула Озеро и быстро вышла к небольшой роще, которая пафосно называлась Лунная чаща. Во время полнолуния все деревья здесь казались голубовато-серебряными, как будто иллюзионными. У некоторых людей начинала кружиться голова, им мерещились фантомные силуэты и музыка. Со мной никогда не происходило ничего подобного. Я чересчур нормальная, наверное.

Побочная сила Хэла, та самая, что едва не прибила Близнеца, была с ним всегда. Стоило ему разозлиться, расстроиться, а иногда и обрадоваться, так берегись кто может! Он мог случайно взорвать дверь, поджечь свитер, разбить стакан. Ему даже касаться предмет руками не было нужды, все происходило так, словно от его мысли или эмоции по воздуху передавался разряд магии и бил в ближай-

ший предмет. Ну, или в ближайшего человека, хотя, Кат свидетель, нас с Кайлом его сила никогда не трогала.

Профы смотрели на это сквозь пальцы: ну что с ним, дураком, поделаешь? Он недостаточно силен, чтобы поселиться в мире эйтов, хотя и среди людей порядком доставляет проблем, но ведь никто еще серьезно не пострадал от этого.

До сегодняшнего утра.

У Кайла из побочного только внешность, но никому это не мешает. А я? Ничего побочного, я примитив до последней капли крови. Все, что во мне и есть занимательного, так это мои татушки. Они со мной сколько я себя помню. Покрывают обе руки от плеч до самых кистей. Ничего сногсшибательного — просто полосы зигзага, кольцами охватывающие руки. Фиолетовые и с розовым оттенком, почти как синяк. В нескольких местах от зигзага отходят небольшие отростки, заканчивающиеся квадратной закорючкой. По мне, так это просто шутка моих добрых родителей, которую они со мной сделали, перед тем как выбросить. Не имею ни малейшего представления, откуда они еще могли взяться.

Хотела бы я, чтобы Хэл был нормальным человеком, как я или даже Кайл? С одной стороны, так было бы куда меньше неприятностей, но с другой… он был бы уже не тем Хэлом, а значит с ним не было бы так весело. Но если это смогло сохранить его здоровье? Его жизнь?

Я старалась думать об этом и только об этом, болтаясь вниз головой. Зацепиться ногами за толстую ветку и висеть так – моя любимая поза когда нужно думать о чем угодно, но не о самом главном. Мысли встряхиваются: самые тяжелые оказываются погребенными внизу, а легкие, глупые и пустые подлетают вверх. Мне бы хотелось вытряхнуть все ненужное из головы окончатель-

но, но просто перевернуться вверх тормашками для этого будет недостаточно.

Подтянувшись, я забралась на ветку, скрестила ноги и закрыла глаза. Мне не нужно много места — ветка дерева, столбик, выступ камня или подлокотник кресла, и я с удобством устроюсь на этом пятачке. А уж отключаться от всего мира и медитировать я подавно могу где угодно и когда угодно.

Медитация и комплекс упражнений ингелы спасают меня от всего на свете. Без них я бы уже давно свихнулась, а может, и убила бы кого-нибудь. Надо мной смеются друзья, но я советую выполнить пару упражнений ингелы при любых проблемах: от мигрени до бесконтрольного проявления побочной силы. Ингела — это ключ ко всему, а медитация — что-то из разряда магии для таких обыкновенных людишек как я.

И именно сегодня, сейчас, я нуждалась в магической помощи этих средств. Я должна была выкинуть ту картину, что увидела в Озере, из своих мыслей до тех пор, пока не найду достаточно сил чтобы подумать об этом.

Или пока не увижу самого Хэла живым и невредимым.

Не знаю, как дожила до вечера. Проявив чудеса скрытности, я смогла избежать встречу с Кайлом и проникла в домик под номером три.

Здесь в одной из комнат обитал Хэл, деля спальню с еще двумя парнями. У нас в колледже до сих пор действует раздельное проживание парней и девушек, что некоторые периодически пытаются нарушить.

Я без труда добралась до двери комнаты друга и остановилась, нервно потерев пальцы друг о друга. Что сделать? Просто постучаться и посмотреть, внутри ли Хэл? Подождать здесь, снаружи, на случай, если он появится? Я не хотела вести себя как напуган-

ная истеричка, какой меня могли посчитать. Да и разве бы Хэл не пришел сначала ко мне или Кайлу, прежде чем заваливаться к себе в спальню, как будто ничего и не случилось? Мне бы не хотелось так думать.

— Джем?

Я нервно дернулась, как бывало каждый раз, стоило мне услышать свое имя. Никогда к нему не привыкну.

— Ты бы еще громче сказал, — прошипела я, мельком оглядываясь через плечо.

Кайл переминал с ноги на ногу в пяти шагах от меня, наклонив голову так, чтобы поля его шляпы тенью скрыли широкий рот. Шарфы, платки, высокие воротники — он старался спрятать свою пасть так, словно это было что-то постыдное. Будь у меня такая побочная внешность — развлекалась бы по полной и даже улыбалась бы при каждом удобном случае, чего со мной никогда не случается сейчас. Что плохого в том, чтобы иметь рот, полный акульих зубов?

— Не появился? — тише спросил Кайл, с ожиданием поглядывая на запертую дверь.

Я пожала плечом, понимая, как глупо это выглядит со стороны — стою перед комнатой Хэла и даже не в курсе, внутри он или нет.

И жив ли вообще.

— Сейчас узнаем.

Кайл подошел ближе и два раза ударил кулаком по двери, едва не выломав ее. Хотя дверь стояла новая, крепкая — прошлую Хэл случайно взорвал, когда, разозлившись, хлопнул ею. Такое случалось уже… дайте подсчитать… в четвертый раз.

Нам поспешили открыть, и на пороге появился невысокий парень по прозвищу Шнурок. Кажется, мы застали его за переодева-

нием — шорты и гольфы на нем еще были от спортивной формы, а вот вместо майки была напялена безразмерная футболка. Но лучше уж в ней, чем без нее.

— Где Скрип? — гаркнул Кайл, не потрудившись извиниться за вторжение или хотя бы поздороваться.

Шнурок посмотрел на него снизу вверх, мельком глянул на меня, поморщился. Я ответила тем же.

— Я его вообще сегодня не видел, — наконец пропищал он. — Что-то случилось?

Голос у него почти всегда звенел на высоких нотах. Он почесал себе зад, рассматривая нас и часто моргая пересохшими глазами. Его грязные волосы иглами торчали на макушке, весь подбородок был покрыт коркой от подсохших прыщей, а над верхней губой неопрятно темнели короткие, прилизанные волоски. Я бы никогда не смогла жить с ним в одной комнате — все равно, что делить спальню с тараканами. Готова поклясться, что он кидает носки на столик, оставляет в ванной грязные трусы на ручке двери и на глазах у всех подстригает ногти.

— Скрип чуть не зашиб Близнеца, — донесся бас из глубины комнаты. — Я как раз собирался тебе рассказать.

На свет вышел второй сосед Хэла, которого можно было вовсе не описывать. Его кличка Скелет все говорила за себя. Но я не понаслышке знала, что за видимой слабостью и легкостью этого тщедушного тела скрывается машина-убийца, которая сметает всё на своем пути во время игры в баскетбол. Скелет не брезглив к жестокости: ему ничего не стоит сбить человека с ног и пробежать по нему сверху, а то и еще отбить при этом мяч.

— Опять? — беспечно скривился Шнурок. — И что? Это не повод где-то шляться до самой ночи. Завтра игра.

— Он. Едва. Не убил. Его, — медленно повторил Скелет. — Близнеца отвезли в больничный.

Да, слухи и новости в колледже разносились быстрее любой другой заразы. Шнурок нервно хихикнул и поскреб себе спину. Я постаралась не задаваться вопросом, когда он в последний раз мылся.

— Вот же непруха… А сейчас-то он где? Я имею в виду, наш родной Скрип?

— У мистера Директора, полагаю, — отозвался Кайл, но не очень уверено.

Я молчала. Говорить о том, что я увидела в Озере Грез, не хотелось никому, особенно Кайлу. Между тем, я чувствовала себя все паршивее и паршивее — того и гляди сползу по стенке. Хэл скоро вернется, с ним все в порядке. Я даже начала думать о том, чтобы опереться о Кайла, чтобы уж точно не упасть. Воздух не доходил до легких.

— Выгонят? — прямо спросил Скелет. — Ликвидируют?

Шнурок со злостью толкнул соседа в бок, но сам поморщился от боли.

— Язык откуси! Он же не убил его, а? За что бы его ликвидировали? Да и вообще, неужто никто не привык к выходкам Скрипа? Ему всегда все сходит с рук. И в этот раз прокатит.

Его голос звучал отдаленно для меня. Я быстро облизнула пересохшие губы, ощущая теплую слабость в голове. Он просто немного опаздывает, как обычно.

Мимо прошла компания парней, хрустя чипсами и орешками. Они насмешливо пожелали нам спокойной ночи и, гогоча, пошли дальше. Со стороны руководства в этом было что-то кровожадное и забавное одновременно: поселить две враждующие во всех смыслах команды в один домик. Да-да, представляете, сколько же-

стоких розыгрышей и ловушек устраивали здесь друг другу мальчишки?

С ними завтра должны быть игра у команды Хэла, хотя теперь это отошло для меня на самые затворки мыслей.

— Они наверняка уже в курсе, — пробурчал Скелет, провожая взглядом компанию. — Будут зубоскалить.

Шнурок лишь раздраженно хрюкнул.

— Фигня. Мы и без Скрипа порвем их. А может, будет легче, ну согласитесь же?..

Пока он говорил, я вдруг безошибочно расслышала тот самый скрип кед по деревянному полу, прямо у себя за спиной. Тупая, теплая слабость резко схлынула, и по спине пробежали холодные мурашки.

— Легче? Уверен?

Я развернулась и невольно схватилась рукой за стену, чтобы не упасть.

Хэл, он же Скрип, стоял, опираясь левым плечом о стену позади нас. Он выглядел самым что ни на есть живым и здоровым, без всяких посиневших губ, окровавленной груди или чего-нибудь в этом духе. Он был жив! Пышная копна волос, словно только что из-под расчески, здоровый румянец, беспечная улыбка. Хэл выглядел идеально, как новенький.

Завладев нашим вниманием, он приподнял руки и изобразил пальцами пистолеты, направленные в нас.

— Пиу-пиу! Хотели сбросить меня со счетов, кюрук вас подери?

Номер Т23. «Скрип». Хэл

Когда я открыл глаза и понял, что в очередной раз остался жив после отключения, то у меня сразу испортилось настроение. Я откинулся на подушки и с ненавистью обвел взглядом лазарет. Бывал я тут едва ли не чаще, чем в своей комнате, и знал обстановку уже во всех деталях. Ряды железных коек, серые стены, белый потолок и яркий свет ламп. Острый запах лекарств тоже был узнаваемым до тошноты. Я чувствовал себя отвратно, как это обычно и бывало после возвращения, а сегодня еще и грудь болела, как будто я на угол налетел.

— Выспался? — прохихикала госпожа Докторша, показываясь в поле моего зрения.

Мне хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть ее, но тут я заметил шприц с длинной иглой, который она игриво крутила между пальцев. Мне вкололи нико-оксилаксицилин? Что, все было настолько плохо? Этим объяснялась боль.

— Еще немного, и откинулся бы, — подтвердила мои мысли Докторша. — Пришлось вытаскивать тебя обратно. Не рад?

С виду она выглядела такой солидной и серьезной дамой под шестьдесят — высокая, статная, с пышным начесом на голове. Она не шла, а плыла точно теплоход, беспардонно расталкивая плечами и бедрами подвернувшихся учеников и даже некоторых профов. Говорили, что нельзя долго находиться рядом с ней, потому что запах лекарств, которым пропитаны ее одежда и кожа, отравляет. Не глядя, эта женщина могла вколоть одному пациенту нико-оксилаксицилин, второй рукой сделать другому массаж сердца, и при этом еще успеть выкурить сигару. Внутри нее жил монстр.

Чтобы не отвечать ей, я поискал взглядом Близнеца, но соседние койки оказались пусты. Фигово. Неужели этот кугалунг давно пришел в себя и ушел, пока я валялся в отключке? Сколько вообще прошло времени?

— Ой, ну и влип ты, — протянула Докторша, убирая инструменты и больше не смотря на меня. — Как тебе новое украшение, дружок?

Я приподнялся на локте, щурясь от электрического света, и не понимая, что она несет. Украшение?..

Тут я заметил их и удивился, как не ощутил раньше. На руках, под самые подмышки были натянуты браслеты. Они были плотными, давили на кожу. А самое главное, что браслеты были сделаны из твердого кристалла, розоватого цвета, слегка просвечивающего на свету. Я не сразу понял, что это…

Сначала доза нико-оксилаксицилина чтобы я очухался, теперь «барьеры», которые блокировали магию — тут явно все было не так просто и несерьезно как в предыдущие разы. А вдруг я прибил Близнеца насмерть?

Когда в палату зашел мистер Директор, я решил, что так и случилось.

Сколько себя помню, моя побочная сила проявлялась не к месту и вела себя непредсказуемо. Несмотря на это, никто и не думал отправлять меня в мир эйтов, и я тихо-мирно бесчинствовал в обычном мире людей уже целых семнадцать лет. Меня многие не любили, кто-то побаивался, кто-то откровенно ненавидел, но в целом все было неплохо. Случайно ломая что-нибудь или ударяя окружающих побочной силой, я говорил: «Извиняюсь!», и никто еще не напяливал на меня «барьеры»!

Мистер Директор объяснил, что информация о происшествии со мной и Близнецом была доставлена в мир эйтов. Правящий со-

вет, под чьим надзором находился Роуздилл, рассмотрит заявление Директора и после этого решит, что со мной будут делать. Пока меня оставляли в колледже ожидать приговор, связав «барьерами». Насовсем отключить магию они не могли, но свою функцию выполняли хорошо — они ограничивали ее. После этого меня отпустили к себе.

Об этом я и рассказал Джем и Кайлу, когда нашел их. Вернее, я надеялся, что не увижу их до утра, к тому времени я бы смог придумать более красивую и ровную историю, чем этот бессвязный, жалкий рассказ о том, как чудно я провел денек. Но когда я подошел к своей комнате, эта ненаглядная парочка была тут как тут, ведя светские беседы со Скелетом и Шнурком. Честно говоря, я не очень удивился этому.

Джем и Кайл — одни из немногих, кто не боится или не ненавидит меня. Кайл — потому что его самого остерегаются, а ненавидеть он просто не умеет. А Джем не боится ничего на свете и в то же время одинаково недолюбливает всех вокруг. О, ну и конечно, они оба разделяли со мной любовь к баскетболу, без этого никуда. Лучших приятелей я не мог пожелать себе, правда, никогда им об этом не говорил.

Сейчас мы сидели в коридоре общежития, выбрав уголок подальше от комнат. Комендантский час давно прошел, все прятались по своим спальням, и поблизости никого видно не было. Но никогда не знаешь наверняка, и мы говорили шепотом, придвинувшись ближе друг к другу.

— Нифига! — Кайл поспешно прикрыл пасть ладонями и тише добавил: — То есть, тебя загребут к эйтам? Насовсем?

Кто только задает подобные вопросы на ночь глядя?

— Не знаю. Но что бы там ни решили эти уроды, это не будет хорошим решением однозначно.

Я представил, как совет эйтов изучает мою биографию, подробное описание инцидента, жалобу и решают-решают-решают, что же им делать с номером Т23 из мира людей, до которого им не было никакого дела?.. Сколько времени им понадобится на принятие решения? Максимум пять минут и еще пара недель на то, чтобы все красиво и официально оформить и доставить ответ в наш мир.

Кайл серьезно размышлял над сложившейся ситуацией, то хмуря лоб, то приоткрывая рот, то начиная теребить рукава рубашки. Он вообще любил подумать, рассматривая тему с разных точек зрения, делая много выводов, но, как правило, это все было совершенно бессмысленно и не несло никакой пользы. Джем скучающе ковыряла царапину на спинке дивана, ни капли не волнуясь о моей судьбе.

Меня все происходящее отнюдь не радовало. Всё начало меняться как раз в тот момент, когда я желал этого меньше всего на свете. Конец последнего года в колледже, слава как одного из лучших баскетболистов, более-менее приличные баллы — и вот из-за маленькой ссоры это летит ко всем кюрукам!

При этих мыслях я почти жалел, что не прибил Близнеца до конца. Это хотя бы оправдало все проблемы.

Я не выдержал и резко поднялся на ноги. В голову тут же ударила слабость, и я даже пошатнулся, чуть не повалившись обратно на диван. Вот что значит пропустить обед и ужин. Я уже должен был упасть в обморок от недоедания, но почему-то совсем не ощущал голода. Странное чувство.

От друзей было не больше толку, чем от стен, хотя, что я рассчитывал получить? Что они расстроятся до слез? Расправят плечи и скажут, что они пойдут за мной на край света? Умоляю. По меньшей мере, хотелось бы услышать от них какие-нибудь руга-

тельства в адрес мистера Директора, Близнеца, а заодно и всех эйтов тоже. Мне немного полегчало бы от этого.

— Ты закончишь обучение здесь?

Кайл поднялся следом за мной и нервно сцепил пальцы. Небольшие, широко расставленные глаза смотрели на меня почти с жалостью, а длинная черта рта искривилась. Мне даже стало его немного жаль — теперь еще не уснет из-за всего этого. Хотя кто сказал, что я засну как младенец? Я чувствовал себя ужасно уставшим, но сна не было ни в одном глазу.

— Не все ли равно? — хмыкнул я. — Кажется, пора паковать вещички.

Джем медленно сползла с подлокотника дивана, на котором сидела до этой минуты. Меня прямо злость взяла, когда я увидел, как она спокойна и равнодушна ко всему. Небось, если бы оказалась в моей шкуре не вела себя как ленивая кошка, а ногти сгрызла бы от беспокойства. Хотя о чем я говорю — ей этого никогда не суждено понять, она слишком нормальная, в ней ничего нет побочного. Сейчас она сонно потянулась, встав на носочки, и помахала нам ручкой на прощание.

— Уж очень постарайся больше никого не убить, — едко попросила она меня, как будто я в самом деле зашиб Близнеца насмерть. — Хотя бы до завтрака.

Легко хлопнув Кайла по руке, она, не оглядываясь, пошла прочь и через секунду уже исчезла. В воздухе остался висеть только легкий и почти невесомый аромат тех цветов, что растут у Озера Грез.

Кайл наклонился ко мне и прошептал:

— Она злится, что это все случилось в ее День Нахождения.

Я икнул от ужаса. День Нахождения Джем! Кажется, в ближайшем будущем меня ждет кое-что пострашнее приговора эйтов.

До меня не сразу дошло, как действовали браслеты-барьеры. Да, они блокировали мою побочную силу — возможно, не всю ее, но большую часть точно. А за эту «услугу» мне пришлось расплачиваться своей энергией.

Я совершенно не выспался, опоздал на завтрак, а потом и на лекции. Мое ловкое, сильное тело стало неуклюжим и медлительным. Мне постоянно хотелось прилечь отдохнуть или хотя бы закрыть глаза — просто закрыть глаза, всего на одну минуту. От шума вокруг болела голова, а во рту стоял один и тот же привкус — старого, засохшего печенья со дна банки. Если так будет продолжаться дальше, то я сдохну до того, как Директор получит ответ эйтов.

На обеде в столовой я взял чашку кофе и больше ничего. Есть не хотелось, хотя в последний раз я нормально питался только утром вчерашнего дня. Даже Кайл и Джем с удивлением уставились на мои почти пустые руки, когда я подошел к нашему столику.

— Я не голоден, — пробормотал я в ответ на их молчание и прихлебнул кофе.

Обжигающий, горький, вонючий кофе. Жаль, что в колледже не найти энергетиков.

— Этот день войдет в историю, — прокомментировала Джем с присущим ей сарказмом и желчью.

Кайл бросил на подругу укоризненный взгляд, да только какой от этого толк? Ее уже ничто не перевоспитает. Я снова вспомнил, что не поздравил ее вчера, но мои мысли тут же перебил Кайл:

— Может, попросить у госпожи Докторши какие-нибудь таблетки? — предложил он. — Это же стресс для твоего организма, нужно его поддержать.

Я помотал головой, не смотря на него. Снова встречаться с Докторшей мне не хотелось и уж тем более клянчить у нее лекарство. Всё как-нибудь образуется само собой. Это мое жизненное кредо.

На некоторое время за столиком натянулась неприятная тишина, прерываемая лишь звяканьем приборов. Я то и дело ловил на себе взгляды остальных студентов, в шушуканье и разговорах вокруг слышался мой номер или кличка. Колледж был счастлив. Давно уже не происходило ничего масштабного, и сейчас можно было вволю посплетничать. Я снова стал местной звездой, но сейчас меня это не очень радовало.

И тут Джем решила перейти с одной болезненной темы на еще более неприятную:

— Пойдешь смотреть на игру? Тебя заменят тем парнем с рогами, забыла его прозвище. Говорят, он отлично ведет мяч.

Я не мигая уставился на нее в ответ, желая только одного — чтобы она заткнулась. Но Джем закончила предложение и невинно хлопнула ресничками, ожидая моей реплики. Чувства людей ей вообще неведомы.

— Спасибо, как-нибудь проживу без этого зрелища, — вежливо ответил я, когда наша игра в гляделки затянулась.

— Как знаешь, — пожала плечами подруга. — Я схожу.

Вот предательница!

Кайл ерзал на одном месте, не зная, что сказать, чтобы разрядить обстановку. Свой салат из моллюсков и вареную картошку с рыбой он уже давно проглотил. Джем медленно ковырялась палочками в миске, где были покрошены сырые брокколи и морковь, политые лимонным соком. Может, это из-за ее странной диеты у нее притупились все эмоции и чувства?

— Долго вчера лежал в отключке? — неожиданно спросил Кайл. — Как оно?

Я сделал еще один глоток кофе, только бы не отвечать ему сразу. Мои отключения после проявления побочной силы — одна из немногих, если вовсе не единственная тема, которую я старался не обсуждать с друзьями. Верно, здоровяку совсем в голову ничего не шло, раз он спросил об этом.

— Целый час. Отлично себя чувствовал, если бы не «барьеры».

Кайл опустил взгляд, догадавшись, что я не хочу говорить об этом. А Джем вдруг потянулась ко мне и ущипнула за руку палочками для еды. Я дернулся и едва не пролил на себя остатки кофе. Вот постоянно она так! Неудивительно, что ее кличка — Укол.

— Колись, — строго приказала она. — Колись, что случилось.

Я бы все равно им ничего не рассказал, а последующие события сыграли отличный предлог, чтобы забыть об этой теме еще на некоторое время.

Я просто не понимаю, как объяснить ребятам свое нежелание делиться с ними тем, что происходит, когда я теряю сознание. Они знают обо мне все — даже мое настоящее имя. И да, они хотят знать о моих проблемах только за тем, что могут реально помочь. Я доверил бы им свою жизнь, не моргнув и глазом.

Но мои отключения — это только мои отключения. Маленький, тихий уголок жизни, где есть я и еще один человек.

Отключения всегда идут под руку с моей побочной силой. Еще младенцем, как любят рассказывать родители, я вырубался на несколько часов, стоило побочной силе вылезти наружу. В начальной школе они почти прекратились, потому что была куча всего вокруг, на что отвлекался мой организм. Мне было просто не до магии: я переключал внимание с неудач на новые открытия, с оши-

бок на победы ежеминутно, и выпадать из этого графика даже на час я себе позволить не мог.

А вот переходный возраст отыгрался на мне по полной. Мало того, что тебя вдруг начинает ненавидеть собственное тело и в голове появляются странные и пугающие мысли, побочная сила в это время начинает разрушать все вокруг без разбора. Я подпалил усы учителя по химии, взорвал как минимум десять шкафчиков одним взглядом, поднял в воздух одноклассника, который просто задел меня плечом и даже чуть не спалил библиотеку. И, разумеется, отключения случались часто, неожиданно и порой надолго. Тогда-то я и смог как следует рассмотреть место, в которое переносился во время этого.

Я полагаю, что это не разновидность сна, а все же вполне себе реальное измерение, которое при желании можно найти. Когда я попадаю туда, то осознаю, что нахожусь в отключке и что через некоторое время приду в себя. Я не могу пожелать фантастических вещей вроде полетов или сделать еще что-то странное, но мне это и не нужно. Здесь я могу отдохнуть и побыть один… или почти один.

Это место всегда выглядит одинаково — берег моря и пригорок над ним, где растет одно дерево. Вместо травы там голубые одуванчики, а над морем сияет две луны — одна полная и тонкий месяц. По этим признакам нетрудно догадаться, что это место находится не в мире людей. Обычно я бродил по мелководью, сидел на земле или забирался на дерево. Я никогда не пытался уйти отсюда и попробовать найти другое место. Мне было хорошо и здесь.

Вскоре меня стала навещать девушка. Вернее, иногда она была девушкой, иногда женщиной, маленькой девочкой или даже старушкой. Она меняла возраст, могла немного изменить облик, но ее отношение ко мне всегда оставалось одинаковым.

Она заботилась обо мне и, возможно, даже как-то помогала быстрее восстановиться после проявления побочной силы. Я не знал ее имени, не знал, кто она и откуда. Я даже не мог точно сказать, существует ли она на самом деле, в одном из тысячи миров. Но для меня она более чем реальна.

Чаще всего она просто появлялась из ниоткуда и садилась рядом со мной. Она могла не прикасаться ко мне и даже не смотреть в мою сторону, но мне было достаточно ее присутствия. Это успокаивало так, как меня не могло утихомирить ничто и никто в реальном мире. Возможно, она была волшебницей, и в этом заключалась ее великая магия. Я часто рассказывал ей, что же я натворил такого, из-за чего в очередной раз отключился, и что вообще происходит в моем мире. Иногда молчал.

Она мне не отвечала. Она вообще никогда не разговаривает.

Мне скрывать нечего — вокруг меня происходило очень много странной фигни. Но самыми странными, вернее, удивительными, являлись встречи с этой девушкой. Они казались такой интимной, личной и хрупкой частью моей безбашенной жизни, что делиться этим с кем-то, даже с близкими друзьями — ни-ни.

Поэтому я даже был рад, когда в столовой по громкоговорителю прозвучал голос мистера Директора, и мне не пришлось выдумать отмазки, чтобы избежать этого разговора.

— НОМЕР Т23, ПРОСИМ ВАС НЕМЕДЛЕННО ПОСЕТИТЬ КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА!

Сообщение было повторено еще два раза, а я, как самый примерный ученик, уже вовсю торопился на третий этаж главного корпуса, где обитал мистер Директор. Я надеялся, что Кайл и Джем не успеют последовать за мной, потому что я, правда, не был сейчас в том настроении, чтобы болтать с ними.

В кабинете мистера Директора я уже был не один раз и чувствовал там себя почти как дома. Здесь просторно, и у него нет секретаря. Стены из белых панелей, серый полосатый ковер, засохшее растение в огромном горшке. Сам мистер Директор был самым нормальным человеком в мире и страшно этим гордился. Он не раз упоминал, как важно сохранить чистоту крови, чтобы избежать проблем. Себя, разумеется, он ставил в пример.

Но при этом я никогда не слышал, чтобы он плохо отзывался или относился к дефектным. Он всегда помогал студентам — закрывал глаза на просрочку аренды комнаты, если знал, что у человека проблемы с деньгами. Уговаривал профов дать еще один шанс какому-нибудь недотепе, который завалил все, что можно было завалить. И предоставлял хлеб и кров детям, которых подбрасывали на порог колледжа.

Возможно, поэтому мистера Директора все уважали. Уж я-то точно знаю: Джем в нем души не чает.

— Т23, проходи, — любезно протянул он, лениво вращаясь на своем стуле то в одну сторону, то в другую.

Он улыбался мне с долей снисходительности и отцовской заботы, но я уже достаточно хорошо знал его, чтобы сразу понять — он чем-то обеспокоен и теперь старался это скрыть. Что-то случилось — может, уже пришел ответов от эйтов? Но нет, они не могли так быстро, у них и без меня хватает забот. Тогда что еще стряслось ко всему прочему? У меня начало покалывать пальцы от волнения. Если бы не «барьеры», я бы уже обязательно что-нибудь подпалил или взорвал.

— Присаживайся, сынок.

Мебель в кабинете была широкая, кресла — мягкими. Все они в совокупности походили на самого мистера Директора — на его широкое лицо, лысину, плотное, мягкое тело и глубокие складки

на костюме. Я сидел на самом крае белоснежного кресла, готовый вскочить в любой момент. Мне очень не нравилось то, что я еще не услышал.

— Сегодня мы получили ответ от совета эйталитов по поводу вчерашнего происшествия, — формально начал Директор, и я сильно сжал руки в кулаки, стараясь справиться с внезапным приступом паники. — Ответ был… емким. — Он помедлил еще раз, едва не сводя меня с ума этой паузой. — Они хотят тебя видеть.

Я чуть не подорвался со своего места. Так и знал! Я встал им поперек горла. Они удивились, как не узнали обо мне раньше. Они в ярости, что я пользуюсь их магией без стыда и совести. Они проведут какой-нибудь эксперимент, чтобы узнать, на что способна моя побочная сила? Попытаются забрать ее у меня? Посадят в тюрьму? Ликвидируют? Да этим уродам что угодно может прийти в голову, никакие человеческие морали их не волнуют!

— Как ты и сам понимаешь, — Директор изменил голос — теперь он говорил более серьезно и строго, — эйталиты вряд ли отпустят тебя обратно. С каждым годом твоя сила возрастает. И с ней опасно оставаться в мире людей. Я не скрываю, я не знаю, что они собираются с тобой делать.

— Ликвидируют, — буркнул я.

— Ну, зачем так пессимистично? — в голосе опять прозвучали отцовские нотки, но вскоре их заменил тон руководителя. — Но и мы им не марионетки, чтобы по первому требованию вырывать тебя отсюда и передавать им. Мы попросили времени для тебя, один месяц. Этого хватит, чтобы ты сдал все экзамены и получил диплом. Ты все-таки закончишь колледж, а не покинешь его без двух дней выпускником.

Я чуть не поперхнулся от такой щедрости. Он чокнулся? Зачем мне диплом в мире эйтов? На стену для красоты повесить, что ли?

— Я не люблю бросать дела незавершенными, — медленно пояснил Директор, водя большим пальцем по скругленному краю своего стола. — Везде нужно поставить точку, прежде чем начинать что-то новое. Я поговорю с профессорами, чтобы они провели тестирование. У тебя будет около двух недель на подготовку, не больше. Это все, что я могу сделать.

Меня распирала злость, и ладони слегка побаливали. Вместе с этим с каждой секундой усиливалась слабость, а пульс учащался. Я был в ярости и ужасе и, не в силах подорвать или разбить что-нибудь, чтобы дать вволю эмоциям, я фактически пожирал сам себя.

— Это все, — повторил Директор, наблюдая за мной и, вероятно, догадываясь, что я испытывал.

Я сцепил пальцы в замок, затем сжал их в кулаки, а потом попытался расслабиться. Директор и в самом деле сделал все, что мог для меня — попросил немного времени у эйтов. Хотя знал, что мне нельзя оставаться в мире людей — а если, чего доброго, «барьеры», не выдержат? Он попросил, хотя у эйтов просить не принято. Для меня. Чтобы я закончил его кюруков колледж.

— Спасибо, — буркнул я, и с удивлением почувствовал, как слабость начинает отступать, покалывание прекратилось. Мне даже дышать стало легче.

Директор кивнул мне на прощание и искренне добавил, прежде чем я вышел за дверь:

— Мир людей лишится талантливого баскетболиста.

Хотел он похвалить меня этим или чтобы я почувствовал себя польщенным? Мимо, меня лишь окончательно добила эта фраза, и я закрыл за собой дверь, искренне надеясь, что она разлетится в щепки.

Но ничего не случилось.

Номер Л5. «Кашалот». Кайл

Месяц, один месяц?! Всего через месяц Хэл исчезнет за тяжелой дверью с табличкой «Эйталиты»? Всего месяц на всё, что он еще не успел сделать в мире людей? Всего через месяц я потеряю своего лучшего друга?!

Нас всех подвергли в шок слова мистера Директора. Ну, то есть, насчет себя могу сказать это с твердой уверенностью. Я был просто в ужасе. Хэл же выглядел на удивление спокойно, но я понял, что это из-за действия «барьеров», иначе бы тут все вокруг уже горело черным пламенем.

Джем крепко скрестила руки на груди, вздернула острый подбородок, и мы с Хэлом приготовились к гневной тираде.

— Что, прости? Эйты забирают тебя к себе, как какую-то вещь? И тебе дали месяц чтобы ты прошел тестирование? Чтобы, кюрук тебя подери, ты получил диплом? Я правильно все поняла?

Я вдруг подумал о том, что если бы наша Джем сию же секунду предстала перед всем советом эйтов и повторила бы свой вопрос с такой же интонацией и, разумеется, с этим же взглядом, то никто бы не осмелился забирать от нас Хэла. Побоялись бы.

— Правильно, — отозвался Хэл, невозмутимый и равнодушный как никогда в жизни. — Наверное, уже пора начинать готовиться к экзамену.

Джем размахнулась и сгребла его за ворот рубашки. Хэл замолк от неожиданности и согнулся почти в два раза. Он не такой уж и высокий, на самом деле, но Джем все равно пониже его.

— Лучше бы ты прибил Близнеца насмерть, раз тебя все равно забирают, — прошипела она, почти не разжимая зубов. — Лучше бы ты сразу родился полноценным эйтом и никогда здесь не появлялся!

Она оттолкнула его от себя так, что Хэл едва не потерял равновесие, и быстрым шагом пошла прочь, ни разу не оглянувшись и больше ничего не сказав. Давно не видел ее такой злой.

— Ясно, кто меньше всех будет скучать по мне, — просипел Хэл, потирая шею. — Будь у нее побочная сила… ух, даже самая слабая… — он оттянул ворот рубашки и сглотнул. — Страшно представить, что стало бы с колледжем и со всеми нами.

Я слегка улыбнулся и кивнул. Веселиться желания не было, но не лить же теперь слезы из-за всего этого, в конце концов.

— Ты под арестом? — спросил я, невольно глянув на его руки.

Браслеты были спрятаны под длинными рукавами рубашки, но темнели через белую ткань.

— Зачем? — устало отмахнулся Хэл. — Если я сбегу, то не доберусь даже до города. Они все просчитали… — он тихо ругнулся под конец.

«Сбегу»?

— Тогда сгоняем в центральный округ после лекций? — предложил я. — Возьмем по пицце — у эйтов тебя вряд ли угостят чем-то подобным.

Точно не знаю, но слышал, что эйты не жалуют современную кухню, не признают фастфуд и едят чуть ли не сырое мясо с дикой травой.

Может, это звучит примитивно, но я считаю, что еда — один из самых лучших способов для поднятия настроения. Кто-то занимается ингелой, кто-то в ярости ломает вещи, ну а я предпочитаю поесть.

Хэл попытался улыбнуться — действительно постарался, хотя настроение было далеко не радостное.

— Не откажусь.

Если долго не выбираться за пределы колледжа, то вскоре может создаться впечатление, будто весь мир — колледж. Тогда и твоя собственная роль в нем выглядит более существенной, и правила игры не такие страшные, и вообще все кажется под полным контролем.

Но стоит выйти за ворота, как начинается что-то обратное клаустрофобии. Ты неожиданно вспоминаешь, что за забором столько места, что там может разместиться еще такой же колледж. Ты осознаешь, что и этим дело не заканчивается, и за пределами родного острова где-то находятся другие материки и острова (на каждом из которых может стоять около десятка колледжей). Тебя охватывает паника, ты начинаешь чаще дышать. Затем вдруг вспоминаешь о мире эйтов, который, ну, как минимум в пять раз больше всего твоего мира. Твое состояние близко к обмороку. Ты бледнеешь… и думаешь об остальных мирах, которые спрятаны в толще реальности, миры, которые могут быть еще больше обитания эйталитов... Мозг готов взорваться от перегрузки.

Я выбираюсь в соседние округа довольно часто, да и Хэл мотается туда-сюда. Это такие, как наша Джем, редко покидают родной дом (а колледж для нее и есть настоящий дом во всех смыслах), и я вижу, как неуютно она себя чувствует в городе. А может, мне все просто кажется, и Хэл прав насчет того, что у нашей подруги чувств нет совсем.

В колледже можно брать напрокат скейты, велики, ролики, но мы решили обойтись без всего этого. Главной причиной, конечно, было то, что у Хэла опять неполадки с финансами, но не спеша выгулять мозги, как следуя все обдумать, тоже было очень важно. Вернее, мне-то думать было не над чем. Что я мог сделать для Хэла? Как я мог повлиять на решение мистера Директора и эйтов? Кто я такой для них? Я не бесился от собственной беспомощности,

а относился к этому философски. Джем бы я мог посоветовать то же самое, только вряд ли она ко мне прислушается.

Мы брели по улицам Роуздилла, не глядя по сторонам и не обращая ни на кого внимания. Да и люди нас тоже особо не разглядывали — хоть мы и были в форме колледжа, все местные привычны к оравам студентов, кочующим от округа к округу. Других подростков здесь мало — в колледже сосредоточены почти все молодые люди города старше десяти и младше двадцати. Это они пусть чувствуют себя неловко среди взрослых и стариков, а нам стыдиться нечего.

Перед прогулкой Хэл переоделся в спортивную форму, потому что он ненавидит брюки, и рубашки, и когда нужен галстук, а еще хуже, если и запонки, и вообще ему туфли уже все ноги натерли. Правда, баскетбольная форма колледжа была не менее узнаваемой, чем обычная повседневная, так что затеряться среди простых горожан ему все равно в ней не удалось бы.

Эта мысль просто проскочила в моей голове, я ни на что не намекаю.

Роуздилл занимает весь остров с одноименным названием и со всех сторон окружен Великим океаном. К несчастью, я вырос в центральном округе, там, где совсем не слышен шум прибоя и не ощущаются ароматы песка и воды. При каждом удобном случае я выбирался к берегу, но… несмотря на кажущуюся простоту, случалось это очень редко. Я постоянно был чем-то занят, не по своему желанию. Знаете, как родители решают вырастить свое чадо универсальным человеком? Его отправляют на кружок танцев, и в музыкальную школу, в клуб радиолюбителей, а еще на курсы астрономии. В итоге вырастает такой болван, как я, который ничего не смыслит в жизни, до сих пор не определился, чем будет

заниматься, но зато может станцевать чечетку и спеть «Ты свети, мой фонарь».

Роуздилл не самый продвинутый город, но здесь достаточно автомобилей, в городе у всех есть электричество, радио, телефонная связь, а недавно появилось цветное телевидение. На улицах зеленели новые будки таксофонов, в любом кафе можно было включить музыкальный автомат или сыграть в аркадный. Мне нравилось наблюдать за технологическим прогрессом, отмечая новинки и узнавая об открытиях. Я искренне любил Роуздилл, и, как бы я ни относился к эйтам и их поступкам, приходилось признавать, что всё это мы имеем только по их воле. Эйты держат власть над людьми, и сколько бы те ни восставали, как громко бы ни роптали, это останется так. Люди работают на эйтов, а они позволяют им жить со всеми современными удобствами. Вполне честная цена.

В городе была одна по-настоящему хорошая пиццерия, которая занимала два этажа и еще площадку на улице. На первом этаже стоял цветной телевизор, а на втором играло радио. Меню предлагало около двух десятков видов пицц, а еще закуски, десерты и напитки. После полезной, но такой надоевшей еды в колледже здесь можно было устроить себе настоящий праздник живота по любому поводу и при наличии неплохих финансов, разумеется.

Не хочу хвастаться, но с последним у меня проблем не бывает.

В пиццерии всегда тусовалось много народа, и нам с Хэлом с трудом удалось найти местечко возле окна на втором этаже. Молодая официантка — из тех девушек, что провалили экзамены в колледж — испуганно покосилась на нас, отдала меню и поспешила уйти. Да, студентов в подобных заведениях не особо жалуют. Такой уж у нас сложился имидж, что мы можем только шуметь, разбрасывать вокруг себя еду, быть наглыми с официантами, а

потом еще ныть, что денег-то у нас сейчас с собой нет и нельзя ли как-нибудь записать на счет родителей или друзей…

А я люблю ломать плохие стереотипы и себя так никогда не веду.

— Мой Кат, как я уже устал от этого денька, — протянул Хэл, разваливаясь на диванчике, запрокидывая голову на спинку и вытягивая ноги далеко вперед. — Я сейчас думаю, что мне придется срочно готовиться к тестам и экзамену и… ох, может, мне просто повеситься, а?

Я постучал меню по столу, поглядывая поверх него на друга. За спиной Хэла было панорамное окно, выходившее на оживленную улицу. У меня вдруг создалось впечатление, что стекла на самом деле нет, и Хэл вот-вот сорвется вниз. Я слегка куснул себя за губу изнутри, чтобы отвлечься, и глупо махнул рукой в сторону.

— Я могу помочь — с экзаменами или повешением, не велика разница. Только скажи, чувак. Но давай сначала поедим, я просто умираю…

— Обед был два часа назад.

— Знаю, но на нервной почве я становлюсь таким голодным, — я слегка улыбнулся и спрятался за меню, разглядывая названия блюд.

Вообще-то мне кусок в горло не лез, как казалось. Но я надеялся, что когда нам принесут горячий круг пиццы с розовыми креветками, белыми полосками из кальмаров, темными мидиями и можно еще, чтобы там были оливки… Он тепло дышит свежей хлебной корочкой, тонким, щекочущим ароматом соленой воды и нежного-нежного мяса… Уже сейчас у меня что-то забулькало в животе от таких мыслей.

— Кайл, — тихо позвал меня Хэл, пододвинувшись поближе, — как считаешь, меня правда ликвидируют?

Я с трудом оторвался от мыслей о пицце и несколько раз повторил его вопрос про себя, чтобы до конца вникнуть. Ликвидировать? Как не люблю это слово, такое противное на вкус и такое угловатое в мыслях. По большей части это связано с тем, что никто из людей толком не знает, как происходит процесс ликвидации у эйтов. Ну а где незнания, там бесчинствуют домыслы и слухи. Я, например, слышал, что человека (или самого эйта) умертвляют, затем расчленяют, кремируют, а прах развевают над миром людей, где он смешивается с дорожной пылью, землей и просто оседает в домах. От человека не остается ровным счетом ничего материального. Он исчезает из всех известных миров разом.

Когда я вспоминаю этот вариант, то тут же, изо всех сил стараюсь не думать о том, что люди, возможно, дышат этими несчастными, и они откладываются в легких… Брр!

У меня опять ком встал в горле после затрагивания такой темы. Хэл же был совершенно спокоен и серьезен, чего с ним вообще случалось редко. Это все из-за «барьеров», поверьте мне на слово.

— Да ну брось, старина, — небрежно протянул я, листая меню и не смотря на друга. — Никого еще не ликвидировали за то, что у него развита побочная сила. Тебя просто отдадут в колледж эйтов и сделают полноправным жителем их мира. А может, вовсе глянут на тебя и отправят обратно. Всякое бывает.

Я понятия не имел, что на уме эйтов, и что в принципе принято делать в этих ситуациях, а потому мои слова звучали не лучше, чем: «Ветер дует, потому что деревья качаются». Но я пытался подбодрить друга, изо всех сил.

— Почему эйты ответили так быстро и сразу захотели забрать меня? — подозрительно произнес Хэл, почти не слушая меня. — Мне не нравится такая реакция. Я подумал…

Он резко замолчал и выпрямился, смотря мне за спину. Я и оглядываться не стал, а сразу приготовил меню, готовясь озвучить заказ.

— Нам морскую, большой круг, и…

Меню вырвали из рук и хлопнули им меня по голове. Я обиженно ойкнул, оборачиваясь назад, но пока я возился, невидимый противник успел обойти вокруг меня и плюхнуться в кресло напротив. Когда я, наконец, снова повернулся вперед, то увидел, что Хэл давится со смеху, а Джем сердито буравит меня взглядом. Эту ненормальную то днем с огнем не сыщешь, то она вдруг появляется, когда меньше всего этого ждешь. Но, тем не менее, я рад был видеть ее.

Джем тоже была в спортивной форме, но оставила гольфы и куртку в колледже. На ней остались только майка и короткие шорты. Вместо кед были роликовые коньки. Джем стянула их прямо здесь и забралась в кресло вместе с ногами, скрестив их. Все это заняло меньше десяти секунд, и вот она снова смотрит на меня в упор. Пухлая нижняя губа поджата, брови сползли к самым глазам. Я слегка приподнял уголки губ в ответ, но это не помогло.

— Вы, два кугалунга, почему не взяли меня с собой? — воскликнула Джем, полностью завладев нашим вниманием.

— Но ты же ушла, мы больше тебя не видели, откуда нам было знать… — начал было оправдываться Хэл, но Джем лишь ударила его кулаком под ребра.

Хэл отодвинулся на другой край диванчика и выразительно глянул на меня. Я едва заметно кивнул, соглашаясь с ним. Девчонки такие же непредсказуемые, как и природные катастрофы, в особенности, если их насылают эйты!

Заметив наше переглядывание, Джем разозлилась по-настоящему. Подхватила с пола один ролик и замахнулась им.

— Хватит лыбиться, дурачье! Быстро рассказывайте, что вы тут без меня выдумали!..

Она скривилась, когда к нашему столику подошла официантка. Та недоуменно и почти со страхом уставилась на нашу подругу, которая продолжала держать в одной руке конек. И прежде чем разразился скандал, я выпалил:

— Нам пиццу «морская», самый большой круг, а также среднюю пепперони и маленькую вегетарианскую. И три мохито без алкоголя, пожалуйста.

— И салат со шпинатом, — голосом, холоднее льда, добавила Джем.

Когда наш заказ был доставлен, официантка получила свои чаевые и, так ничего не сказав на наше неожиданное и весьма грубое пополнение, удалилась, мы наконец-то смогли нормально поговорить. Я имею в виду, не размахивая обувью, не собираясь нигде вешаться и больше не урча животом на всю пиццерию.

— Мы обсуждали ликвидацию, — спокойно начал объяснять Хэл, и я едва не поперхнулся мохито. — Что ты думаешь об этом?

— О ликвидации? — Джем и бровью не повела, пытаясь языком вытащить листик салата, застрявший между зубами. — Никогда не было повода подумать о ней. А ты мечтаешь, чтобы тебе оказали такую честь?

Для девчонки ничего святого нет, она над чем угодно готова потешаться.

— А разве это не логичный вывод из всего, что происходит в последнее время? — Хэл начал нервничать. Он даже отложил кусок пиццы и полностью повернулся к Джем. — Я не нужен эйтам. И людям здесь тоже. Понимаешь? Ни там, ни там. Ликвидация — единственный выход, и именно это они и сделают.

— Аппетит не порти, — оборвала его Джем, продолжая спокойно пережевывать свою порцию. — Не приходил в голову такой вариант, что ты им вообще не сдашься, и тебя отправят обратно?

— Слишком маловероятно, — упрямо возразил он. — Они решат, что меня опасно оставлять, в любом из миров.

Мне не нравились его мысли, но я не мог найти ничего убедительного, чтобы ответить. А Джем, похоже, забавляли его опасения. Было ли хоть что-нибудь, способным напугать ее по-настоящему? Так, чтобы у нее сбилось дыхание и перевернулось сердце в груди? Не хотелось об этом думать, но я понимал, что если со мной или Хэлом что-нибудь случится — даже тогда Джем едва обратит на это внимание.

— У кого-то звездная болезнь. Ликвидация — затратный процесс. Возиться из-за очередного дефектного? Больно надо. — Джем отвела взгляд и взяла свой бокал с мохито.

Хэл собирался что-то ответить, но вместо этого поступил весьма мудро — откусил от своей порции, молча прожевал и только после этого заговорил снова: негромко и уже без явных эмоций:

— У меня нет никакого желания проверять, кто из нас прав. У меня нет никакого желания вообще идти к этим уродам и ждать, что они решат со мной сделать.

Джем проглотила последний кусочек своей травяной пиццы и потянулась, прикрыв глаза. Она удивительно похожа на кошку и на птичку одновременно. Небольшое, гибкое тельце и короткие, мягкие волосы, похожие на перышки. Она почти всегда казалась такой расслабленной и ленивой, но стоило тронуть ее, как мгновенно бросалась в атаку. Могла заклевать до смерти, разодрать когтями на клочки. А затем, как ни в чем не бывало, возвращалась в свое гнездышко и продолжала дремать дальше.

— Я же говорю, вы что-то уже задумали, — наконец произнесла она, посмотрев на нас. — Колитесь. Сейчас же. Что. Вы. Задумали?

Я собирался возразить, что ничего мы не придумали и вообще, что она несет, как Хэл вдруг произнес — тихо, но предельно ясно:

— Пора валить отсюда.

Я наивно понадеялся, что он имеет в виду пиццерию.

Джем промахнулась и ударила палочками мимо миски с салатом.

— Ты хочешь сбежать из колледжа? — прошептала она, округлив глаза. — Куда? Навсегда?

Она даже раскрыла и поставила меню, словно за ним можно было спрятаться от всего мира. Я тоже пододвинулся к столику поближе, одновременно с этим посматривая по сторонам. Верно, до этого мы не привлекали к себе никакого внимания, а сейчас выглядели как супер-секретные агенты, которые стали заметны всем вокруг.

Хэл склонился над столом, отодвинул пустой бокал и зашептал, для пущей секретности прикрыв рот рукой:

— Я не собираюсь быть куклой в лапах людей или эйтов. Я уйду из колледжа на время и вернусь, когда про все уже забудут, и шумиха уляжется. Не думаю, что это займет много времени. Еще успею потанцевать на выпускном балу.

Возможно, Джем и ожидала что-то такое, но только не я. После заявления Хэла у меня буквально челюсть отпала. Никто ранее на моей памяти не пытался сбежать из колледжа. И мне самому никогда подобные мысли в голову не приходили, на них просто не было причины.

— А как же экзамены? — растерянно пробормотал я, не в силах поверить, что все может быть так просто и легко.

Хэл лишь легкомысленно пожал плечом, даже не посмотрев на меня.

— Ерунда. Я один из лучших баскетболистов, как они смогут меня?..

— Выставят на раз-два, — жестоко перебила его Джем. — Это тебе не прогулять одну лекцию, знаешь ли.

Я заметил, как руки Хэла напряглись. Ой, не любит он плохих новостей, но, по крайней мере, сейчас он не мог рассердиться по-настоящему, и это удивительным образом внушало еще больше беспокойства.

— Фрейлейн Отличница, кажется, вы сгущаете эффект, — протянул он. — Если я вернусь как раз к сроку сдачи экзаменов, то все будет тип-топ, я более чем уверен. Начальство и профы любят говорить, что мы полные кугалунги, ничего не сдадим, а за один косой взгляд нас выставят вон. Расслабься, это просто показуха.

— Ну-ну, посмотрим, — в тон ему ответила Джем и тут же продолжила: — Да и что даст этот твой побег? Думаешь, тебя не найдут? Или что они обо всем начисто забудут? Ты просто очень наивный или очень оптимистичный?

Хэл отодвинулся от столика и скрестил руки на груди. Кажется, он уже успел пожалеть, что рассказал Джем о своем плане. Да и разве от нее можно было дождаться слепого восхищения или одобрения? Она — Укол. Она не хвалит, а ищет слабые места, в которые тыкает, за которые щиплет до тех пор, пока не побеждает противника.

Или не заставляет его защититься лучше.

— Я все продумаю, — упрямо пробурчал Хэл, постукивая пальцем по одному из браслетов-барьеров. — Но оставаться и ждать своей казни я точно не намерен. Не на того напали.

Джем сердито вздохнула и провела рукой по коротким волосам, встрепав их. Она красит пряди в разные цвета — сейчас, например, у нее просматривались розовые полосы на фоне светло-светло русых волос. Я иногда намекаю ей, что интересно и наверняка очень красиво она выглядела бы с длинными волосами, но Джем каждый раз смотрит на меня, точно на психа после этих слов и упрямо подрезает волосы, едва они начинают касаться плеч.

Лучше бы Хэл так рьяно следил за своей прической. Его густая шевелюра шоколадного цвета нередко переходит рамки дозволенного, закрывая ему глаза, а сзади завиваясь колечками. Но он откладывает поход к парикмахеру до тех пор, пока кто-нибудь из симпатичных студенток колледжа не намекает ему об этом. Или не предлагает свои услуги.

— Пойми, глупенький, жизнь не закончится, когда тебя отправят к эйтам, — спокойно и медленно говорила Джем, пока я рассеянно проводил рукой по собственным коротким волосам. — Может, именно там тебе и место? — Она помедлила и добавила, отводя взгляд: — Хотя я не думаю, что они оставят тебя у себя. Ты слишком слаб для них. Может, только посмотрят поближе, прочтут лекцию, что нужно вести себя спокойнее (и я с ними буду согласна), а может, даже сохранят тебе один из «барьеров» (это бы я тоже одобрила). И все. Не стоит заблуждаться насчет того, как ты дорог этим тварям. У них и без тебя проблем полон рот. Ты для них просто один из пунктов, с которым нужно как можно скорее разобраться. «Побег»! «Ликвидация»! «Шумиха»! Даже если бы ты прибил Близнеца насмерть — даже тогда все не было бы так критично. Ты же не один такой особенный, вас тысячи в этом мире.

Не знаю как Хэла, а меня слова Джем окончательно успокоили. Просто камень с души. Я откинулся на спинку кресла, перевел

дыхание (я и не заметил, как начал буквально давиться воздухом) и посмотрел на Хэла. Тот, наоборот, был раздосадован, но ругаться с Джем на глазах всей пиццерии он не стал. Наверное, от «барьеров» действительно есть какая-то польза.

А тем временем в закусочную набилось много народа, вокруг нашего столика слышались смех, болтовня, шуршание бумагой и звон посуды. В воздухе витали плотные ароматы горячего теста, томатов, копченого мяса, плавленого сыра, пряностей и сладких напитков. Еще немного, и мой желудок решит, что мы ничего не ели за последние часов пять и потребует новой порции.

Наверное, Хэл тоже подумал о чем-то подобном. Он раздосадовано посмотрел по сторонам и резко поднялся на ноги.

— Пойдемте домой, здесь больше нечего делать.

«Домой». Он сам-то понимал, какой смысл вкладывает в это название колледжа? Понимал, на что собирается пойти, оставив его? Оставив свой дом и семью? Нет, Джем права, никуда ему не деться, все это просто детские угрозы, выкрикнутые в мальчишеском запале. Чего скрывать, у всех бывает такое время, когда хочется куда-нибудь, от кого-нибудь, из-за чего-нибудь сбежать. Даже если это лишь домик на дереве во дворе.

Джем надела ролики, Хэл взял ее за руку, чтобы она не навернулась, и мы пошли через толпу посетителей, стараясь протиснуться между ними как можно скорее. Взрослые, семьи с маленькими детьми, пожилые и школьники младших классов. Никаких подростков или студентов, а потому нас провожали взглядами чуть дольше, чем остальных людей. Мне так и казалось, что все только и делают, что пялятся на мой рот. Я крепче сжимал вместе губы, ощущая, как острые концы зубов впиваются в плоть, и опускал лицо, жалея о том, что забыл надеть шляпу. Умом я понимал, что люди смотрят на что угодно: на татуировки Джем, на «барьеры»

Хэла, на мой рост и форму, в конце концов, и им дела нет до того, как выглядит мой рот. Понимал, но все равно чувствовал смущение. Как всегда.

Мы спустились на первый этаж и почти дошли до выхода, как вдруг наткнулись на компанию шумных женщин, которые не могли найти себе столик. Когда мы начали обходить их, я узнал одну — самую громкоголосую, — и у меня кольнуло в груди. В тот же момент женщина обернулась к нам и ахнула.

— Кайл! Что ты тут делаешь?

Клянусь, мое настоящее имя услышала как минимум половина пиццерии — я видел, как на нас посмотрело несколько человек. Хэл и Джем тоже недовольно покосились на женщину, но что поделать! Я улыбнулся, стараясь не растягивать рот шире дозволенной мной самим нормы, и поздоровался в ответ:

— Привет, мам. Как дела?

Это всегда неловкая ситуация, когда гуляешь с друзьями и неожиданно натыкаешься на предков. Вдвойне неловко, если у тебя такие предки, как у меня.

Моя мать заметна всегда и везде. Она выбирает одежду необычных фасонов, броские украшения и питает страсть к яркому макияжу. Отсутствие побочной силы или внешности она компенсирует умением говорить много и громко. С ней бесполезно спорить, и она способна договориться с кем угодно, даже, наверное, с самими эйтами.

Мне от нее достались лишь черные волосы и высокий рост. Все коммуникабельные навыки растерялись где-то по дороге ко мне.

И сейчас, пока одни ее подружки умилялись надо мной («ой, как вырос!», «какая стильная форма!», «какой взрослый уже!»), а другая часть заметила Джем (Хэл как-то выпал из поля зрения) и,

разумеется, начала улыбаться и шушукаться на этот счет, маменька повисла у меня на шее и смачно поцеловала в щеку. Кажется, она до сих пор предпочитала ту густую помаду алого цвета…

— Милый, что ты здесь делаешь? В колледже все в порядке? — затараторила она, наконец-то отступив от меня.

Я не видел родителей уже целый квартал или немного больше — со времен зимних каникул. Тогда я уезжал домой на десять дней, как и большинство других воспитанников колледжа. И было что-то неправильное в том, что я встретил мать раньше следующего отпуска или, чего уж там, раньше выпускного.

— Все хорошо, мам. И в колледже все круто. Мы просто выбрались на прогулку.

Маменька вроде бы успокоилась, но тут же вспомнила о больной теме:

— А как же экзамены? Ты хорошо готовишься?

Я заметил, как Джем и Хэл кидают в мою сторону многозначные взгляды, переминаясь с одной ноги на другую. Да и мамины подружки уже успели потерять к нам интерес и теперь снова пытались подыскать себе свободный столик. Пора заканчивать с этим неожиданным визитом, хотя мне, если честно, хотелось бы еще немного поговорить с мамой — об отце, например. Но зависнуть на полчаса разговора с мамой, пока меня ждут друзья, было до ужаса бы неловко.

Знал бы я тогда, что в следующий раз увижу маменьку заплаканную, перепуганную, уверенную, что ее сына больше нет в живых…

— Конечно, готовлюсь. Все будет супер, — пообещал я. — Мам, нам пора идти, передай привет папе и Уолту.

Уолт — мой младший брат, и я вроде как должен вспоминать о нем, чтобы передавать приветы и спрашивать о здоровье, даже

если не всегда хочется. И нет, он учится не в колледже Озера Грез, хотя ему уже четырнадцать. У него… очень неудобная дефектная внешность.

Тут мама спохватилась, что я уже взрослый и ужасно занятой студент. Родители частенько забывают о подобных вещах.

— Да, конечно, милый! Уолту передам, а вот отец сейчас не дома.

Меня это нисколько не удивило, папы часто не бывает дома. Он мэр Роуздилла, довольно занятой человек. Но маменька не могла не сказать следующую фразу, чтобы добавить важности этому отъезду:

— Его срочно вызвали к совету эйталитов. Там что-то случилось.

Мы с друзьями переглянулись. В принципе, ничего нового — эйты крутятся в центре двух миров, еще бы у них ничего не случалось! — но нас все равно насторожило это заявление. Потому что если у эйтов что-то случилось именно сейчас, когда они готовятся загрести к себе Хэла, то мы должны об этом знать. А вдруг, это как-то связано с ним? Очень маловероятно, но если у них скоро праздник «Избавься от всех дефектных» или что-то в этом роде, то не мешало бы предупредить нас.

— А что именно? Что-то с городом?

Мама колебалась, беспомощно смотря на меня. Кажется, она ляпнула информацию, которая не предназначалась широкой публике. Но видя большой вопрос в моих небольших глазах, маменька сдалась, вплотную подошла ко мне и быстро зашептала на ухо, обдавая сладким ароматом парфюма:

— Точно не знаю, милый. Что-то вроде розыска, как будто они что-то или кого-то потеряли. Агентов из эйталитов стало больше в городе, созывают советы. Мне кажется, сейчас что-то похожее на

тот сдвиг. Многих отсюда вызвали к ним туда. И никто не знает, что именно стряслось… по крайней мере, я не знаю.

Она быстро отступила от меня, поправила шляпку и улыбнулась на прощание, словно ничего и не было.

— Хорошо учись, милый. Пиши и звони почаще. — Она мимолетно махнула рукой Джем и Хэлу, не зная их настоящих имен и уже давно забыв клички.

Она поспешила присоединиться к своим подругам, ни разу не обернувшись на меня, как будто испугавшись, что сказала слишком много, и из-за этого меня вот-вот сцапают агенты от эйталитов.

Заметив, что Хэл и Джем буквально пожирают меня глазами (серые и цвета ореха) от нетерпения и любопытства, я тихо прокомментировал:

— Всё чудастее и чудастее.

Номер Т23. «Скрип». Хэл

Я кишками чуял, что меня ждут недобрые вести.

Если бы Кайл услышал приятную новость, он не смог скрыть это, даже если бы постарался. Ему вообще трудно прятать эмоции, а особенно — страх.

Сейчас он шел с таким лицом, будто впечатался им в стену — глаза смотрят в одну точку, губы сжаты в длинную линию, большой нос словно стал еще шире и более приплюснут. Все черты застыли от напряжения. Меня снедало нетерпение. Хотелось схватить друга за плечи и трясти его до тех пор, пока из него не вывалится информация, которую ему передала его мамаша.

Джем, которая вообще частенько делала вид, что не знакома с нами, и сейчас казалась безразличной ко всему на свете, но нет-нет, а бросала на Кашалота любопытные взгляды. Я даже отчасти понимал, почему она всегда скрывает свои эмоции и чувства — не только потому, что не хочет показаться слабой и уязвимой из-за этого. Когда Джем чем-то заинтересована и показывает это, она становится похожа на ребенка. Девочка с большими, круглыми глазами, растопыренными пальчиками, готовые схватить что-нибудь, и чуть приоткрытым ртом. Я видел Джем такой от силы раза два и сейчас с удивлением узнал эту вторую натуру, которая проглядывалась в мельчайших деталях — сверкающих глазах, пальцах, которые взволнованно стискивали лямки рюкзака, зажевывание губы. Ей было интересно узнать, что услышал Кайл, не меньше чем мне самому.

Но здоровяк правильно делал, что не спешил выкладывать нам всё в городе. Честно говоря, нигде нельзя было говорить о чем-то секретном и чувствовать себя в безопасности, но в колледже, по

крайней мере, мы могли хотя бы спрятаться от посторонних глаз в хорошо знакомых местах.

Люди боялись ляпнуть лишнего всегда и везде — из-за эйтов, шпионов, нервного правительства. Приходилось буквально создавать новый язык, засекречивая любую мало-мальски важную и тайную информацию. Ибо ты мог внезапно стать интересным для эйтов, которые считали, что должны знать всё, всегда и везде.

По слухам, они не особо церемонились с людьми, попавшими в их лапы.

Ты мог считать себя полностью пропащим, если эйтам становилось известно твое настоящее имя — вот отчего эти прозвища и номера. Но даже с этим доходило до паранойи, и порой люди выдумывали себе свыше десятка имен, чтобы замаскироваться. Также некоторые не знали своих настоящих имен вообще.

Эйты всегда были со своими дефектами в головах, но недавно, лет двадцать назад, начался полный абзац. У одного эйта в совете снесло крышу. Что ему было нужно, кого он испугался, чем вообще руководствовался — никто до сих пор не в курсе. Но за считанные дни этому психу удалось настроить большинство эйтов против людей, и наше и без того не блестящее положение в мире, стало еще более неустойчивым. Проводились допросы, обыски, всех поголовно подозревали в заговорах и шпионаже. Многих тогда арестовали и ликвидировали, зачастую даже без веских доказательств. Сейчас стало легче, эйты успели немного успокоиться, но люди до сих пор тревожно спят и стараются не привлекать к себе внимания.

Забавно, что я оказался в той самой ситуации, которая мнится худшим кошмаром для человека, но страха не чувствовал совершенно. Хотя, по-хорошему, должен был.

До сих пор по городу гуляли слухи и байки об агентах эйтов, которые шныряют по улицам и высматривают подозрительных персон, о магических системах слежения, о паразитах разума, которых опять же насылают эйты, дабы свести людей с ума. Даже говаривали о привлечении призрачной полиции — лучших полицейских и сыщиков, которые когда-либо жили на свете, но уже были мертвы.

По правде говоря, Кайлу лучше было вовсе не раскрывать свой рот, чего бы он там ни услышал про эйтов.

Уж не знаю, как мы прошли почти через весь город, не обмолвившись ни одним словом, и даже почти не смотря друг на друга. Кажется, это и выглядело со стороны самым подозрительным, и если бы эйты хотели, они бы уже давно обратили на нас внимание.

Зайдя за ворота колледжа, мы замедлили шаг. Куда идти? В корпусах нас могут подслушать, да и вдруг там спрятаны магические датчики для прослушки? В леса и парки тоже не выйдешь — там слишком много природы, которая всегда заодно с этими тварями. Про алтари и Озеро я вообще молчу — проще уж подойти к самому порталу в мир эйтов и начать громко обсуждать услышанное.

Поэтому мы нашли, как кажется, самый оптимальный вариант, — баскетбольную площадку на улице.

Она не была расположена внутри самого колледжа, и в то же время тут уже почти ничего не осталось от природы. Конечно, местность была открытая, да и народ здесь постоянно тусовался, а из-за криков, топота и звона мяча особо не поболтаешь. Но мы и не собирались говорить.

Кайл нам все напишет на бумаге.

Добравшись до площадки, мы устроились на пустых местах для зрителей, и пока Джем рылась в рюкзаке, разыскивая тетрадь

и ручку, мы с Кайлом, приличия ради, смотрели на игру ребят. Хотя это громко было сказано — мальчишки из младшей группы дурачились, визжали, толкались, почти забывая про мяч. Подумав о том, какое непутевое растет поколение баскетболистов, мне снова стало грустно. Того гляди, этот спорт вовсе здесь зачахнет после моего отъезда.

Джем извлекла небольшой блокнот в твердой, голубой обложке, раскрыла его где-то на последней странице и вручила Кайлу, не забыв и про карандаш. Отличница — она везде отличница, у нее даже канцелярия под конец года выглядит как новенькая. Здоровяк еще не успел даже занести карандаш для письма, а мы уже склонились над блокнотом, с нетерпением ожидая, когда там появятся слова. Кайл неловко пошевелил плечами.

— Это выглядит глупо, — прошептал он и тут же получил по губам ладонью от Джем.

Я успел быстро переглянуться с ней, а в следующий миг уже внимательно следил за нервными движениями Кайловой руки. Карандаш тихо скрипел, и на бумаге оставалась графитная пыль. Неуклюжие буквы расползались по странице, выстраиваясь в самые нелепые предложения, которые мне когда-либо доводилось видеть.

«Эйты повсюду в городе. Они что-то ищут. У них опять сдвиг.»

Едва карандаш остановился, поставив точку, Джем тут же вырвала у Кайла из рук блокнот и со злостью уставилась на страницу. Она открыла рот, собираясь что-то сказать, но потом опомнилась, схватила карандаш, прежде чем Кайл по привычке не начал его грызть, и быстро начала что-то царапать, нахмурившись, поджав нижнюю губу и стремясь передать свою злость и бумаге. Мне показалось, что еще чуть-чуть, и блокнот вспыхнет пламенем. У меня было бы именно так.

«Что в этом такого?! У них и так постоянно сдвиги!»

Она снова перекинула блокнот нам, с окончательно испорченным настроением откинула голову на спинку сиденья и забросила ноги на место перед собой. Я снова и снова перечитывал короткое сообщение Кайла, силясь понять то, что не смог понять он. Что потеряли эйты? И почему его мамаша так решила? Что значит сдвиг? У них опять обострилась паранойя? Стоило мне задать один вопрос, как следом появлялись и второй, и третий, но ни одного ответа.

Я с досадой пнул ножку стула перед собой. Ну почему со мной всё всегда идет наперекосяк? Стоит мне где-нибудь появиться, как там обязательно что-нибудь случается, и это выходит боком только мне! Почему я просто не могу жить нормально, как остальные нормальные люди?

Потому что ты ненормальный, кугалунг.

— Что бы там ни стряслось, тебя точно не выпустят обратно, — едва слышно произнес Кайл, поглядывая на меня.

У меня сжало горло от волнения и злости. Он прав. Шансов и так было мало, а теперь совершенно ясно, что от эйтов не дождешься здравых решений. И это лишь подтвердило мою идею — всё указывало на это!

Нужно бежать.

Друзья, знавшие меня не первый год, отчетливо поняли, о чем я думаю. Кайл нахмурился и опустил взгляд, а Джем предостерегающе шикнула:

— Выброси у себя это из мыслей. Хотя бы до завтрашнего дня.

— А что изменится завтра? — меня серьезно достало то, что они обращаются со мной, как с ребенком. Я поднялся на ноги и потянулся, разминая мышцы. — А может, лучше послезавтра, а? Там, глядишь, они не захотят ждать и сами завалятся сюда. Вот тогда-то и будет самое время, верно, Ук?..

— Хэл!

Все-таки настоящие имена имеют невиданную силу — я тут же заткнулся, но больше из-за привычного страха, что кто-то еще мог услышать Джем. А она останавливаться не собиралась:

— Ты не можешь принимать такие решения вот так просто! Только потому, что тебе только что ударила эта идея в голову! На тебя ругаются, стоит тебе изменить тактику в баскетболе, а жизнь так нянчиться с тобой не будет. Если собираешься что-то делать, то сначала обдумай. И не один раз.

Вроде мы с ней ровесники, а бывает зануднее любой бабки. Я раздраженно отмахнулся от нее и повернулся, чтобы уйти. Хватит с меня этих нравоучительных разговоров. Кажется, не нужно было друзьям вообще ничего говорить — просто уйти от них по-тихому и все.

— Встретимся за ужином? — с надеждой спросил меня на прощание Кайл, наивно верящий, что за едой можно решить любые неприятные вопросы.

— Я не голоден, — буркнул я в ответ, уже пробираясь между рядами сидений прочь.

Кожу под браслетами-барьерами жгло как от крапивы.

Я не хотел думать о том, что это могла быть моя последняя встреча, последний разговор с Кайлом и Джем. Нет, разумеется, я еще непременно увижу их, что бы я там ни придумал. Но этот страх все равно присутствовал в моем незавидном арсенале мыслей. Я ни за что не хотел бы этого.

Но и думать целую вечность вместо того чтобы действовать я тоже не собирался. Я ненавидел что-то обдумывать и по сто раз проверять свои решения — так было в письменных тестах, так было в игре, так было и в жизни. Не всегда это приводило к успеху, но колебаться, рассматривать другие решения было для меня

хуже пытки. Если я решил действовать так, то это неспроста, я почувствовал, что так должно быть, и это определенно правильный ответ! А то, что с этим не согласны окружающие — не мои проблемы.

Поэтому если я решил сбежать из колледжа, то я это сделаю. Раньше, чем сюда заявятся эйты и раньше, чем мистер Директор посадит меня на цепь. Просто убегу, подожду, пока всё не успокоится, а затем вернусь обратно. Я никого не предам и не убью — меня просто не за что будет серьезно наказывать. Мистер Директор поворчит минут пять и как миленький примет меня обратно. В конце-то концов, я один из лучших баскетболистов в этой дыре!

Подбадривая себя мыслями такого рода, я брел к своему домику, но только потому, что идти мне больше было некуда. Если бы я только знал, как и где, то сразу бы сорвался в то место, в котором оказывался во время отключек. Та земля, где растут голубые одуванчики. Я даже искусственным путем не смог бы проложить себе туда дорогу, специально разозлившись или сделав что-нибудь еще, чтобы заставить побочную силу проявить себя. На мне «барьеры», и пока я с ними, не видать мне той немой девушки…

Тут мне стало по-настоящему тоскливо, я даже остановился от осознания своего бессилия. Если бы мне было только известно ее имя — я мог бы вызвать ее образ в Озере Грез, чтобы просто посмотреть на нее. Я даже не могу сделать ее фотографию, чтобы носить с собой.

Конечно, я знаю всех этих парней, которым нравятся девушки, и они ищут любой способ сблизиться с предметом своего воздыхания. В прошлом году Шнурок запал на девчонку из фехтовального клуба. Чего только он ни вытворял — и подкладывал ей цветки дидус, которые, согласно слухам, вводят человека в подобие романтического опьянения, и пытался приворожить с помощью огня,

и даже всеми правдами и неправдами старался разузнать ее настоящее имя… Девушка его в упор не замечала, и мы со Скелетом прикалывались над беднягой-Шнурком по полной программе.

Я не такой идиот, и я понимаю, что не испытываю к той немой красавице подобных чувств. Я совсем ее не знаю, да и она сама, скорее всего, лишь плод моего шального воображения. Но даже если это и так — мне не хватало ее. Мне слишком ее не хватало в обычной жизни. Один ее образ, взгляд, прикосновение успокаивали меня, и всё вокруг начинало казаться далеким и несущественным. Мир размывался как акварель, становился простым, тихим и маленьким, не стоящим моей злости и страха. Рядом с этой девушкой мне всерьез казалось, что я могу многое, что я полностью контролирую себя и свою побочную силу. Я очень ценил эти мысли и ощущения, которые появлялись благодаря ей. Никто другой не мог вызвать их у меня.

Стыдно было говорить об этом кому-то, даже друзья бы не поняли. Это только мое, личное, секретное, а теперь у меня отняли даже это! Я сердито потер один из «барьеров», ощущая гладкую пластину под пальцами. Кристалл слириум — один из самых лучших поглотителей магии в природе. Много лет назад люди выковали мечи и наконечники, доспехи и щиты из этого камня и пошли войной на эйтов. Странно, но они все равно проиграли, а война получила название Хрупкая. Не спрашивайте почему, я по истории не первый умник.

Неожиданно в голову ударила идея, что мне нужно будет избавиться от браслетов до побега. Я слишком слаб, пока они на мне, люди запросто меня догонят и поймают. Нет уж, я как-нибудь сниму с себя «барьеры» и буду уповать на то, что никто не увидит проявления моей побочной силы. Шанс, конечно, мизерный, но

всяко лучше, чем быть слабее ребенка и верить, что в таком состоянии мне все будет по плечу.

Я так и не дошел до своей комнаты, вместо этого свернул в сторону Озера Грез, слабо надеясь, что там будет немного народа, а в особенности, что это место обойдут Джем и Кайл. Не хотелось их больше видеть и слышать. Один слишком труслив, чтобы попробовать нарушить правила, а вторая слишком подчинена этим правилам и гордиться этим. Не стоило посвящать их в свои планы, от них все равно никакого толка. Вот немую девушку я бы с собой взял — уговорил бы, схватил без разговоров, умалил бы пойти со мной. А раз она не живой, настоящий человек, то все было даже легче — она всегда рядом со мной, спрятанная где-то в мыслях. И это тоже успокаивало, одновременно с этим поселяя крепкие ростки грусти и безнадежности моей ситуации.

Дорога до Озера через безымянную рощу была вымощена булыжником, и это было единственным признаком вмешательства человека в этот уголок. Густой подлесок полон птичьих свистов и песен, жужжания насекомых и шелеста растений. Здесь всегда была прохлада, густой запах влажной земли, хвои и разных цветов. Высокие деревья почти полностью загораживали небо, и если запрокинуть голову, то можно было увидеть лишь кратковременные всполохи солнечных лучей, мелькающих между ветками и листьями.

Я никогда еще не сворачивал с тропинки, не пытался зайти вглубь чащи, хоть это и не возбранялось. Здесь слишком явным было ощущение природы, и я втайне опасался, что если зайду в это царство, то обратно будет вернуться не просто. Где нетронутая природа, там жди и проявления магии, даже в самом незначительном количестве. А я с ней пока еще не нашел общий язык.

Джем отчасти права — лучше бы мне было сразу родиться полноценным эйтом, без этой «серединки на половинку». И люди бы от этого только выиграли, и мне самому было бы проще. Я нормально управлял бы своей силой и не стыдился показывать ее. Возможно, чего таить, я бы даже стал одним из самых могущественных эйтов, а там и до места в совете недалеко. Я не хочу быть политиком и управлять миром или даже его частью, но ведь приятно иметь власть и делать что-то по-настоящему крутое, верно?

И первое, что я бы сделал, это уменьшил контроль эйтов над миром людей. Они даже не представляют, как больно стискивают этот мир в своих лапах.

На Озере Грез было не так много людей — в основном ученики младших групп, сидевших с книжками и тетрадями в беседках. Через пару часов они прилежно разойдутся по своим комнатам, и их место займут парочки, которые будут сражаться за право постоять на мосту или занять один из укромных шатров.

На мосту сейчас было две девушки, да и они поспешили уйти, едва завидев меня. Наверное, теперь я буду внушать настоящий ужас окружающим. Меня и так побаивались, старались не встречаться лишний раз и уж тем более не злить. Приятного, на самом деле, мало — я не хочу, чтобы со мной обращались как с психопатом или диким зверем. Хочу обычного обращения, со всеми обязательными ссорами.

Близнец меня не боялся. Вчера он небрежно отозвался о Джем и ее Дне Нахождения, а я, обрадованный предлогом поругаться, едва не убил его.

Я медленно прошел по мосту и остановился на небольшой, круглой площадке на его середине. Отсюда были плохо слышны голоса с берегов, а если смотреть вниз, на воду, то можно поста-

раться представить, что ты совсем один здесь. Как в том месте голубых одуванчиков.

Прохладный ветерок, благоухающий суклоками, делал мне незамысловатую прическу, ерошил просторную одежду баскетбольной формы. Но он был не в силах потревожить гладкую поверхность воды. Точно не знаю, почему так, — вроде одни говорят, что Озеро Грез существует в другом измерении, слабо связанным с этим, а другие — что вода в нем просто слишком густая и плотная.

Держась за кованые перила, я перевесился через них, как можно ближе наклоняясь к Озеру. Только когда перила врезались в живот, а пятки оторвались от моста, я остановился, вглядываясь в воду и не видя даже своего отражения. Что если попробовать? Если немая девушка существует только в моем воображении, то у нее и не может быть имени. Вдруг мне повезет, и Озеро откликнется на мою необычную просьбу?

Я отстранился назад, скинул рюкзак и начал поспешно рыться в нем, стараясь сохранить ту слабую надежду, что сейчас всколыхнулась во мне. Мне бы только пробовать, только бы увидеть ее, хотя бы на пару секунд. Одно это даст мне сил на весь оставшийся день.

В рюкзаке не находилось ничего достаточно ненужного, чтобы это выкинуть и при этом достаточно близкого для меня, чтобы Озеро приняло дар. Уже давно пора поставить палатку, где продавались бы вещи, предназначенные специально для швыряния их в Озеро Грез. А если бы люди при знакомстве говорили свои настоящие имена, то вовсе все проблемы мира были бы решены.

Я как раз вертел в руках спортивную повязку для головы, раздумывая, достаточно ли она напиталась моим по́том чтобы ее приняло Озеро, как услышал рядом чей-то голос:

— Скрип! Ты здесь!

Рядом со мной, на доски моста плюхнулась Мимоза, и ее полосатая, школьная юбка задралась почти до самых подмышек. Ничего не заметив, она смотрела на меня во все свои огромные глазища, как будто перед ней было чудо какое-то. Я даже успел почувствовать себя неудобно, что вообще для меня непривычно.

— Как видишь… — начал было я, но стоило мне открыть рот, как одногруппница громко воскликнула:

— Я уже успела испугаться, что тебя исключили из колледжа! Где ты был все это время? С тобой все в порядке? Ой, а ты здесь, потому что хочешь пообщаться с Озером? Я помешала тебе?..

Не зная Мимозу, я бы подумал, что она в меня втрескалась, раз несет подобную чепуху. Но эта милашка вела себя так абсолютно со всеми, начиная от детей и заканчивая старыми профами. Она постоянно за кого-то переживала и волновалась, постоянно кому-то помогала и была рядом в подходящий момент.

Хотя, никто не спорит, порой эта ее забота могла вывести из себя.

— Всё в порядке, расслабься, — я подмигнул ей и поднялся на ноги. — Возвращаюсь к священной учебе, если тебе это интересно.

Я протянул ей руку, помогая подняться. У нее такая гладкая и нежная кожа, что мне даже было немного жаль отпускать ее. Мне нравится Мимоза, но своим другом я бы назвать ее не смог. Не той материи. Она чересчур нормальная, в ней нет ни капли от эйтов. Джем у нас, конечно, тоже без примесей, но она самая ненормальная из людей. И татушки у нее классные. А Мимоза — просто душка, из тех девочек, которые всегда делают уроки, возвращаются в комнату к комендантскому часу и не ковыряют в носу. Иногда с ними приятно сходить в кафе или пригласить на танец, порадо-

ваться, когда они приходят на игру, чтобы поболеть за тебя. Но дальше этого ничего не шло.

— Что тебе будет за то, что ты сделал с Близнецом? — проскулила Мимоза, заглядывая мне в глаза.

Я тоже глянул на нее, но быстро отвел взгляд. Мимоза прехорошенькая: высокая, худенькая, с длинными золотистыми волосами и... разумеется с голубыми глазами. В любой из форм колледжа она выглядит изысканно и красиво, хотя многие девушки жалуются и оправдываются, что одежда колледжа любого может превратить в урода. Кто сейчас в здравом уме будет носить полосатые юбки ниже колен, плотные гольфы и скучные-прескучные блузки с детским кружевом на груди? Девчонки подкалывали юбки, приспускали гольфы и старались украсить одинаковую одежду. За такое часто выдавали записки, но модниц это не останавливало.

Единственным украшением Мимозы был ее номерок на груди. На солнце он сверкал как медаль из настоящего золота. И17 — даже номер у нее был какой-то изящный. А еще вместе с Джем Мимоза посещала кружок по ингеле и, глядя на нее, легко было поверить в то, что этот вид спорта делает всех стройняшками. Ходячая реклама.

Неожиданно из-за ее плеча я увидел саму Джем, которая только вышла из Лунной чащи и теперь направлялась прямо к Озеру. Что это она тут забыла? А вдруг они с Кайлом успели одуматься и изменили свое мнение насчет моего плана?

Заметив меня, Джем остановилась. Ей понадобилась паратройка секунд, чтобы осмыслить происходящее, а затем она показала мне неприличный жест, развернулась и пошла обратно.

Может, я очень тупой, но я вообще ничего не понял.

Номер К44. «Укол». Джем

На пустом участке баскетбольной площадки я вела мяч, сердито ударяя его об асфальт, и никак не могла остановиться.

Удар! Удар! Удар!

Еще немного, и мяч взорвется. Была бы у меня хоть капля побочной силы, тут бы уже все полыхало. Скажите спасибо, что я обычный человек!

Удар! Удар! Удар!..

Не подумала бы, что Хэл, не получив от нас с Кайлом поддержку, побежит к этой фифе Мимозе. Он думает, что она ему поможет? Неужто ему настолько тошно? А может, только был рад предлогу свалить к этой выскочке? Я подхватила мяч и, почти не целясь, бросила его в корзину. Два очка. Поймала и повела дальше, в никуда, выплескивая на мяче свою злость. Удар! Еще удар! Это так подло! Так мерзко! Удар, удар, удар! Я почти разбивала ладонь в кровь, с силой ударяя по упругому, твердому мячу. Его стук об асфальт звучал в ритме моего сердца. Ненавижу их! Вот бы со всей силы швырнуть мяч прямо в лица этих…

— Эй! Ты в порядке?

Я обернулась и сдула с щеки прядь волос. Хэл неторопливо подходил ко мне, и его кеды тихо поскрипывали при каждом шаге. На лице слегка играла привычная усмешка, но взгляд казался усталым. За его спиной, у другого кольца играла небольшая группа парней и, к счастью, им не было до нас никакого дела. На другой стороне поля, где стояла я, больше никого не было. Но играть вместе с Хэлом мне сейчас совсем не хотелось.

— Да, отлично, — отрезала я и без подготовки кинула мяч в корзину. Мимо.

Я отошла, чтобы подобрать его и понадеялась, что за это время Хэл успеет уйти. Не хочу сейчас никого видеть. Но он остался стоять. Как назло.

— Почему ты злишься?

Меня так и подмывало ответить, что я не злюсь, а после этого забить его мячом до смерти. Но не так давно мне открылась истина, что люди не умеют читать мысли. И какой бы Хэл ни был дефектный, он этого тоже не может. Глупо злиться, что окружающие тебя не понимают, если ты сам им ничего не говоришь и тем более, если утверждаешь обратное.

Это была такая простая и ясная вещь, но я долгие годы про нее не знала. Или не хотела признавать, что все может быть так легко. И так тяжело в то же время.

В общем, я перевела дыхание, повернулась к Хэлу и как можно спокойнее произнесла:

— Мне не понравился твой поступок. Ты обиделся на нас с Кайлом и тут же отправился к Мимозе. Уж не думаешь ли ты, что эта трусиха захочет сбежать вместе с тобой?

У меня кровь прильнула к щекам, едва я закончила эту короткую, но такую сложную для меня речь. Развернулась, снова направила мяч в кольцо, и снова промахнулась. Сердце заходилось от ужаса, что я действительно произнесла то, что произнесла. Но к счастью, Хэл не заметил моего смущения. Его лицо выражало крайнюю степень загруженности и непонимания. Наконец он щелкнул пальцами и радостно воскликнул:

— Ага, я понял! Ты решила, что я пошел посвящать Мимозу в мой план? Умоляю, и в мыслях не было! Она сама ко мне подошла.

— И тогда ты рассказал ей?

— Конечно нет! Ну зачем мне это?

— Но ты бы хотел, чтобы она пошла с тобой? Мы же с Кайлом отказались.

— Слушай, при чем тут вообще Мимоза?.. Эй, погоди-ка, ты что, ревнуешь?

Я смерила его уничтожающим взглядом.

— Кугалунг. Совсем мозгов нет?

Хэл расплылся в насмешливой улыбке, а я решила, что с меня довольно и бросила в него мяч.

Хэл попытался поймать его, но промахнулся, и мяч ударил по одному из «барьеров». Я даже немного испугалась, что сломала браслет.

Как оказалась, та же самая мысль пришла в голову и моему другу. Он тут же кинулся проверять, цела ли пластина, блокиратор магии. Судя по его расстроенному виду, с ней все было отлично.

— Тут нужно что-то сильнее, — бормотал он, щупая браслет и уже забыв про то, что я стою рядом. И тем более про наш разговор. — Нужно узнать, как... Фрейлейн Отличница! — вдруг воскликнул он, посмотрев на меня. — Если в Хрупкой войне люди использовали против эйтов слириум, то как те защищались?

Что, серьезно? Он решил начать готовиться к итоговому тесту прямо сейчас? Все, с меня точно довольно. Дружба дружбой, а себя тоже надо ценить.

— До завтра, — бросила я и направилась в сторону своего домика.

— Джем, подожди, это очень важно!..

— Спокойной ночи, Хэл.

Я ушла, так и не оглянувшись на него. У меня, знайте ли, тоже есть чувство собственного достоинства.

Если бы не этот разговор, я бы не вернулась в домик так рано, еще до комендантского часа. Но и болтаться на улице, где я легко

могла снова встретиться с Хэлом, Кайлом или того хуже — с Мимозой или Близняшкой, мне совсем не хотелось. Поэтому пришлось спрятаться в домике. Туда ко мне никто заявиться не посмеет.

Мне не очень нравится проводить время в комнате, особенно если там еще торчали мои соседки, но сейчас приходилось выбирать из двух зол меньшее. Я вообще веду себя неблагодарно, а стоило бы почаще вспоминать и возносить хвалу Кату, что меня поселили не с Близняшкой или этой стройной фифой. Я бы тогда либо сама повесилась, либо их с крыши столкнула бы.

Обитаю я в домике под номером два, на первом этаже, и в любое время суток это настоящий проходной двор. Девушки приводят к себе в гости подруг из первого домика, притаскивают парней и сами собираются группами в коридоре. Ах да, еще на первом этаже стоит телевизор, и когда по нему показывают сериалы, то в комнату отдыха просто не зайти.

Я ворвалась в спальню, хлопнув дверью на весь этаж, и сразу направилась к ванной комнате, но меня остановила Мелодия:

— Там сейчас Дарья!

О, ну еще бы! Зависать по три часа в ванной — любимое занятие Дарьи. Можно подумать, у нее там припрятан тайный клуб. И она пропадает там именно тогда, когда мне срочно нужно побыть одной. Мелодия — невысокая брюнетка со звонким голосом — виновато пожала плечами, посмотрев на меня. Ну да, она-то что могла с этим сделать?

Дарья — одна из немногих, кто взял себе в качестве прозвища другое имя. Некоторые говорят, что это опасно, потому что со временем такое имя приобретает почти все свойства настоящего. Но моей соседке, кажется, все равно.

Я дошла до своей кровати и упала на нее, чувствуя, что не смогу больше сдвинуться с места. Что-то за последнее время стало происходить столько всего, что я уже устала делать равнодушное лицо. Рюкзак я бросила тут же. Вообще-то меня жутко раздражает, когда кто-то расшвыривает свои вещи по всей комнате, но сейчас мне было плевать даже на это.

Мои соседки те еще свинки, но, по крайней мере, они стараются не докидывать свое барахло до моей части комнаты, а на вечный бардак в ванной мне пришлось просто закрыть глаза. Они были не лучше или особо хуже всех моих предыдущих соседок. Просто две обыкновенные девчонки. У Дарьи есть побочная сила, но не такая сильная, как у Хэла. Когда она волнуется или злится у нее могут подняться или завиться волосы, а иногда она просыпается утром, и у нее на голове настоящее воронье гнездо. Дарья очень коротко подрезает волосы, но время от времени сила все равно проявляет себя. Другая соседка, Мелодия, занимается фехтованием и в ней, как и во мне, нет ничего необычного.

Я закрыла глаза, попытавшись отвлечься от всего, как при медитации. Стоило внимательно обдумать то, что наболтал Хэл.

Конечно, я понимала его желание бросить все, при такой-то обстановке. Но сбежать из колледжа — это только полдела. Где он будет скрываться все это время и сколько именно? А если никто не захочет заминать дело, и его начнут искать? Что тогда? Если к этому подключат силы эйты?

Слишком много дыр в этом плане, но чего еще ждать от напуганного мальчишки? Спасибо еще, у него хватило мозгов поделиться этим со мной и Кайлом. Хотел бы он, чтобы мы пошли вместе с ним? Если бы не хотел — смылся бы втихушку, никому не став ничего говорить.

Но если бы желал чтобы мы пошли с ним, он мог хотя бы намекнуть нам. Или это я разучилась понимать намеки?

Тут из ванной появилась Дарья с мокрыми волосами и с ягодной маской на лице. За ней валил влажный пар, благоухающий клубникой, травяным шампунем и пеной для ванн. Дарья бросила мокрое полотенце на сушилку и заметила меня.

— Хий-я, Укол снова с нами! Как прошла игра?

Честь и хвала моим соседкам за то, что они знали о моих интересах. Но зачем? Уверена, они делали это чисто из вежливости.

— Нормально, — буркнула я, снова закрывая глаза.

На игру я не сходила.

— А уже послезавтра будет турнир! — неожиданно выпалила Мелодия. Она подхватила со стола шпильку для волос и выставила ее перед собой точно шпагу, заведя левую руку назад. — Всем сокращенные лекции и банкет в честь этого!

Она уже пару месяцев только и говорила об этом, но это не помешало Дарье радостно захлопать в ладоши. Я зевнула. Лишь очередной повод пошуметь, наесться, а для кого-то и устроить драку. Меня бесили все эти мероприятия.

— Придешь посмотреть? — с надеждой спросила меня Мелодия. — Я им всем задам, вот увидите! Студенты Академии вернуться в Смоксилл с дырявыми задницами!

— Приду, если получится, — честно отозвалась я, зная, что могу найти причину не пойти в любом случае.

Когда ванная немного остыла, и из нее ушли ароматы, я приняла контрастный душ, с удовольствием ощущая, как вода струится по телу, уводя за собой пыль, пот и все неприятные новости за день. Как она холодит кожу головы, остужая воспаленные и перегруженные мозги. Выключив воду, я еще минут пять просто стояла в душевой кабинке, привычно водя пальцем по изгибам татуиро-

вок, и прислушиваясь к ощущениям своего тела. Прохладно, чисто, свободно. Тишина и пустота. Меня очень редко оставляли в спальне одну, так что ванная комната становилась настоящим спасением. Когда всё вокруг бесило, хотелось кого-нибудь убить и одновременно с этим — поплакать от злости, то не было ничего лучше, чем запереться здесь. После горячей ванны или контрастного душа мысли кардинально менялись. Я бы посоветовала эйтам как можно чаще использовать этот прием. Глядишь, и нам бы тогда жилось чуточку легче.

Девчонки еще немного пошушукались перед сном, но вскоре затихли. Они вообще одни из самых спокойных соседок, которые мне попадались за семнадцать лет. Вчера утром они даже поздравили меня с Днем Нахождения, хотя я про их Дни Рождения забывала всегда.

Я не могла уснуть. В остуженной, промытой голове тикали ясные и практичные мысли. Как Хэл будет осуществлять свой побег, что ему для этого понадобится и чем я могла помочь ему.

На следующий день я до самого обеда не встречала ни Хэла, ни Кайла, но оно было и к лучшему. Мне нужно было еще немного времени, чтобы хорошо все обдумать. В глубине души я знала, что уже полностью готова и не отступлю, но разум требовал соблюсти все правила приличия и поразмышлять над этим еще пару часиков. Для вида.

На утреннем занятии ингелой я как никогда постаралась разместиться подальше от Мимозы. Хэл наверняка вчера сказал правду, и у него не было причин разбалтывать этой неженке о своих планах. Но едва я вспоминала, как они стояли там, вдвоем, на мосте через Озеро, у меня как будто грудь чем-то закладывало. Неприятное чувство, ограничивающее, подавляющее меня. Как этот кугалунг вчера сказал, что я его ревную?..

Отчасти он был прав. Но на это свои причины.

Видите, я живу в колледже. У меня нет другого дома. Я здесь всегда. Это остальные студенты приходят и уходят, разъезжаются на каникулы.

Хэла и Кайла это тоже касается. Что бы там у нас ни получилось с этим побегом, на следующий год их все равно здесь не будет. Их учеба закончится. Что будет со мной я еще не знаю, но, возможно, мне предложат остаться здесь и пройти специальные курсы. Или дадут нехитрую работу. Я не знаю. Не хочу пока об этом волноваться.

В общем, скоро мне придется помахать ручкой вслед моим мальчишкам. Я не хочу этого. Чем старше ты становишься, тем сложнее находить в сердце места для новых людей. А когда ты это делаешь, то выпускать их потом оттуда так же больно, как зашивать рану без наркоза.

Те минуты и часы, которые друзья уделяли мне, становились все дороже и дороже. И поэтому когда они начинали тусоваться с кем-то помимо меня, я так легко вспыхивала от злости.

Может, это эгоистично. Может, это неправильно. Но если у тебя нет побочной силы Хэла, побочной внешности Кайла, обаяния Дарьи и Мелодии и уж тем более фигуры Мимозы, то искренне радуешься, когда человек хочет общаться с тобой, несмотря на все это. Но страх, что в любой момент тебя могут променять на кого-нибудь поинтереснее, остается с тобой навсегда.

— Холод.

— А?..

— Минус двадцать три градуса по Цельсию и ниже.

— Джем, что ты несешь?

— Ответ на твой вчерашний вопрос, кугалунг. Теперь доволен?

О нет, ему понадобилось еще около трех минут, чтобы понять. Я за это время успела доесть свой обед и теперь приступить к десерту. Кусок пирога из манго и овсянки, ммм!

— Ааа! — Хэл щелкнул пальцами и расплылся в почти кайловской улыбке. — Это про Хрупкую войну! Про слириум! Холод, говоришь? Тогда все намного проще, чем я думал!

Он быстро огляделся по сторонам и постучал ногтем по одному из своих «барьеров».

— Я хочу избавиться от них, — громким шепотом поведал он.

Я в притворном удивлении округлила глаза.

— Да что ты! Вот это новость! А ты, умник, подумал о том, как будешь избавляться от самих браслетов, не от кристаллов?

Серьезно, эта мысль его озадачила. Настоящая загадка мирового масштаба. Он нахмурился, задумался и даже потер подбородок. После начал внимательно изучать один из «барьеров» пытаясь поддеть браслет пальцем. Я усмехнулась, наблюдая за ним.

— Ты тот еще кугалунг...

— Подожди, я об этом просто не подумал...

— Это просто напульсники из ткани.

Хэл вскинул голову, и в первые несколько секунд его лицо было таким смешно-ошарашенным, что я даже улыбнулась. Нечасто выпадает лицезреть такое зрелище.

— Ах ты ведьма! — он подхватил свою вилку, на которую уже был наколот кусочек вареной курицы, и поднес мне к самому рту. — На, на тебе за этот правильный ответ! Попробуй же, ну! М, какая вкуснятина!

Едва теплое, гладкое мясо коснулось моих губ, я с отвращением отшатнулась назад и едва не упала вместе со стулом. Хэл успел схватить меня за руку и дернуть к себе. Я ударилась грудью о край стола, а ладонью попала прямо в тарелку со своим десертом.

Хэл хохотал так, что звенели окна, на нас обернулась вся столовая. Но это не остановило меня: я дотянулась до него и вцепилась пальцами в его густые волосы так, что он прекратил ржать и громко ойкнул.

Пытаясь отцепиться от меня, он едва не перевернул свою тарелку с обедом и даже попробовал лягнуть меня ногой. Я не отступала, и крепко держала его за волосы, пусть ради этого мне и пришлось почти залезть на стол. Мягкие пряди щекотали меня между пальцами, в то же время болели предплечья, за которые меня держал Хэл, пытаясь отвести от себя. Он морщился от смеха и боли одновременно, скаля белоснежные зубы, и стали заметнее веснушки на порозовевших щеках. Я постоянно обращаю внимание на подобные мелкие детали в самый неподходящий момент.

— Ненормальная, отпусти меня! — наконец заорал он и снова попытался пнуть, но не сильно.

Не знаю, что чувствовала больше в этот момент — злости или веселья, но смесь вышла головокружительной. И на его уговоры я не поддалась, ни в коем случае.

Так нас и застал Кайл, подойдя к столику.

— Вам не мешать? — радостно спросил он, переводя взгляд с меня на Хэла и обратно.

Возможно, и в самом деле не стоило, но Хэл уже с силой оттолкнул меня и требовательно протянул к Кайлу руку. Его шевелюра растрепалась точно от урагана, волосы топорщились во все стороны и немного прикрывали глаза. Я заметила, как несколько прядей слиплись от сладкого десерта, которым я по ходу замарала ему волосы, и слегка улыбнулась, смотря на него. Такой смешной кугалунг.

— Принес?

Кайл хмыкнул и вытащил из сумки свернутую в трубку бумагу. Но перед тем как передать ее Хэлу, он вопросительно поднял толстые брови. Хэл, общаясь на одном с ним языке, мотнул головой в сторону. Там, на другом конце столика, стояла тарелка с богатым обедом. Вареная рыба, салат из морской капусты, рис с икрой и бутерброд с тунцом. Нетрудно догадаться, для кого он был предназначен.

— Это совсем другой разговор!

Кайл перекинул бумагу Хэлу, а сам поспешил сесть за стол и схватить столовые приборы. Прежде чем Скрип успел развернуть свою добычу, я выхватила лист у него из рук и подняла над своей головой. Так себе защита, конечно, но лезть со мной в драку все же никто не стал.

— Что происходит? — спокойно поинтересовалась я.

Мальчишки виновато переглянулись, как будто правда надеялись, что этот спектакль останется незамеченным. Кайл запихнул в рот сразу половину своей тарелки и невнятно промычал:

— Хэл бежит из колледжа.

— Это мне уже известно.

— Я решил бежать вместе с ним.

Наверное, я должна была ожидать чего-то подобного, но меня все равно прошибло фантомным морозом. Я уставилась на Кайла во все глаза. А ему-то зачем? Слишком скучно стало в последнее время? Он хотя бы подумал о том, что с ним сделает его отец, когда узнает? Или это нормально — для таких выходцев из влиятельных семьей, как он? Что им может сойти с рук любое приключение и любые проказы, потому что за спинами таких деток стоят могущественные родители? Заметив мой ошарашенный взгляд, Кайл не то загордился, не то смутился — он слегка покраснел и отвел глаза.

— Хэлу понадобится моя помощь, — пробормотал он, возя вилкой по тарелке, стараясь собрать в кучку отдельные полоски водорослей.

Пока я рассматривала Кайла, впервые подумав о том, что здоровяку тоже не чужды дух авантюризма и жажда приключений, Хэл сделал попытку забрать у меня бумагу. Я ловко увернулась и погрозила ему пальцем.

— Значит, ты втянул в это Кашалота, а я осталась на скамейке запасных? Ну спасибо.

Пока Хэл ворчал в свое оправдание, я развернула бумагу. Чертеж, состоящий из черточек, линий и квадратов. Немного кругов, штрихов и прочих значков. Даже в таком виде я без труда узнала это место.

— Карта колледжа?

Хэл больно шлепнул меня по губам, зажимая рот. Его кожа воняла куриным мясом, и я сморщилась.

— Ты что орешь? — сердито прошипел он. — Хочешь мне все сорвать?

— Тебе нужна карта для побега? — я заговорила потише, но совсем немного, чтобы он не решил, будто я забочусь об его шкуре.

Он правда испугался: озирался по сторонам, втянув голову в плечи. Но зрителям хватило нашей небольшой потасовки, и никто больше не обращал на нас внимания. Кайл флегматично жевал, наблюдая за нами. И как только ему удалось стащить карту и где?..

— Конечно! — прошипел наконец Хэл. — Думаешь, всё так просто? Нужно вырубить охранную систему. Выбрать самую скрытую от глаз дорогу. И вообще не заблудиться в потемках на улице.

— И карта тебе со всем этим поможет? — с иронией переспросила я. — Там прямо есть специальная дорожка, подписанная: «Для побега Хэла». А еще она тебе скажет, как пройти мимо Йо-Йо и как миновать все магические датчики, которые вряд ли указаны здесь все. Это она тебе тоже подскажет?

Я видела, как постепенно потухали глаза друга. Глаза дефектных это вообще удивительная вещь — в них мерцает магия эйтов, они могут светиться в темноте или менять цвета. Я такого, правда, никогда не видела, но люди говорят, что подобное нередко бывает.

А как выглядели глаза самих эйтов?

Хэл отвел от меня взгляд и покосился на карту, лежащую на столе. Уголки рта опустились вниз, плечи расслабились. Даже взлохмаченные мной волосы как-то поникли. Он многое не продумал, но смелости у него было не занимать. Или отчаяния.

— Я же говорил, что все будет не так просто, — прочавкал Кайл, выбирая в тарелке оставшееся мясо. — Мы вдвоем не пройдем.

— Это точно, — подтвердила я, прежде чем Хэл успел сказать хоть слово. — Вы вдвоем попадетесь, едва выйдете за пороги своих комнат. Да вы будете заметнее, чем Йо-Йо на равнине!

Хэл резко ударил кулаком по столу, звякнув посудой. Костяшки его пальцев полностью побелели.

— Мы все продумаем, — упрямо прошипел он, не поднимая на меня глаз и от злости почти не разжимая зубов. — Ты нас все равно не остановишь!

Узнаю Хэла — упертый, смелый, немного сумасшедший и ужасно самоуверенный. Я любила и ненавидела его за это.

— И не надо ничего продумывать, — отозвалась я, все так же спокойно и почти равнодушно. — Так или иначе что-нибудь упустите. Поэтому все продумала я.

Номер К5. «Кашалот». Кайл

«Хорошо выспись!» — сказали они. — «Ни о чем не волнуйся!»

Ага, конечно. Как тут сомкнешь глаз, если это — последняя ночь в стенах родного колледжа? Да меня выворачивало наизнанку от волнения!

Хотя, если бы Джем не вмешалась, то, кажется, мы с Хэлом совершали бы побег уже сегодня. И еще неизвестно что хуже: спешка или это томительное ожидание.

Я перевернулся на другой бок, и кровать скрипнула. Время перешло за полночь, а я до сих пор ворочался, и сна не было ни в одном глазу. У меня уже болела спина, и вся простынь успела сбиться. Нет ничего хуже бессонницы, особенно когда нет возможности чем-то заняться кроме как лежать и пялиться в темноту.

Тишину нарушал только нестройный храп моих соседей, да порой слышался какой-то скрежет из соседних комнат — стены здесь толстые, но почему-то все равно хорошо слышно, что там происходит у других. Когда парни из смежной комнаты начинают ругаться, то тут весь дом сотрясается. А ругаются они нередко.

Я обвел взглядом свою спальню. Конечно, в такой темноте ничего разглядеть было нельзя, но обстановка была настолько мне знакома, что я почти наяву увидел ее. Две кровати моих соседей — Бобра, у которого были перепонки между пальцами, и Хлыста, который ничем особенным не отличался. Маленькая тумбочка у каждой кровати, три письменных стола, занимающие почти все свободное пространство, в нише спрятана одежда. Небольшая полка с книгами, этажерка для аудиокассет и радио на стене. К кровати Хлыста прислонена бита, хотя я ни разу не видел, чтобы он играл

в бейсбол. У Бобра висела карта Роуздилла с его пометками и символами, но никто не знал, что они обозначают.

Мне все равно нравились мои соседи, даже если от них было больше вопросов, чем ответов. И было жалко так просто и сразу бросать их, даже не предупредив.

Я посмотрел на стену над своей кроватью. Не было видно, но там висела пробковая доска с моими записками и напоминаниями, про которые я, тем не менее, забывал, и три фотографии меня, Хэла и Джем. Мое главное сокровище. В прошлом году мать подарила мне полароид, и мы фотали все вокруг. Было сделано много плохих фотографий, но еще больше — смешных. Смазанных, нечетких, с обрезанными лицами. Мы носились по всей территории УКОГ, Джем смеялась, Хэл корчил рожи. Мы отбирали фотоаппарат у друг друга, прятали лица от объектива и старались поместиться в кадр все вместе. Маленькие карточки с картинками звездопадом кружились вокруг нас, и мы ползали в траве, боясь потерять хоть одну. Это был настоящий праздник. Три снимка, самые удачные и смешные, я и повесил на доску. Надо будет забрать их с собой завтра вечером...

Я плотнее завернулся в плед, представляя, что начнется завтра. У меня желудок стиснуло от волнения. Сумасшедший, дерзкий план! УКОГ, верно, никогда еще не видывал ничего подобного. Ни у кого никогда не было причины бежать отсюда, колледж был идеальным местом для жизни. Тебе готовы предоставить все, что душе угодно. Тусовки в клубах по интересам. Знакомства с потрясными людьми, которых ты больше нигде не встретишь. Современные удобства и развлечения. Наконец, корочки об образовании, с которыми тебя примут на любой работе. А цена за это — пустяк. Быть обыкновенным человеком или хотя бы держать свои странности при себе.

Вспомнив свой последний разговор с матерью, я не мог не признать, что понимал Хэла как самого себя. Если бы эйты заявились сюда уже завтра и потребовали его к себе — кто бы посмел их остановить? А раз у них снова помешательство и паника, значит, от них можно ожидать каких угодно действий. Они же непредсказуемы, как дикие животные.

Я так уверенно об этом рассуждаю, а сам-то видел эйтов от силы пять раз в жизни.

В них было что-то человеческое и вместе с этим — заметная часть от «монстров», как их иногда обзывали в народе. Крылья, хвосты, клыки, шипы, шерсть или дополнительные головы. Эйты могли иметь самую разную магию, огонь это, вода, воздух или земля. То, что достается дефектным — жалкие подачки, они бы и дня не выдержали рядом с настоящими эйталитами.

У каждого эйта своя способность — они так непохожи друг на друга, так различны и многообразны. Наверное, все люди кажутся им сборищем клонов.

Последний эйт, которого я видел, был из правительственного совета, отец разговаривал с ним. Этот «монстр» был точно выше двух метров, неуклюжий, но сильный. Его голос со странным акцентом, рокотал и гремел. Кожа упруго блестела на свету, мрачно-лилового цвета; шею, запястья и макушку украшала густая черная шерсть, вьющаяся как у козла. На нем был надет лишь хлопковый килт, почти скрывающий кривые ноги, оканчивающиеся копытами. Я пытался понять, что в нем есть от человека. Толстые синие губы? Тело, формой схожее с человеческим? Или разум?

Я снова перевернулся на другой бок и шумно вздохнул. Если бы только люди и эйты находились так далеко друг от друга, что не могли быть перемешаны никаким образом. Но мечтать, как говорится, не вредно.

Вторая лекция, а я до сих пор не проснулся. Проф по физике говорила о материях, но я ничего не слышал. Подпирая челюсть одной рукой, второй катал по столу карандаш и изо всех сил сдерживался от зевка. Зеваю я всегда очень заметно, окружающие даже отходят подальше, боясь, что я ненароком могу их проглотить.

«Эй, Кашалот, у тебя все кишки видно, когда ты так разеваешь свою пасть!»

Ха-ха, очень смешно.

— Послезавтра будет тестирование, не забудьте, — напомнила проф под конец лекции, собирая свои записи. — Пересдачи не будет.

Она и в самом деле очень строгая — никогда не делает поблажек. Мне они и не требовались, но сейчас я попал в затруднительное положение. Как я сам закончу колледж? Я гнал этот вопрос весь вечер и всю ночь, но сейчас меня оглушило осознание того, что раз я заодно с Хэлом, то могу поставить крест на своей учебе. Три года, проведенные здесь, летели ко всем кюрукам! Конечно, отец мог бы помочь с этим… но я просить не буду. Пользоваться его авторитетом и властью? Нет, такое не для меня.

А что будет делать Джем? Она теперь с нами, но ведь она — один из самых лучших учеников колледжа! Ей пророчили завидный диплом, с которым ее возьмут на престижную должность. Как она оставит, нет — бросит все это? Я-то не мог уснуть до трех часов ночи, а бедняжка, верно, вообще покой потеряла! Пусть только со стороны кажется равнодушной и бесчувственной — колледж это ее родной дом, она ничего кроме него и не знала. Каково ей было бросать это?

И лишь ради Хэла?

Я остановился, прекратив складывать свои вещи в рюкзак. Мысль о Джем поразила меня как дубинка. Хэл вообще подумал,

что с ней будет? Простят ли ей этот прогул? А если нет? Что ей тогда делать? Может, я мог чем-то помочь?

— К5, все в порядке? — весело окликнула меня проф и звякнула ключами. — Я закрываю кабинет, давай поторапливайся.

Я едва глянул на нее, кивнул и одним движением сгреб оставшиеся вещи в сумку. Вышел из класса и на автомате пошел на следующую лекцию. А в голове в это время продолжало разыгрываться нешуточное беспокойство.

Это все никуда не годилось. Нужно быстро находить выход из такого плохого положения. Хэл мог жертвовать своей учебой, своим местом в колледже и даже своей карьерой баскетболиста. Никто не уговаривал Джем идти вместе с ним, но все последствия, так или иначе, лежали на плечах именно Хэла. Я не мог остаться в стороне и пытался найти для нас двоих хороший ответ на эти сложные вопросы, найти хоть самый слабый компромисс. Может, ей оставить записку для мистера Директора?

Сейчас по плану я должен был сыграть еще одну небольшую роль, чтобы помочь Хэлу, но кто поможет мне, когда меня отчислят, да еще с таким позором? Я замедлил шаг, подойдя к лестнице с третьего этажа. Нужно было раньше думать над этим! Теперь уже поздно идти на попятную — друзья ждут от меня следующего шага. Но если постоянно расшибаться в лепешку ради друзей, то можно этой лепешкой и остаться. Когда-нибудь я делал что-нибудь подобное ради себя? И кто мог бы сделать, если не я сам?

Дилемма предстояла ужасная, я ощутил, как сдавило горло от паники. К счастью или нет, но последующие события подтолкнули меня вперед, не оставив выбора.

Подтолкнули в самом прямом смысле этого слова.

Все это время я стоял почти на самом краю лестницы, и до сих пор всем удавалось как-то осторожно обходить меня. Но тут по-

явились одни из самых торопливых или неуклюжих студентов, которые налетели на меня и столкнули вниз. Мир завертелся волчком, в ушах засвистело, а желудок стиснуло.

— ОООЙ!!!

— Осторожнее!

— Простите!.. АААЙ!

— Эй!

— Куда ты?..

— Не трогай меня!..

— Ай, я не хотел!.. ААА!!!

— Не толкайся!

— Прости!.. ОООО!!!

— С дороги!

— АААААА!!!

Я чудом миновал половину ступенек, нигде не упав, но растолкав всех студентов, зато вторую часть я пролетел кувырком, и закончилось все эффектным ударом о последнюю ступеньку.

Джем сказала: «Сделай что-нибудь, чтобы попасть в медпункт, главное не убейся.»

Выполнено!

— Оооо…

— Эй, ты в порядке?

— Откуда кровь?

— Ты что-то сломал?

— Фу! Что здесь случилось?

— Разойдись! Парень, тебе плохо?

— Проводить в медпункт?

Я вмиг оказался окружен стайкой первокурсников, которые таращились на меня со смесью испуга, любопытства и доли кровожадности. Зато дефекта в свидетелях у меня точно не будет. Я от-

кашливался и отплевывался от крови, держа на ладони два выбитых зуба и половинку третьего. На самом деле куда больше меня беспокоило колено, которое я ушиб о ступеньку, но оно не выглядело эффектно травмированным, в отличие от моих зубов. А это ерунда, на самом деле — недостатка в зубах у меня нет, на месте этих двух могут появиться новые, такое уже бывало. Но окружающие об этом не знали.

— Ооо, как же больно! Как будто челюсть сломал!..

— Что он говорит? Челюсть сломал?

— В медпункт его, живо! Чего встали?

— Кто уберет кровь на полу?

— Да он сейчас вообще сдохнет, чего стоите, кугалунги?!

В общем, двое активистов поспешили отвести меня до медпункта, участливо придерживая за плечи, спрашивая, не становится ли мне хуже и как так вообще получилось. Это было очень мило, я даже растрогался, и мне стало неловко, что приходиться врать этим ребятам. Правда, едва мы оказались на пороге обитания госпожи Докторши, мои добрые спутники поспешили исчезнуть. И не зря, мне тоже захотелось.

— О, Кат Великий, — протянула хозяйка этого царства, разглядывая меня. — Такие красавчики меня навещают редко. Что стряслось?

Я показал ей сломанные и окровавленные зубы, а затем место, где они находились до этого часа. Усадив меня в стоматологическое кресло, Докторша с неохотой заглянула в мою пасть и тут же сделала шаг назад.

— Не представляю, как ты за ней следишь!

Что правда, то правда — зубные щетки я менял каждую неделю, а зубные нити рвались, едва завидев, с чем им предстоит иметь дело.

— Сильно болит? — продолжила Докторша, так и сверля меня взглядом.

Она нависала надо мной: большая, сильная и страшная. Я сглотнул, все еще чувствуя кровь в слюне. А если она узнает, что я ей лгу?..

— Ой, да! Очень! Просто разрывает челюсть от боли!.. Можно мне воды?

— Подождешь. Ну-ка, открой рот еще раз… Только попробуй цапнуть меня!.. Ужас ужасный, не рот, а пещера! Ничего серьезного, небольшое кровотечение. У тебя до этого выпадали зубы?

— Аааоо…

— Что? Номер Л5, прекрати кривляться! Закрой рот и отвечай нормально!

— Нет, госпожа.

— Ни разу?

— Нет. У меня же вырастут новые? А сломанный? Придется ставить протез?

Госпожа Докторша хмурилась, разглядывая меня. Беда с этими дефектными — никогда не знаешь, чего от них ждать. И я продолжил причитать:

— Вдруг начнется заражение? А если у меня выпадут остальные зубы? Я что, останусь совсем без зубов к тридцати годам? И как же болит челюсть… А вдруг она треснула? Я очень сильно упал…

— Тише! — рявкнула Докторша. — Если так болит рот, то поменьше шевели им! Я сейчас вернусь, никуда не уходи.

Я тут же оживился. Вот он, тот момент, ради которого и затевался весь этот спектакль.

Мне нужно стащить таблетки для Хэла.

Нико-оксилаксицилин — одно из самых сильных средств для восстановления сил после проявления побочной силы. Обычные люди, вроде меня или Джем, про них могут вовсе не знать, а для Хэла это один из жизненно необходимых препаратов. Проглотив всего четверть таблетки, он мог не волноваться, что отключится после очередной вспышки своей магии. А еще они быстро восстанавливали энергию. В общем, нам без них сейчас было не обойтись.

Едва за Докторшей закрылась дверь, я начал поспешно искать таблетки. Они не должны быть на виду, но и не спрятаны слишком далеко — помимо Хэла в колледже были еще студенты и взрослые, которым мог в любой момент понадобиться нико-оксилаксицилин.

На полках и в шкафчиках спрятаны десятки разных пластинок и баночек с длинными и сложными названиями на этикетках. Я рылся в них, бегом просматривая, и складывал на место. Склянки и коробки шатались, и я очень боялся что-нибудь уронить и разбить. Мои толстые пальцы как никогда стали неуклюжими и скользкими от пота. Я едва дышал от волнения, а мой взгляд метался по длинным названиям лекарств, но, то и дело, обращался к двери.

Да где же они? Неужели хорошо спрятали? Я просматривал лишь пластинки и коробочки — нам не нужны в виде инъекций. Перед глазами уже все плыло от замудренных названий, и мне начало казаться, что я просто пропустил нужное.

Вдруг из коридора послышались шаги, и я выронил коробочку. Мигом подобрал ее, забросил обратно в шкафчик, закрыл дверцу и прыжком ринулся обратно к креслу.

Плюхнувшись на сиденье так, что со всей дури долбанулся затылком о спинку, я замер в позе червяка, с ужасом ожидая возвращения Докторши.

Прошло десять секунд. Полминуты. Минута. Из коридора опять не доносилось ни звука, и я смог немного расслабиться. У меня было еще немного времени, и я поспешил обратно к шкафчику.

Когда в моих руках внезапно оказалась нужная пластина с таблетками, я даже глазам своим не поверил. Несколько раз перечитал название, почти начиная сомневаться в том, что правильно знаю нужное. Нико-оксилаксицилин. Оно же?

Тут снова раздались шаги, на этот раз куда громче. Я спрятал бесценную находку во внутренний карман пиджака и запрыгнул обратно в кресло. Сердце билось как ненормальное, и я понадеялся, что внешне это незаметно.

Дверь открылась, вошла госпожа Докторша и тут же с подозрением глянула на меня. Я поневоле съежился, вдавившись в спинку сиденья. Почему она так смотрит на меня?

— Испугался? — довольно протянула женщина, медленно подходя ко мне. — Зря ты так. Твои зубы могут восстановиться. В большинстве случаев так бывает.

Я постарался изобразить радостное удивление, но Докторша тут же сменила тон и сердито рявкнула на меня:

— Дам обезболивающее, стакан воды и ты живо отправишься обратно на лекции, усек?

Так оно и получилось.

Вернее, в свою аудиторию я так и не попал — пока я прохлаждался в кабинете, то оказалось, что прошла уже половина лекции по литературе. Мне не хотелось вваливаться в аудиторию у всех на виду, и я решил разыскать Хэла или Джем, если повезет. Уж если

вылетать из колледжа, так вылетать с полным треском, успев солгать Докторше и прогулять лекции.

Таблетки я рискнул как следует рассмотреть, только заперевшись в туалете. Да, нико-оксилаксицилин, три целые таблетки и крошечная часть четвертой. Думаю, этого нам хватит за глаза, если только Хэлу не вздумается пустить свою побочную силу во весь опор.

На мое везение, я узнал, что у друзей был общий урок физкультуры. Я тут же поспешил на улицу — в теплое время тренеры и профы стараются выгонять студентов наружу при любой возможности, будь то уроки физкультуры, живописи или ботаники. Они должны быть на баскетбольном поле, где только вчера мы сидели и общались с помощью тетради и карандаша.

Ударенное колено ныло все сильнее при каждом шаге, и я успел пожалеть, что ничего не сказал про него Докторше. Много ли от меня будет толка, если я не смогу нормально ходить и бегать? А может, до вечера все пройдет? Крепкая челюсть уже давно не беспокоила меня, я и думать забыл про выбитые зубы. Подумаешь, какая важность.

Увидев толпу ребят, играющих в баскетбол, я несколько долгих минут высматривал среди них друзей. Их не было. Раздумывая над тем, то ли я допустил ошибку и перепутал расписание, то ли друзья сбежали сегодня ночью, я решил просто посидеть на трибуне, в ожидании своей следующей лекции. И тут неожиданно заметил их.

Хэл и Джем были в спортивной форме — кораллового цвета майки для девушек и бирюзовые для парней, с черным номером на груди, тремя белыми кристаллами и названием колледжа на спине. Одинаковые черные шорты, кеды и белые гольфы для всех.

Друзья виднелись в первом ряду, безучастно наблюдая за игрой. Джем сложила ноги на колени Хэла и лениво лежала, опираясь на подлокотник. Хэл откинулся на спинку сиденья и, прикрыв глаза, смотрел на поле.

Я зашел сзади и осторожно хлопнул его по плечу. Не глядя на меня, он протянул руку. Оглянувшись по сторонам, я почти с опаской передал таблетки, ожидая, что вот-вот на нас набежит разъяренная госпожа Докторша и мистер Директор заодно с ней. Джем потянулась и приподнялась со своего места.

— Наша умница Л5! Что ты сломал себе ради этого?

— Три зуба.

— Что, серьезно?

Джем начала вставать на колени, чтобы дотянуться до меня, и по ходу случайно ударила ногой Хэла в живот. Не обращая на его недовольства внимания, она требовательно протянула ко мне руки, и я немного приоткрыл рот, языком показывая место. Хэл тоже оглянулся на меня, но без особого сожаления и интереса. Куда больше его сейчас занимали таблетки, которые он крутил в руках почти с благоговейным трепетом.

— Вырастут, — уверенно заметил он. — У акул всегда вырастают новые зубы.

— Кайл не акула, — пробормотала Джем, держа меня за щеки и осматривая дырки. — Он Кашалот, а это совсем другое дело.

— Но пасть у него все равно акулья.

Не люблю, когда обсуждают мою побочную сторону, как бы ее ни называли. Я вырвался из рук Джем.

— У нас все готово?

Хэл пошевелил одним плечом, привлекая внимание к «барьеру»

— Еще не совсем. Вечером зайдем в морозильник, чтобы сломать слириумы. Вы со мной?

Джем промолчала, мне тоже идти совсем не хотелось, но я все же сказал:

— Да.

— Чудно, — отозвался Хэл и тут же забыл про меня, снова наблюдая за игрой.

Мы молчали, поневоле смотря, как ребята бегают и передают друг другу мяч. Было что-то странное и страшное в том, что мы так спокойно и равнодушно относились ко всей этой затее с побегом. Как к шутке какой-то. А если бы мы в то время узнали, чем это обернется для нас? Это по-прежнему оставалось бы шуткой?

— А вы почему не в игре?

Я спросил, чтобы сказать хоть что-то, чтобы прервать неприятное молчание между нами. И только после того, как задал вопрос, то сам удивился, что не спросил этого раньше.

Хэл обернулся. Самодовольная улыбка растянулась на все его лицо, серые глаза хитро смотрели на меня.

— Мы применили ЛЗП.

Джем довольно хмыкнула, подтверждая это. Тогда все ясно, ребята решили по-полной развлечься в последний денек здесь. ЛЗП был поводом для их гордости, удивленных возгласов зрителей и большого недовольства судей. Его суть в том, что когда мяч оказывался у Джем и была благоприятная обстановка, Хэл складывал для нее руки и наша подруга, разбежавшись, подпрыгнув и оттолкнувшись от них, совершала эффектный данк. Это было очень красиво со стороны, хотя на моей памяти Джем несколько раз не удерживалась и падала или ударялась о плечо Хэла и летела на землю вместе с ним, что уже не выглядело так сногсшибательно. В

любом случае, сегодня им удалось повторить свой любимый трюк и на этом красиво попрощаться с колледжем.

А я останусь в памяти как неуклюжий увалень, сломавший зубы о лестницу.

Номер Т23. «Скрип». Хэл

Это правда. Мы бежали из колледжа. Уже сегодня вечером бежали.

Я до последнего не мог в это поверить, хотя идея была моя. Но одно дело, когда ты лишь представляешь себе красивую картинку и думаешь: «Ну да, было бы неплохо, а то другого пути, кажется, нет.» И совсем другое — держать в руках украденные таблетки, видеть собранных друзей и высчитывать время, когда меньше всего людей могут заметить тебя на улице.

Джем все продумала. Сегодня состоялся турнир по фехтованию. В колледж приехали гости из Академии Искусств в Смоксилле, сократили лекции, и царила праздничная атмосфера. Несмотря на прохладный вечер, на улице тусовались толпы народа, и всё-всё вокруг было подсвечено гирляндами, свечами и небольшими кострами. При таком свете мы будем видны как на ладони, но именно это нас и спасет. Мы ничем не отличимся от сотни остальных студентов, зависающих на улице в позднее время, и спокойно пройдем до самых ворот.

Когда днем Джем подробно рассказала нам об этом, мне в голову неожиданно заползла странная мысль.

А думала ли они о побеге до этого дня?

Но непосредственно перед тем, чтобы без оглядки отправиться в большой мир, нам предстояло сделать еще одну важную вещь, и мы с Кайлом направились к морозильникам. Пробраться туда оказалось плевым делом — студентов нередко просили помочь с доставкой продуктов, ну а сегодня повара вовсе с ног сбивались, так что мы оказались как нельзя кстати. Нам вручили куль со свежими травами и велели принести замороженных кальмаров. Признаться честно, я даже немного испугался, что Кайл от волнения возьмет и

проглотит мясо до того, как мы вернемся на кухню. Кто знает, что там на него может найти на нервной почве?

Но все обошлось. Мы мигом забросили травы в первую камеру, взяли кальмаров из третьей и направились дальше, к девятой, в которой температура была около тридцати градусов ниже нуля. У меня слегка ломило виски от опасения, что это не поможет, и «барьеры» останутся целы. Что нам тогда делать? Как мы сбежим? Я почти не почувствовал холода, когда мы зашли туда.

— О…

Кайл выдохнул и сглотнул. Широкими руками он обхватил себя за плечи, стараясь немного согреться. Мы не стали тратить время на специальные костюмы и потому стояли в чем были. А именно — Кайл в брюках и рубашке, я в спортивной форме. Слава Кату, на мне все же был еще джемпер.

— Не удивлен, что Джем с нами не пошла!

Слова вырвались из моего рта вместе с матово-белыми облачками пара. От холода побаливали зубы и горло, в глазах покалывало от сухости.

Небольшое помещение заполняли плотные ряды освежеванных туш баранов и свиней. Они неподвижно свисали почти до самого пола, откровенно демонстрируя нам ребра, упругие мышцы, белые пласты соединительной ткани и тугие связки. Вдобавок здесь было довольно сумрачно, и красные тела, подвешенные на крючья, выглядели особенно жутко.

— Я ее понимаю, — выдавил Кайл.

Бедняга уже совсем позеленел, часто хлопая глазами и в ужасе смотря перед собой. Нижняя губа закушена, и виднелись треугольные кончики зубов.

Я не выдержал и засмеялся. Эхо пролетело мимо туш, и мне даже показалось, что они качнулись в ответ. Да наша храбрая

Джем упала бы в обморок, едва оказалась бы здесь! Поэтому она отказалась идти с нами. Она просто испугалась.

— Уверен, Джем не ест мяса, потому что боится потолстеть, — заметил я, чтобы немного рассмешить друга. — Знаешь, как она завидует Мимозе?

Я вспомнил, как Джем застала нас вместе, и потому это сравнение показалось мне особенно удачным.

Кайл с трудом сглотнул и отвел от меня взгляд.

— Но я бы не сказал, что Джем полная… — промямлил он, не поняв мою шутку.

— Ой, по сравнению с Мимозой все кажутся полными!

Я положил пакет с кальмарами у ног и стряхнул с себя джемпер. Руки тут же обожгло морозом, но я едва обратил на это внимание.

— Смотри, началось!

Прозрачно-розовые пластины «барьеров» помутнели и стали матово-белыми, точно глаза слепцов. Я дотронулся до одного из браслетов, и кристалл вдруг рассыпался под моими пальцами. Твердая крошка упала на голый, мраморный пол.

Как все просто и быстро! Я чуть поколебался, а затем сразу одним движением руки смел остатки кристалла. Они тут же исчезли с черных напульсников, как будто их никогда здесь и не было. С внутренней стороны «барьеров» тоже посыпалась белая пыль.

Меня переполнили триумф и гордость. Вот вам, мистер Директор и госпожа Докторша! Вот вам, проклятые эйты! Может, я и дефектный, но я не слабак и не тупица!

Я быстро повторил эту процедуру со вторым «барьером», и уже меньше, чем через десять секунд оказался свободен.

Кайл крепче обхватил себя руками и втянул голову в плечи, наблюдая за мной. Он выглядел немного странно и словно старался съежиться и стать меньше, при своей-то фигуре.

Но я уже и думать про него забыл, прислушиваясь к своим ощущениям. Я словно выпил пару банок энергетиков за раз! По телу прошла дрожь, в груди потеплело, и чувство безграничной силы затопило меня по самую макушку.

— Отлично, — выдохнул я, разминая плечи и готовясь сорваться в самое сумасшедшее путешествие в моей жизни. Ноги пружинили, изнывая от желания броситься вскачь, ладони потеплели даже в таком холоде. — Просто отлично. Ну что, теперь обратно? — я глянул на напуганного Кайла и едва удержался от смеха. Какой он порой чудной! — Через полчаса у нас свидание с Джем, — я перекинул другу пакет с кальмарами и, не выдержав, первый бросился к выходу из камеры.

Кончики пальцев знакомо покалывало. Моей побочной силе не терпелось снова проявить себя.

Представьте, что вас освободили от наручников… Или развязали веревку на ваших запястьях. Выпустили из клетки. Сняли смирительную рубашку. Освободили от оков. Представьте себе это, умножьте на сто и получите примерное представление того, что я сейчас чувствовал.

Я был готов на все, и мне не терпелось это доказать. Я бы, не задумываясь, вступил в драку со всеми парнями колледжа, заставил Йо-Йо смирно вытянуться у моих ног и вплавь пересек бы Озеро Грез. Я был способен взорвать весь УКОГ одним щелчком пальцев — я чувствовал, я мог сделать это!

Правда, сами браслеты-напульсники до сих пор были на мне, но избавиться от них — лишь вопрос времени. Пока можно будет

пощеголять и с ними — все равно никто не заметит пропажу пластин, пока на мне толстовка.

Думая о том, каким могуществом я владею, я едва сдерживался от безумного смеха. Окружающие считали меня слабым, ограниченным, безопасным. По дороге к общежитию я только и делал, что искал предлог показать, что они все ошибаются. Пусть хоть кто-нибудь толкнет нас. Не очень лестно выскажется. Засмеется чересчур громко. Ох, был бы здесь Близнец, мне и причины бы не понадобилось!

Но все же наше счастье, что я не нашел ни одну причину показать окружающим, что меня больше ничего не связывает, и мы с Кайлом спокойно добрались до домиков парней. Осталось собрать вещи и встретиться с Джем у Лунной чащи.

В моей комнате, как и ожидалось, никого не было. Вещи Скелета и Шнурка валялись вперемешку с моими, но я не стал тратить время на поиски — я все собрал заранее.

Честно говоря, я особо не парился. Мы собирались перекантоваться у моей тетки Ди-Ди. Ди-Ди была веселой, немного сумасшедшей и очень умной. Она жила одна в огромном доме с ботаническим садом на крыше, и некоторое говорили, что она умеет делать магические настойки из трав. Но это исключено: вся моя семья — самые обычные люди. А побочная сила перешла ко мне не то от прадедушки, не то от прадядюшки, которого никто в живых никогда не видел.

Дом тетки находился на окраине города, и это была еще одна причина, почему я выбрал ее. Эйты и мистер Директор никогда не найдут нас там. Конечно, я еще ничего не сказал самой Ди-Ди, но не сомневался, что она примет нас с распростертыми объятиями, когда мы приедем. Можно было не волноваться и насчет того, что

она расскажет родителям — тетка всегда была на моей стороне. Мне было даже немного жаль, что я на нее совсем не походил.

В моем рюкзаке лежали оставшиеся деньги, немного сменной одежды, перочинный нож и сдутый баскетбольный мяч. Учебники и тетради я с удовольствием оставил в комнате. Заветные таблетки, которые стащил для меня Кайл, я положил во внутренний карман толстовки, поближе к себе. Один Кат знает, когда они могут мне пригодиться.

Так, что еще? Я оглядел комнату, затем посмотрел на себя. Не с первого раза заметил привычную вещь, от которой тоже стоило избавиться.

Жетон с номером.

После побега наши номера, а то и клички, наверняка появятся в местных газетах, и я не хотел, чтобы кто-нибудь так просто нас сдал.

Я не без удовольствия отцепил с кофты жетон и запнул его под кровать. Находиться на территории УКОГ без своего номера было наказуемо, и студенты цепляли медальон с одного комплекта одежды на другой уже чисто механически, даже не отдавая себе в этом отчета. За потерю номерка тоже накладывался небольшой штраф, и мне пару раз приходилось отчитывать его из своей стипендии. Я не виноват, что замок расстегивался, и жетон терялся!

Надеюсь, по дороге к воротам, никто не заметит, что мы без номеров. Было бы ужасно несправедливо попасться на такой ерунде.

Уже закрывая комнату на ключ, я чуть помешкал, зацепившись взглядом за стол в полумраке. На нем лежали учебники — мои или соседей, не знаю. Мне стало почти жаль, что я даже не попрощался со Скелетом и Шнурком: они неплохие ребята, и играли мы в

одной команде. Но сейчас не время для телячьих нежностей. Я хмыкнул и гаркнул в пустую комнату напоследок:

— Удачи, тупицы!

В пустом коридоре общежития мои кеды громко скрипели по деревянному полу. На первом этаже какой-то придурок разлил газировку, и я чуть не навернулся. Все равно буду скучать по этому месту, чуть-чуть.

Прощай, УКОГ!

На улице я встретился с Кайлом, и мы поторопились на встречу с Джем. Друг ни о чем не говорил, но я заметил, как опустились уголки его губ. Ой, Кашалот всегда был слишком сентиментален! Я со всей силы хлопнул его по плечу и в последний момент испугался, что могу взорвать его.

— Выпускной наступил раньше, чем мы думали, а? Выше нос, мы устроим собственный бал, с напитками, танцами и девушками, обещаю.

Кайл чуть приподнял губы в улыбке и снова нахмурился.

Мы в последний раз проходили мимо родных учебных корпусов, перекрестков и прочих знакомых мест. До сих пор не верилось, словно это всего лишь шутка, какой-то прикол. Я не мог представить, что завтра проснусь и не увижу всего этого — проживание в колледже настолько вбилось мне в кости, что я почти забыл о том, что когда-то жил в городе.

В честь чемпионата дали выходной на следующий день, и все спешили оторваться по полной. Студенты танцевали, горланили песни, сидели возле костров, играли на гитарах и свирелях. Если повезет, даже завтра никто не заметят нашего отсутствия. Джем предусмотрела все.

А вот и она собственной персоной.

Джем неподвижно стояла возле Лунной чащи, похожая на цветок со своими розовыми волосами. Подруга тоже была полностью собрана — кофта без бирки, раздутый рюкзак, фонарь за поясом и как бонус — каменное выражение лица.

— Где вас кюруки носили? — прошипела она. — Все получилось?

Последний вопрос она произнесла с большой долей недоверия — словно мы с Кайлом только и делаем, что все портим! Я демонстративно закатал левый рукав джемпера, показывая пустой браслет. Джем едва глянула на него и сразу развернулась к Лунной чаще.

— Тогда не будем терять время. Подозреваю, Йо-Йо недолго вытерпят на празднике.

Не мог не согласиться — как бы все ни любили щенка, а проблем от него выше головы. Его выходки вызывали умиление лишь до определенного момента, а затем неуклюжего шалуна отправляли «погулять» по территории УКОГ, — и вероятность, что мы встретимся с ним, вырастала почти до ста процентов.

Меня обогнал Кайл, поравнявшись с Джем. Он что-то негромко сказал или спросил, нагнувшись к ней, на что Укол огрызнулась, заставив его отшатнуться:

— И что ты хочешь услышать от меня?! Думаешь, это прогулка в парке, да?

Она обиженно ускорила шаг, и мне пришлось пуститься почти бегом, чтобы догнать ее. Кайл топал рядом со мной, виновато втянув голову в широкие плечи. Давно уже не видел его таким притихшим.

Между тем, Лунная чаща начала с нами свои игры.

Все деревья в Лунной роще казались абсолютно одинаковыми — высокие, тонкие, идеально гладкие стволы, понатыканные во-

круг тебя точно зубья у расчески. В лунные ночи (как сегодня) они выглядели серебристо-белыми с голубым отливом. От них начинало рябить в глазах, голова шла кругом, и ты словно оказывался в зеркальном лабиринте. Куда идти? Как выбраться отсюда? Настоящий это просвет между деревьями или лишь иллюзия? Будет ли когда-нибудь этому конец?

Мне кажется, Лунная чаща тоже принадлежала миру эйтов, как Озеро Грез, и колледж ничего не мог с этим поделать. Раньше возле леса стояла табличка, предупреждающая об опасностях этого места, но не так давно Йо-Йо ее съел.

Сейчас, с моей вернувшейся побочной силой, я буквально сходил здесь с ума. Музыка, доносившаяся с главного корпуса, слышалась сильнее, чем должна была — плавные переливы струн и свирели кружили голову. Я запинался на ровном месте, а сердце стучало все быстрее и быстрее. Не мог моргнуть и отвести взгляда от одинаковых деревьев. Они как будто двигались вокруг меня, исчезая и появляясь в других местах.

Мне стало ужасно душно в кофте, и я попытался ее снять, не сводя взгляда с одинаковых серебряных стволов перед нами. Между ними неуловимо скользила чья-то фигура, словно танцующая в волшебных звуках музыки.

— Что ты делаешь? — прошептал Кайл.

Кажется, его ничто не волновало — он лишь морщился и сжимал губы еще сильнее обычного. Я освободил из кофты одну руку, которая вмиг покрылась пупырышками от холода.

— Ты разве ничего не ощущаешь? — стараясь перекричать музыку, спросил я в ответ, нервно дергая плечом и пытаясь вытащить вторую руку.

Кайл не успел ответить — к нам обернулась Джем и остановилась.

— Кугалунги, вы чего? — выругалась она.

Насколько вижу, меня одного беспокоило, что мы очутились в сумасшедшем лабиринте, который ведет в неизвестное измерение, из которого мы никогда не выберемся! Мой взгляд упал на фонарь Джем, и я взмолился:

— Включи свет! Может, так будет проще найти дорогу?

— Найти дорогу? — глаза Джем чуть округлились. — Да мы идем по ней, бестолочь! Или ты думаешь, что я ее не вижу?

— Тогда дай фонарь мне!

Буркнув сквозь зубы очередное ругательство, Джем нехотя отцепила фонарь и передала мне. Я поспешно нажал на кнопку… и ужаснулся еще больше. Мертвенно-белый свет усилил иллюзию, подсвечивая стволы и делая все вокруг призрачно-невероятным. Даже Кайл вскрикнул, и закрыл руками глаза. Я выронил фонарь, содрогаясь от приступа головокружения и тошноты.

Джем подобрала фонарь и вдруг резко ударила им меня по голове.

— Вы ведете себя как двое дошкольников! — сердито воскликнула она. — Я думала, мы сбегаем из колледжа — быстро, тихо и незаметно, — а не теряемся в старом лесу и не орем на всю территорию УКОГа!

Что с нее взять — она ни капли не дефектная.

— Если ты хорошо знаешь дорогу, то выведи нас отсюда, как можно быстрее! — попросил я.

— Уже давно бы вывела, если бы не ваши шутки, — огрызнулась она, развернулась и почти бегом устремилась вперед.

Мы с Кайлом предпочли не отставать.

Звуки скрипки и свирели все громче звенели в ушах, и мне даже начал мерещиться женский голос — высокий, певучий и очень нежный. Он то почти затихал, то вдруг раздавался над

самым ухом. Мои ладони нагрелись, заряженные магией этого места. Темная фигура продолжала кружиться, видимая только краем глаза. Стоило перевести на нее взгляд, как она пропадала, чтобы появиться в другом месте. Музыка играла со всех сторон, словно излучаемая самими стволами деревьев, а голос звенел, маня к себе.

Признаться, я никогда раньше здесь не был в полнолуние, но знал бы — и ноги моей бы здесь не было, можно было выйти к воротам и другим путем!

Когда мы выбрались из жуткой Лунной чащи, я всерьез подумал о том, что за спиной осталось самое главное испытание, с которым мы только могли столкнуться в ходе этого приключения. За пределами леса голова перестала беспокоить меня, ноги опять слушались, и я понял, что жутко продрог, стянув с себя толстовку. Музыка и пение резко оборвались.

Кайл помотал головой, точно пес.

— Сумасшедшее местечко! — воскликнул он, продолжая трясти головой, как будто ему в уши попала вода. — И такая пронзительная тишина! Еще немного, и я бы точно свихнулся!

— Ты не слышал музыку с праздника? — удивился я. Кажется, здоровяку и правда чем-то уши заложило. — А пение?

— Какую еще музыку?..

— Так, тихо! — прервала нас Джем. — Еще одно слово, я разворачиваюсь и ухожу к себе в комнату!

Мы поспешно захлопнули рты — как оказалось, присутствие нормального человека может здорово помочь — Джем даже не запыхалась после прогулки по Лунной чаще.

— Нам осталось только выйти за ограду, — продолжила она, понизив голос. — Через главные ворота мы не пойдем, даже не мечтайте. Но есть дерево, которое растет не так далеко от забора.

Пару раз мне удавалось перелезть с него. Это сложно, но вполне выполнимо. И мы теперь на открытой территории, так что ведите себя вдвойне тихо! Или хотя бы попытайтесь!

За кого она нас принимает? Думает, я не знаю, на что шел, решив покинуть УКОГ? Да я мог перемахнуть через забор и без всякого дерева — раз плюнуть. Но я был снисходителен, и беспрекословно последовал за друзьями. Не всем повезло родиться с такой силой, как у меня.

Мы шли молча. Вокруг простиралось открытое пространство, занятое лишь маленьким летним кафе, старой беседкой и указателем. Янтарные и белые огни, музыка и веселящиеся студенты остались позади. Как будто уже в другом мире.

Откуда-то со стороны свежий ветерок приносил с собой ароматы цветов, которые растут у Озера Грез, и это странным образом напомнило мне о немой девушке с Земли Голубых Одуванчиков. Когда я увижу ее в следующий раз? С таблетками нико-оксилаксицилина такой шанс мог выпасть далеко не скоро, а рисковать своей свободой и безопасностью друзей ради отключки, чтобы нанести визит в то место… Нет, слишком опасно.

Мы быстро дошли до дерева возле забора, о котором говорила Джем. В полумраке все казалось ниже, чем на самом деле. Я прикинул расстояние и решил, что здесь не выше трех метров.

Кайл уже подсаживал Джем, и она ухватилась за нижнюю ветку. Друг предложил и мне помощь, но я с улыбкой отказался. Он до сих пор думает, что я слаб и беспомощен? Что ж, его ждет сюрприз!

Я с разбегу вскочил на ствол, оттолкнулся от него и ухватился руками за ветку. Она слегка вздрогнула под моим весом, но, кажется, была способна выдержать на себе еще пятерых Хэлов, если понадобится. Легко подтянувшись и взобравшись на нее, я выпря-

мился в полный рост, ощущая, как крепко мои ноги стоят на шершавой и узкой поверхности, как тело инстинктивно приняло нужное положение, чтобы сохранить равновесие, и как приятно становится в груди от осознания своей силы и контроля над ней. Джем уже перелезла на забор и теперь сидела на крае, оглядываясь на меня и заодно проверяя, нет ли кого поблизости. Кайл караулил с земли. Через пару секунд я присоединился к Джем, с удобством устроившись на заборе. Все прошло слишком уж легко и быстро, а я был бы не прочь выполнить пару акробатических трюков. Мое тело было послушно и гибко как никогда.

С высоты забора хорошо просматривалась Лунная чаща и шпили главного корпуса. Если прислушаться, то можно услышать и тихую музыку с праздника, и странно, что Кайл не расслышал ее еще в роще.

— Ну, где ты там? — с высоты шикнула на него Джем.

Здоровяк топтался возле дерева, примериваясь к нему и так, и эдак. Он, конечно, всегда был немного неуклюжим, но главное, чтобы это не помешало нашей операции именно сейчас!

Он начал карабкаться на дерево, цепляясь за него скрюченными пальцами и обхватывая ствол ногами. При этом он отчаянно пыхтел, а губы корчились в напряженной гримасе, обнажая острые зубы. Мы с Джем любовались на него с высоты, как вдруг я скорее ощутил, чем услышал равномерные толчки о землю. Джем выпрямилась и даже привстала, удерживаясь на крае ограждения, не шире десяти-пятнадцати сантиметров.

— Кайл, давай быстрее, кюрук подери! Сюда бежит Йо-Йо.

Это мы уже и сами поняли, а я увидел серый силуэт щенка, быстро двигающийся к нам. Если он поднимет шум, а то попытается и последовать за нами — это будет провал. Очень дурацкий провал.

Кайл изо всех сил пытался вскарабкаться хотя бы до нижней ветки, но не то от волнения, не то просто от неумения, успеха он никак не мог в этом достичь и постоянно съезжал обратно вниз.. Йо-Йо, между тем, почти добежал до нас, довольно размахивая хвостом. Уже можно было рассмотреть грязь на его белых лапах, услышать частое дыхание. Словно монстр из сказки под видом гигантского щенка он подходил к нам все ближе и ближе, готовясь поймать беглецов.

Кайлу наконец удалось перекинуть одну ногу через нижнюю ветку, и это уже было большим достижением. Джем крепко взялась за мое плечо, а свободную руку протягивала Кайлу, хоть до него еще было как до луны. Йо-Йо совершил последний рывок и остановился возле дерева, которое оказалось лишь немного выше его макушки. Он начал заинтересованно принюхиваться к Кайлу, шевеля мокрым коричневым носом, и наш друг вдруг совершил подвиг, достойный рыцаря.

Он качнулся и перебросил свое тяжелое тело прямо на голову Йо-Йо. Пока пес не успел ничего понять, Кайл со всей силы оттолкнулся от него и перелетел на забор.

Талисман УКОГа отшатнулся в сторону от удара и завалился на бок, вскинув в воздух грязные лапы. Он громко взвизгнул от неожиданности — наверное, еще ни один студент не обращался с ним столь неучтиво.

Кайл в это время благополучно врезался в нас с Джем, и мы все втроем слетели с забора на другую сторону.

Вероятно только густая трава, которую никто никогда не подстригал, и спасла наши кости. Земля здесь шла под откос, и мы еще некоторое время катились вниз, полностью перепачкавшись в траве и грязи. Кайл по дороге потерял свой рюкзак; я остановился,

лишь упав на лежащую Джем. В целом, все прошло очень даже неплохо.

Ну, кроме последней части.

— Ты меня раздавишь! — пропыхтела Джем, пытаясь спихнуть меня с себя.

Она оказалась удивительно твердой, с острыми коленками и локтями, которые впились мне в спину. Когда Кайл дошел до нас, мы уже поднимались на ноги, отряхиваясь от земли и травы, и морщились от боли в разных местах. Здоровяк ощупывал языком зубы.

— Еще два сломались, — пожаловался он. — Еще чуть-чуть, и я стану совсем беззубым.

— Уж лучше беззубым, чем неуклюжим! — сердито выпалила Джем, закончив приводить себя в порядок. — Что с тобой? Если бы не Йо-Йо, мы бы проторчали на заборе всю ночь!

Кайл молча отряхнул поцарапанные руки, не смотря на нее, и так ничего не ответил. Я оглянулся на забор, за которым продолжали слышаться топот и сопение щенка.

— Пойдемте, пока он не перебрался сюда.

Когда-то по всему периметру забора были понатыканы острые крючья, которые были рассчитаны на то, чтобы Йо-Йо даже не думал о том, чтобы перелезть через забор и сбежать. Когда он был совсем маленьким, крючья свою роль выполняли прилежно. Но когда талисман подрос и однажды расцарапал себе нос, было решено их убрать, пока Йо-Йо снова не поранился. Здоровый талисман — удача колледжа. К счастью, после того случая у щенка больше не было причин приближаться к забору. И, я надеюсь, мы ему этот интерес не привили.

Мы направились в город, продолжая порой с опаской оглядываться и внимательно прислушиваться. Когда в колледже нас хва-

тятся? Нас объявят в розыск? Развесят по городу фотографии, напечатают в газете и даже по телевидению покажут? Нам придется изменить свою внешность и выходить в город только по вечерам, когда меньше шансов быть опознанными…

А как отреагируют эйты, если узнают о моем побеге? Они пришлют сюда своих агентов? Обвинят во всем колледж? Арестуют моих родителей?..

— Я даже с ним не попрощалась, — вдруг пробормотала Джем.

Я только начал прикидывать в уме варианты парней, с которыми она могла тайно встречаться, но вдруг понял, что подруга имеет в виду колледж.

Свой родной дом.

Номер К44. «Укол». Джем

Ночной Роуздилл совсем не походил на ночной УКОГ. Если большой дом для тысячи студентов прилежно засыпал с наступлением комендантского часа, то его сосед-город бодрствовал все время. Время шло к полуночи, а здесь по-прежнему было много прохожих, автомобилей, некоторые магазины и кафе все еще работали, приглашая к себе. Улицы ярко подсвечивались рекламными стендами, фонарями, фарами, прожекторами и гирляндами под проводами. Признаться, мы даже слегка оробели, не ожидая, что окажемся в центре круговорота ночной жизни. Колледж с Йо-Йо, Озером Грез, Лунной чащей и всем остальным вмиг показался маленьким, далеким и как будто очень старым. У меня ком встал посреди горла при мысли об этом.

Я представила себе, как сейчас бы вернулась в свой домик, приняла теплый, расслабляющий душ, а потом залезла в прохладную постель и заснула, зная, что завтра не будет лекций… Это показалось таким идеальным, таким уютным и родным, что мне до боли захотелось вернуться, пока еще не поздно.

Но я сумела сдержать чувства. Я знала, на что иду, и я понимала, что будет нелегко. Я не могла оставить друзей. Кайл рисковал собой, чтобы украсть лекарство, Хэл избавился от «барьеров», и теперь только Кат знает, что с ним будет. Я не могла оставить их только потому, что очень привязана к колледжу.

Мы нашли светящуюся карту города на стенде, сверились с направлением и пошли дальше, смотря по сторонам и втягивая головы в плечи при приближении прохожих. Не хотелось привлекать к себе внимание, но мы невольно следили за каждой фигурой, выплывающей из мрака. Не узнают ли по форме одежды, что мы из УКОГ? А если начнут задавать вопросы? Позовут полицию? Но

вскоре выяснилось, что прохожим вообще нет до нас дела — они даже не смотрели на нас, всецело поглощенные своими делами и собственными персонами.

Что особенно напрягало меня в городе, так это незнакомцы. Я не знаю всех студентов в УКОГе по номерам или кличкам, но о многих наслышана или часто вижу их и запоминаю лица. Меня точно знают почти все — «детей колледжа» там совсем немного. Но Роуздилл! Здесь не принято здороваться или хотя бы улыбаться друг другу, и вряд ли ты сможешь просто подойти к прохожему и попросить о помощи. Люди не знакомы друг с другом, им это и не нужно.

А еще я не могла не задаваться вопросом: здесь ли живут мои родители? А вдруг я встречу их, и они узнают меня по татушкам? Это будет катастрофа. Я натягивала рукава джемпера почти до самых пальцев, скрывая свои руки. Да простит меня Кат, но я бы предпочла, чтобы мои родители были мертвы, мне так было бы спокойнее.

Стояла теплая, сухая ночь. В городском воздухе не чувствовались ароматы цветов, здесь и деревьев было мало, но, как ни странно, в этом таилось свое очарование. Город обещал развлечения и свободу, которых был лишен колледж, он манил взрослой жизнью, новыми знакомствами, возможностями и приключениями. Я мало-мальски прониклась этой атмосферой и даже почти поверила в то, что мы как будто герои из книги или телесериала, которые не могут умереть, но зато которых на каждом шагу ждут приключения и открытия.

Мы забрали с собой все деньги, которые у нас только были, и остановились, когда увидели припаркованные такси. Может, доехать до тетки Хэла на машине? Это займет всего минут двадцать, и

мы окажемся в безопасности, скрытые от глаз всех людей и эйтов. А еще нас ждали ужин, душ и постель.

Мне показалось это разумным решением, и я без всяких раздумий согласилась бы. Но мальчишкам уже ударили в голову мысли и мечты о настоящем путешествии через весь город, и они отмахнулись от идеи нанять такси. Я оказалась в меньшинстве.

Правда, Кайл привел весомый аргумент, что водитель может легко запомнить такую примечательную троицу как мы и при случае выдать нас. Тут даже мне пришлось признать, что ради этого стоило немного прогуляться.

Знали бы мы тогда, что последует за этим решением.

Хлопанье крыльев.

И не просто какое-то хлопанье, а громкое и резкое, словно надо мной по воздуху пронесся голубь размером с Йо-Йо. Я оглядывалась, смотрела наверх, к слепящим глаза фонарям, но ничего не видела. Галлюцинациями я никогда не страдала, а значит, источник шума должен быть обязательно, даже в таком сумасшедшем и ненормальном месте как ночной город.

Но никого не было видно, и я пыталась успокоить себя: что бы это ни было, оно уже давно улетело прочь. Вот только почему-то нервно чесались руки.

— Зайдем? — предложил Хэл, кивая на неоновую вывеску кафе рядом с нами.

Он находился в приподнятом настроении — я уже успела отвыкнуть от той версии Хэла, которой он был без «барьеров». Говорят, к хорошему быстро привыкаешь…

— Может, отойдем подальше от колледжа? — неуверенно возразил Кайл. Он обхватил себя руками и втянул голову в плечи, поглядывая на нас исподлобья. — Мы еще не так далеко ушли от него. Просто… на всякий случай.

Ого, Кайл отказывается от возможности перекусить? Я удивилась настолько, что забыла про странную птицу, которой не должно быть здесь. Что это с ним? Сначала едва смог вскарабкаться на дерево, теперь чего-то боится и даже пренебрегает едой. Мне уже пора волноваться за него?

— Тогда хотя бы купим газировки, — на ходу крикнул Хэл, уже вприпрыжку направляясь к гостеприимно подсвеченным дверям.

Еще миг, и он пропал, только яркий джемпер мелькнул за стеклом.

Мы с Кайлом остались ждать на улице. Он — высматривая кого-то с той стороны, с которой мы пришли, я — продолжая поглядывать на небо. Где-то далеко играла музыка, и мимо нас то и дело проезжали автомобили и мотоциклы, но мы уже почти привыкли к этому.

Кайл стоял рядом, взволнованно ухватившись пальцами за широкие лямки своего рюкзака. От напряжения он крепко стискивал зубы, и его рот странно изгибался. Широкие ноздри раздувались, как у напуганной лошади. Мне даже захотелось сказать что-нибудь ободряющее, чтобы успокоить его, но проблема была в том, что не было причин не волноваться. И я бы скорее поделилась с ним своими подозрениями о том, что кто-то непонятный и большой пролетел над нами.

— Мне кажется, мы чего-то не учли, — вдруг тихо поделился со мной мыслями здоровяк. — Мы что-то упустили из виду.

Я подумала, что он имеет в виду хлопот крыльев, который тоже услышал, но он говорил не об этом.

— Мы ушли так быстро, почти не успели ничего обдумать, — продолжал он. — Немудрено было что-то забыть.

Ну, если он беспокоится о включенном свете в своей комнате или о том, что забыл взять зубную щетку, то я могла рассказать о своих наблюдениях, не боясь окончательно вогнать его в панику.

— А ты не заметил?.. — заговорила я, но тут послышался скрип кроссовок, и мы увидела Хэла, возвращающегося из кафе с тремя жестяными баночками газировки и бумажным пакетиком.

— Проголодались? Здесь горячие бутерброды!

Он светился от счастья, точно герой, вышедший из схватки победителем и гордо несущий свои трофеи. Я не могла не злиться на него за беспечность.

Пока он передавал закуски Кайлу, я еще раз внимательно оглядела улицу, пытаясь успокоиться раз и навсегда. Дорога, автомобили, несколько пешеходов, магазины. Ничего необычного для обычного человека. Хотя я сама таким являлась, для меня сейчас было необычным и странным всё. Как ночью может быть так светло и шумно? Почему все эти люди куда-то идут в такое позднее время? Зачем столько автомобилей? Почему некоторые магазины открыты ночью — у них вообще не бывает перерывов? Мне было жутко осознавать, что город никогда не отдыхает, и активно живет круглые сутки, все дни в году. Это было неправильно и бессмысленно.

И пока мои мозги переключились на эти волнующие мысли, я потеряла бдительность. Очень не вовремя.

Снова послышались хлопки крыльев, а затем — резкий свист ветра. Никто не успел и глазом моргнуть, как перед нами с неба упал человек.

Я вскрикнула и отскочила назад, врезавшись в Кайла, тот выронил пакет с закуской. Хэл что-то громко воскликнул.

Человек выпрямился, поднял голову, и мы увидели, что это был не совсем человек. У меня дрожь прошла по всем внутренностям, когда я рассмотрела это существо.

Оно напоминало птицу, только было размером с Кайла, если не больше. Обтянутые чешуйчатой кожей птичьи ноги с длинными когтями переходили в мужское тело, на месте рук росли крылья. Самые настоящие крылья — длинные, мощные, с растопыренными перьями вместо пальцев.

Голова была обрита налысо, но на шее виднелся белый пух, да и вообще всё в его лице казалось птичьим — острый треугольный нос, широко расставленные глаза и запавшая нижняя челюсть, из-за чего верхняя губа выступала вперед и походила на клюв. Ушей не было видно, переносица была горбатая и криво сросшейся, а левый глаз щурился. На чудище была надета просторная майка черного цвета, которая немного топорщилась на килевидной груди, и короткие рваные шорты, на лоб сдвинуты очки-авиаторы. Перья его были белыми, но грязными, растрепанными и неухоженными, кожа казалась бледнее человеческой, на ней тут и там виднелись твердые бугорки, как будто его ощипали. Круглые золотые глаза уставились на нас.

У меня встал ком в горле, и странно защекотало в желудке. Я никогда еще не встречала эйталитов, и эта смесь привычного человеческого и уродливой аномалии вызвала у меня отвращение и ужас.

Эйталит. Это был чистокровный эйт, а не какой-то дефектный.

Пока мы пялились на него, парень-птица спокойно потянулся, насмешливо поглядывая на нас, а затем указал пером правого крыла на Хэла:

— Номер Т23?

Его голос был скрипучий, громкий и неприятный. Блестящие глаза щурились от усмешки, губы растянулись и слегка приоткрылись. Свет от ближайшей вывески падал на его крылья, окрашивая их в зеленые и синие цвета. Он выглядел мерзко.

— Чего тебе? — не слишком вежливо отозвался Хэл, продолжая держать в руках газировку, напрочь забыв про нее.

В груди эйталита что-то клекнуло, одним уголком рта он усмехнулся еще сильнее, задрав его выше и перекосив свое и без того помятое лицо. Мне показалось, что он успел быстро обвести глазами небо, прежде чем заговорил снова:

— Ты бежишь из колледжа, да? Тебя же не выгнали оттуда? Ты испугался, и теперь пытаешься смыться с этими двумя бесполезными, ага? Боишься совета?

Не знаю, что там было в голове у мальчишек, но я уже давно поняла, что эйты нас выследили. Они выбирали подходящий момент и вот, настигли нас, застав врасплох. Кто там хотел идти пешком через весь город? Пожалуйста! Назад теперь точно дороги нет.

Прежде чем кто-либо успел что-нибудь сделать, я начала действовать.

Выхватив у Хэла банку с напитком, я бросилась к эйту и на ходу швырнула в него жестянку. Он крылом отбил ее, но за это время я добежала до него и со всей силы пнула парня-птицу в живот. Эйталит удержался на ногах, но отступил назад. Прямо на дорогу.

Его толкнул автомобиль и тут же с ревом унесся вперед. Эйт грохнулся и только чудом не на меня. Упал он неуклюже, на грудь, раскинув длинные крылья в стороны. Он не вскрикнул и не сделал попытки подняться. Надеюсь, он не крякнулся. Только убийства эйталита и недоставало в моем послужном списке. Я отскочила от него и обернулась.

— Бежим!

Хэл и Кайл застыли как истуканы, смотря в мою сторону. Нет времени для восхищений! Нужно быстрее уматывать отсюда!

Хэл вдруг ринулся ко мне, его глаза расширились, и он крикнул. Что именно — я не разобрала. Все звуки заглушили громкие хлопки крыльев и свист ветра. В следующий миг что-то подхватило меня сзади за рюкзак и рывком подняло в воздух. Моя нога ударила подбежавшего Хэла, и он не успел поймать меня.

— ДЖЕЕЕМ! — заорал Кайл, напрочь позабыв про такое понятие, как настоящие имена.

Лямки рюкзака больно впились мне в подмышки, почти не позволяя шевелить руками. Майка, кофта и даже юбка — все задралось, и холодный воздух добрался до моего тела. Я завопила, чувствуя под собой пустоту, чувствуя, как я высоко болтаюсь в воздухе.

Мы поднимались сильными рывками, и каждый раз, немного опускаясь вниз, чтобы затем подняться вверх, у меня внутри все подпрыгивало. Я поджимала ноги и пыталась вспомнить, как нужно сгруппироваться, когда падаешь с большой высоты.

В животе екнуло, когда я глянула вниз и увидела крышу девятиэтажного дома. Улица стремительно уменьшалась, теряясь в городском лабиринте. Только по белому парню-птице еще можно было узнать ее. Он продолжал лежать возле проезжей части, раскинув крылья в стороны. Но кто тогда?..

— Спокойно! — хладнокровно приказал голос надо мной.

Я подняла голову, пытаясь разглядеть что-нибудь. Темно-синее небо с серебряными звездочками было как никогда близко ко мне.

Меня за рюкзак держали точно такие же лапы, какие были у белого эйта, одетые в синие шорты. Выше них я рассмотрела только торчащий нос. Серые крылья часто поднимались и опускались, мощными рывками загребая воздух и продолжая поднимать нас выше. Даже не верилось, что они оказались способны удержать нас в воздухе. Вообще все, что было связано с полетами, выгляде-

ло для меня слишком сложным и непонятным, неустойчивым и опасным.

В очередной раз поднявшись, крылья расправились в стороны и замерли. Мы зависли в воздухе на пару мгновений. Затем наклонились и полетели вниз.

Желудок словно начал лопаться, я заорала, изо всех сил держась руками за лямки рюкзака. Холодный воздух бил в лицо, разметая волосы и сбивая дыхание, скользил под юбку и майку. Показалась крыша дома. Я зажмурилась и закрылась руками крест-накрест, успев подумать о том, как бы не свалиться мимо крыши.

Пролетев еще пару метров, я упала, сначала приземлившись на колени, а затем проехавшись и всем телом. Все внутренности подпрыгнули, но до чего приятно было ощутить твердую опору! Я откатилась набок, заглотнула ртом воздух и зашлась в кашле. Кожу жгло и щипало так сильно, что у меня потекли слезы. Как будто меня провезли по терке. Рот наполнился кровавой слюной, я приподнялась на четвереньки и сплюнула. Тело ослабло и слегка дрожало, подташнивало.

За спиной послышался толчок и скрежет. Я обернулась.

Почти точно такой же эйт, как тот, которого я оставила внизу, приземлился на крышу. У него было серое оперение, темно-синий пиджак без рукавов и такого же цвета шорты классического кроя. Половину лица закрывали темные «авиаторы».

Пернатый урод двинулся на меня, а я поднялась на ноги и попятилась от него, шурша цементной крошкой и сухими листьями. Колени подгибались, но я не позволяла себе опуститься на крышу. Я сильная, я справлюсь. Наверное.

Спиной я врезалась в ограждение у края крыши и остановилась. Эйт почти дошел до меня.

В высоту он был даже немного выше Кайла, наверное, ровно два метра, с широкими плечами и грудью. На его голове вместо волос росли длинные серые перья, а короткая шея была совершенно гладкой. Длинные, мощные крылья немного прижаты к бокам, на лапах надеты кожаные перчатки с дырками для когтей. Я заметила, что крайний палец левой ноги был связан с соседним пальцем, и эйталит слегка прихрамывал на эту ногу.

Он почти вплотную подошел ко мне, смотря сверху вниз, и в его очках я увидела свое отражение в полный рост. Весьма жалкое отражение, надо признать.

— Отойди! — крикнула я дрожащим голосом. — Не трогай меня!

Он замер, но продолжал стоять рядом, напряженный и, видимо, готовый напасть. Застрять наедине с кровожадным эйтом на крыше — вот именно этого мне и недоставало все эти годы в колледже! Я не знала что делать. Я даже не знала, понимает ли он меня.

Когда эйт зашевелился, я истерично повторила, наваливаясь спиной на ограждение:

— Не трогай меня! Не трогай!

Человек-птица помолчал, а затем отступил на шаг назад, хрустнув мусором. Я так и чувствовала, как его взгляд приклеен ко мне через стекла очков.

— Спокойно, — произнес он негромким, грудным голосом. — Я не причиню тебе зла.

«Уже причинил, урод!»

— Больно? — продолжил он.

Я опустила взгляд, вспомнив о своем приземлении. Юбка прилипла к разбитым коленям, кеды ободрались, майка немного порвалась. Ладони, грудь и ноги продолжало жарко щипать, хоть от страха боль немного притупилась. А вдруг я себе что-нибудь

сломала? К горлу опять подступила тошнота, и я с трудом сглотнула.

«Да, совсем немножко больно! Не видно, что ли?»

— Прости, — эйт слегка склонил голову, и я увидела отражение звезд в его очках. — Я не подумал, что ты… так приземлишься. В следующий раз буду осторожнее.

«В следующий раз?!»

Человек-птица подошел к краю крыши и перевесился через ограждение, смотря вниз на улицу. У меня появилось почти непреодолимое желание столкнуть его вниз, дав пинок под зад, но я понимала, что он легко сможет взлететь в воздух, и тогда неизвестно, будет ли он «осторожнее» со мной.

— Где Т23? — неожиданно крикнул он, и я вздрогнула. — Анум!

Даже когда он повышал голос, тот все равно звучал ровно и гортанно. Вскоре до нас донесся разъяренный вопль белого эйта — истерически дрожащий, визгливый и полный ярости. Ну, хотя бы он был жив.

— Где эта мелкая дрянь?! Где она?! Я ее выпотрошу как…

Я не смотрела вниз, а уставилась на эйта рядом с собой. Потом я много раз вспоминала этот момент, потому что впервые тогда почувствовала к эйтам что-то помимо страха и отвращения. Потому что тогда во мне впервые проснулся интерес и любопытство к их природе.

Я разглядывала большие, гладкие перья серого эйта. Не могла отвести взгляд. Даже захотелось потрогать их, но я удержалась. Сбоку на одежде я заметила аккуратные застежки, чтобы он мог надеть и снять пиджак, не протаскивая его через крылья и голову. Слева на груди виднелся черный значок, но я не поняла, что на нем изображено.

Кто прислал этих эйтов за нами? Сам совет? Почему ночью? Откуда они знали, что мы будем в городе?

С улицы продолжала доноситься брань второго парня-птицы, но отдельных слов я разобрать не могла. Как завороженная рассматривала оперение эйталита, роговые чешуйки на ногах, голую шею. Какие они… сложные! Не дефектные, которые обычно выглядят убого, имея всего один-два элемента от полноценного эйта. Существо передо мной было целым. И меня это почти восхищало.

— Замолчи! — прикрикнул на своего напарника серый эйт, оглядывая улицу. — Где Т23?

— Здесь, урод.

Не знаю, откуда появился Хэл — словно тоже взлетел в воздух и очутился на крыше. Он подходил к нам, вытянул руки в стороны и повернув ладони вперед. Кожа на них светилась зеленым цветом, часто пульсируя в такт сердцебиения. От ладоней свет слегка расходился к пальцам и вверх по запястьям. Выглядел он и знакомо, и незнакомо одновременно. Лично мне стало не по себе.

— Т23, — удовлетворенно произнес серый эйт, рассматривая его, — это действительно ты.

— Отпусти ее!

— Ты пойдешь с нами, Т23, и тогда твоих друзей никто не тронет.

Руки Хэла разгорелись еще ярче. Свет запульсировал чаще. Кажется, даже эйта это насторожило.

— Не делай глупостей, — тихо произнес он.

Меня удивило его спокойствие — не каждый парень может таким похвастаться. В основном те, кого я знаю, в подобных ситуациях начинают ругаться, размахивать кулаками и взрывать что ни попадя.

— Перестань, — продолжил эйт. — Мы можем спокойно договориться, послушай меня…

— Ты не можешь выдвигать мне условия! — неожиданно вышел из себя Хэл, и его ладони сверкнули так ярко, что я отвела взгляд. — Я могу убить вас! Отпусти ее, и убирайтесь прочь!

Серый выступил вперед. Его исполинская фигура почти загородила мне ночное небо.

— Успокойся, — только и сказал он.

Две секунды тишины.

Громкий треск, и всю крышу осветила зеленая вспышка. Меня сбил с ног резкий и очень сильный порыв воздуха, я перекатилась на живот и сжалась в комок, закрыв голову руками. Боли я не почувствовала, хотя, возможно, это лишь от шока. Через пару минут окажется, что у меня внутри все разорвалось.

Когда я открыла глаза и подняла голову, то увидела, что эйт хладнокровно хлопает себя по крылу, сбивая зеленые язычки пламени, и смотрит на меня. У него очки треснули от взрыва, и обуглился воротник пиджака. Хэл стоял на том же самом месте, его руки дрожали и больше не светились. На крыше был черный, выжженный след в виде петли, который тянулся до меня.

— Ты в порядке? — срывающимся голосом спросил Хэл.

Я силилась что-нибудь сказать в ответ, но не могла даже открыть рот. Как на меня подействовала вспышка? Почему я не чувствую боли? Ударная волна задела меня, это точно. И почему эйт не сгорел заживо? Успел отскочить?

Странно, но Хэл не отключился после этого побочного проявления и даже смог подбежать ко мне. Не то после ношения «барьеров» у него накопилось много сил, чтобы противостоять магии, не то он уже успел проглотить таблетку.

— Где болит? — испуганно спросил он, не рискуя притронуться ко мне. — Как ты себя чувствуешь? Это я с тобой сделал?

Наверное, он имел в виду мои царапины и разбитые в хлам колени. Я пыталась ответить, что это не его вина, но мои челюсти поневоле были крепко сжаты вместе. Даже подбородок дрожал.

— Вставай, пойдем отсюда.

Хэл протянул мне руку, и я, вопреки своим привычкам, приняла ее, с трудом поднявшись на ноги. У него была горячая ладонь и холодные подушечки пальцев. Мои колени слегка дрожали, и вообще я чувствовала себя точно хрупкая, хрустальная вазочка. Я оперлась о друга, борясь с желанием полностью привалиться к нему и хоть немного расслабить болевшие мышцы.

Послышались резкие, шумные взмахи крыльев, и на крышу приземлился белый эйт. Больной глаз у него заплыл полностью и виднелся лишь розоватый белок, он хищно улыбался, оглядывая нас. По сравнению со своим собратом он выглядел точно дикарь из племени.

— Игиг, мы уже отходим? — гаркнул он, оборачиваясь к приятелю. — Давай заберем с собой второго мальчишку — у него настоящие зубы мано!

— Тогда девушка тоже пойдем с нами, — отозвался тот.

Белый повернул свою лысую башку и в упор посмотрел на меня. Его неприятное, птичье лицо походило на неумело сделанную маску из гипса — и было таким же белым. Хэл крепче сжал мою руку, с вызовом смотря на него.

— А она нам на что? — высокомерно поинтересовался белый. — Чем она тебя соблазнила?

— Девушка пойдем с нами. Это не обсуждается.

И без всяких предупреждений, серый эйт оторвался от крыши, ураганом подлетел ко мне и схватил за рюкзак. Я едва успела от-

пустить Хэла и услышала, как он крикнул, а затем завопила сама и уже больше ничего не слышала. Небо, высотка, улица — все полетело кувырком, и меня едва не стошнило.

Всего через пару секунд меня осторожно опустили на тротуар, — а не швырнули, как в предыдущий раз. Я потеряла равновесие, но на этот раз меня подхватил Кайл, оказавшийся рядом. Он был бледен почти так же, как белый эйт, но в целом выглядел, безусловно, симпатичнее. Рядом с нами упал Хэл, с которым обошлись не так учтиво. Обе птицы-эйты приземлились перед нами. Растрепанный и кровожадно улыбающийся белый и спокойный, серьезный серый. Мы сбились в кучу, с ненавистью и страхом смотря на них. От таких не убежишь и напугать их, как видно, тоже не получится.

— Вы пойдете с нами, — заговорил серый, закладывая крылья за спину, — совет эйталитов хочет видеть вас немедленно.

— И только попробуйте выкинуть какой фокус! — угрожающе добавил белый. — Мы должны привести Т23 живым, но неважно, в каком состоянии. Совет не будет против увидеть задержанного без рук или ноги, усекли? Твоих подружек это тоже касается, с ними вообще можно не церемониться.

Я должна была прийти в бешенство от его нахального тона, но мне стало страшно. Кайл как будто понял это и крепче сжал мою руку, хотя у него самого была потная и холодная ладонь.

— В ваших же интересах не сопротивляться, — подвел итог серый эйт. — Пойдемте.

Нам не дали сказать ни слова — «птицы» заняли места по обеим сторонам от меня и Хэла, так, что Кайл оказался зажат посередине, и взяли нас под руки. Мне достался белый эйт, и хватка его перьев была грубой, неприятной и болезненной. Они бодро повели нас по улице, и нам не оставалось ничего другого, как успевать

шевелить ногами. Раненая я и напуганный Кайл — что мы могли сделать против них? У Хэла же по лицу было видно, что он обдумывает один из сумасшедших и, наверняка, провальных планов бегства.

Прохожие сворачивали с дороги, завидев нас, но никто не закричал от ужаса, никто не вызвал полицию — один только эйт перевешивал силы десятерых простых людей. До чего было мерзко осознавать такую беспомощность! Нам никто даже не пытался помочь — каждый куда сильнее переживал за себя и боялся просто встретиться с эйтом взглядом.

Хотя, если бы я увидела в городе такую пугающую парочку, то тоже бы поспешила перейти на другую сторону дороги. И мне было бы плевать, куда и зачем они ведут своих пленников. Так что особых претензий к людям я не предъявляла. Просто было немного обидно.

Белый эйт вдруг цокнул языком и повернул голову, посмотрев на Хэла.

— Эй, слышь! У тебя всегда так громко обувь скрипит? Сдуреть можно!

Я услышала, как Хэл довольно хмыкнул и почти разозлилась. Только гляньте на него! Нас нашли и взяли в плен эйты, а этот придурок радуется, что они обратили внимание на его любимые кеды!

— Анум, — тихо отозвалась серая птица, — помолчи, я прошу тебя.

Этот Анум в ответ что-то неслышно проворчал себе под нос, скривив рот. Я скосила глаза, рассматривая его. Его перья, держащие меня за предплечье, сгибались точно пальцы, и были жесткими и твердыми, как засохшие листья. Он не носил перчатки на ногах, но я рассмотрела шнурок с узлом, наброшенный на тонкую

шею. Толстые когти клацали по мостовой в такт клацанью второй «птицы». Своеобразный ритм марша вызывал у меня дурноту. Скрип кроссовок Хэла был все-таки куда приятнее.

— Мистер Директор дал вам срок в один месяц, зачем вы притащились так рано? — заговорила я, надеясь, что эйты чуть утратят бдительность, и Хэлу удастся спасти нас.

— Совет решил, что не может ждать так долго, — ответил серый.

— Совет не может решать все на свете! — попыталась возразить я.

— Ошибаешься. Совет имеет контроль над обоими мирами.

С этим поспорить было сложно, хоть мне и отчаянно хотелось. И пока я думала, какую гадость про этот злосчастный совет я могла выкинуть, подал голос Кайл:

— Как вы нас нашли?

— Удача. Мы направлялись в колледж, когда увидели вас. Проследили за вами и убедились, что это и есть Т23. С неожиданной компанией.

Значит, хлопки крыльев мне точно не показались — птицы следовали за нами по воздуху. И если бы мы взяли такси, то сейчас уже давно были надежно спрятаны у тетки Хэла!

— Куда мы сейчас идем?

— Увидите. И хватит разговоров.

Мы дошли до административного здания центрального округа. Перед эйтами беспрепятственно распахнули ворота, и мы направились прямо к крыльцу. Они что, сначала собираются поговорить с мэром или еще кем? Я попыталась поймать взгляд Кайла, который должен был знать об этом больше нас, но здоровяк шел, опустив голову, и ни на кого не смотрел.

У крыльца стоял гвардеец, по-видимому, защищающий не что иное, как картину на стене, прямо возле лестницы. Эйты повели нас прямиком к нему, и у меня мелькнула последняя надежда, что солдат поймет, что нас взяли в заложники и попытается остановить птиц. У него же есть оружие, в конце концов!

Но эта надежда ушла без следа. Мужчина не обращал на нас никакого внимания, неподвижно стоя возле стены. И когда мы подошли близко к ней, я смогла увидеть, что там нарисовано.

Картина выглядела как окно в другой мир, в котором шумит море, и ты смотришь на него с пригорка, стоя рядом с деревом. В небо поднимаются голубые пушинки одуванчиков, а вместо солнца светят две луны. Милый рисунок, в самый раз для стены правительственного здания, чтобы еще рядом стоял охранник. Что тут происходит вообще?

Я посмотрела на Хэла, надеясь, что он, наконец, воспользуется шансом и попробует освободить нас, но этот кугалунг заворожено пялился на граффити, неожиданно обретя любовь к искусству.

— Попробуй дотронуться до рисунка, Т23, — предложил ему серый эйт.

Хэл глянул на него, а затем медленно, почти с опаской коснулся пальцами нарисованного неба. Я разозлилась еще больше. И это называется сопротивление? Он должен был обругать стражника, шарахнуть его молнией и увести нас прочь отсюда!

— Не получится, — фыркнул белый, но в эту же секунду картина шевельнулась.

По ней точно прошла рябь, и она засветилась изнутри голубым светом. Хэл удивленно посмотрел на свою руку, не понимая, как у него это получилось, а белый уже подталкивал нас вперед, прямо к стене.

— Отпусти, я сейчас в нее врежусь! — воскликнула я, пытаясь затормозить.

Эйт в ответ глупо захихикал, но его приятель молча глянул на него, и тот умолк.

— Никто не врежется. Пойдемте за мной.

Серый в последний раз глянул на гвардейца, который остался безучастен к происходящему, шагнул вперед и исчез за стеной, которая словно проглотила, впитала его в себя. Кайл испуганно дернулся, но не успел опомниться, как белый эйт бесцеремонно толкнул его спину. Наш друг влетел в картину и исчез в ней, словно провалившись в воду.

— Теперь ваша очередь! — рявкнула птица на нас с Хэлом.

Друг взял меня за руку и крепко сжал ее. Его брови изогнулись, выражая сожаление, что так получилось, но губы изгибались в улыбке, которую он не мог скрыть, и я без труда разглядела любопытство в ярко-зеленых глазах.

— Не бойся, — шепнул он и шагнул вперед, увлекая меня за собой.

Прежде чем провалиться в другой мир я успела вспомнить, что глаза Хэла всю жизнь были бледно-серого цвета.

Номера

Номер T23. Хэл

Я изо всех сил надеялся, что мы окажемся на Земле Голубых Одуванчиков. Ведь именно это место было нарисовано на стене! То самое дерево, две луны и сами одуванчики с голубыми пушинками. Я бы узнал это место из миллиона других!

Я так надеялся, что мы попадем туда — пускай с Джем, с Кайлом и даже с этими двумя вонючими эйтами. Мне бы только увидеть немую красавицу, а все остальное не важно.

Но не тут-то было. Мы оказались в темном, холодном мире, где выл ветер, а в лицо летели мелкие капли дождя. Возле нас высилась каменная ограда, и больше ничего видно не было. Затем один из эйтов коснулся чего-то на стене, и ее вдруг озарили сотни маленьких, голубых огоньков. Как будто светлячки, спрятанные в щелях стены или язычки свечей, выступающих прямо из камня. Не знаю, что это было и почему светилось, но выглядело неплохо.

И тут я разглядел, что вся стена была изрисована граффити, как то, возле мэрии. И на них всех было одно и то же — Земля Голубых Одуванчиков!

Земля Голубых Одуванчиков, которая принадлежала только мне и немой девушке! Новость, что мой сокровенный уголок оказался известен всему миру эйтов, едва не убила меня на месте.

— Пойдемте, — пророкотал серый урод.

Он был почти неразличим при тусклом свете, растворяясь в тенях. Такой подкрадется, а ты и не заметишь. Рядом с ним стоял второй эйт, чьи белые перья наоборот ярко подсвечивали голубые огоньки. И я бы даже больше доверился ему, чем его другу.

Но прежде чем мы отправились в путешествие, Джем решила спросить:

— Почему стражник не остановил вас? Вы заколдовали его или что-то вроде этого?

Белый эйт хмыкнул в ответ. Кажется, он никогда не простит Джем то, как она его встретила, а своему приятелю — что он взял ее с собой. Поэтому голос подала серая «птица»:

— Эйталиты могут беспрепятственно пользоваться вратами в мире людей. Интересно, что на самих людей с побочной силой это правило не распространяется.

Еще бы — эти уроды не только свой мир подстроили под себя, но и наш старались перекроить таким образом, чтобы было удобно только им. Почему? Потому что некоторые из них имеют крылья или дополнительную пару глаз и умеют управлять магией? Это не очень-то справедливо.

Далеко идти нам не пришлось — птицы просто подошли к другому изображению Земли Голубых Одуванчиков, подсвеченному огоньками. На мой взгляд, оно ничем не отличалось от того, которое мы видели в городе, и всех остальных здесь, на стене. Но могущественным эйталитам, разумеется, виднее.

Но прежде чем серый эйт дотронулся до нее, вторая «птица» остановила его:

— А пусть они попробуют, — с гадкой усмешкой предложил он, поглядывая на нас. — Кюрук знает, что может быть в этих двоих.

Серый опустил крыло и повернулся к нам. Он вообще хоть что-нибудь видел в своих крутых, треснутых очках? Мог бы сказать мне спасибо, что вообще жив остался!

— Неплохая мысль, — задумчиво согласился он и выпрямился, разведя плечи и вздернув голову. — И еще один момент. Давайте уже представимся друг другу, в конце концов. Меня очень нервирует называть вас двоих про себя «Розочка» и «Лягушонок».

Это было такое неожиданное, но такое меткое сравнение, что я не удержался и захохотал. Я это запомню!

Серый эйт, кажется, тоже. Он и моргнуть не успел, как Джем оказалась возле него и наступила прямо на его связанные вместе пальцы. Жестоко, как раз в ее стиле. Эйт почти пополам согнулся от боли.

— Меня зовут К44, — заявила она, продолжая удерживать его. — И для тебя никак иначе.

— Я понял, виноват, — просипел эйт, и только тогда Джем отошла от него.

Я с трудом сдержал смех, наблюдая, как парень-птица выпрямляется и тяжело дышит. Пусть знает, каково связываться с Уколом! Он дал подзатыльник своему хохочущему собрату и повернулся к Кайлу. Раненую ногу он поджал, на всякий случай.

— А вы, молодой человек...

— Л5.

Кайл по-прежнему выглядел напуганным и сбитым с толку. Это что, я один чувствовал себя превосходно, несмотря на то, что творилось вокруг?

— Чудненько, — сморщился белый эйт. — Т23, К44 и Л5. Кат Всевышний, что происходит с этим людским племенем?

Серый вздохнул. Кажется, он постепенно начинал выходить из себя, а ведь это он еще и часа с нами не провел.

— Мое имя Игиг, а это мой брат Калану, — представился он.

Ни у кого из нас не повернулся язык ответить «очень приятно». Только Джем смело заметила:

— Но ты называл его Анумом.

Калану поцокал языком, но промолчал — за него ответил Игиг:

— Тебя тоже называли не К44, но я буду обращаться к тебе так, как ты сказала.

Джем чуть вздрогнула и покосилась на Кайла, до которого еще не дошло, о чем они говорят. Наш большерот на весь Роуздилл проорал настоящее имя Джем! Представить страшно, что эйтали-ты могли сделать с этой информацией. Ну да ладно, пожалуй, хуже уже не будет.

Калану громко крякнул.

— Хватит языками чесать! Эдак мы никогда до резиденции не доберемся. Эй ты, Пятый, ну-ка попробуй дотронуться до рисунка.

И сейчас Кайл не сразу понял, что говорят про него, а когда понял, то с опаской приблизился к стене и, коснувшись рисунка пальцами, тут же отдернул руку назад. Он словно сам поверил в то, что был могущественным эйтом, от касания которого рушатся стены. Конечно, ничего не произошло, я даже почти начал злиться, что мы зря теряем время. Мне не терпелось увидеть этот мир, куда бы нас ни привели братья, а мы торчали где-то на окраине, промокая все больше и замерзая.

— Теперь Дж... то есть, номер К44. — Калану невинно улыб-нулся, наблюдая, как Джем буквально вспыхнула от злости.

Она сердито ударила по картине кулаком, не сводя свой фир-менный, уничтожающий взгляд с белого нахала. Ничего не про-изошло, хотя будь у нее хоть капля дефектный крови, я уверен, тут бы вся стена уже рухнула.

— Так и думал, — высокомерно подвел итог Калану. — Двое бесполезных. Двадцать Третий, на кой кюрук они тебе?

— Закрой клюв! — прикрикнул на него Игиг. — И будь так лю-безен, запусти врата самостоятельно, раз ты самый полезный здесь.

Мне понравилось, как точно он заткнул его — наверное, уже хорошо поднаторел в этом. Калану со злобой глянул на брата,

слегка дотронулся пером до рисунка, и тот сразу же полыхнул алым светом.

Ух ты, быстрее и ярче, чем это получилось у меня. Интересно, это зависит от чистоты крови или мощности магии? Надеюсь, все же от первого, не так обидно тогда.

Как и в прошлый раз, нам пришлось шагнуть прямо в стену, подавив желание увернуться. Кайл и Джем зажмурились, я же смотрел широко открытыми глазами, не оставляя надежду увидеть немую девушку хоть краем глаза.

Ничего. Прошло лишь одно мгновение, не больше, и мы перенеслись в другое место, словно прошли стену насквозь и просто оказались по ту сторону. Как это было с забором, отделяющим УКОГ и Роуздилл. Один мир. Два разных места.

Перед нами высился не то настоящий замок, не то просто огромный дом. Сложно было сказать, в такой-то темноте. Здание казалось мрачным, мертвым, как будто гигантское надгробие. Дом венчали тонкие, острые башни, утыкающиеся в брюхо неба. Ни одно окно не светилось в нем, и на улице не было фонарей.

Мы стояли на подъездной дорожке. Подошвами кед я чувствовал круглые камушки, холодный воздух был полон ароматов трав, влажной глины и древесины. Возле замка росло несколько деревьев и кустарников, и в темноте они казались притаившимися чудовищами-эйтами.

Чтобы не споткнуться, мы поднимались по широким каменным ступеням медленно, держась за высокие перила. Такое ощущение, будто здесь все было выстроено для великанов — и уж если птицы в мире эйтов такого размера, как наши сопровождающие, то страшно подумать об остальных существах.

С каждым шагом мне становилось все тревожнее, как будто мозг наконец-то понял, что прекрасной девушки из другого изме-

рения мне сегодня не видать, зато совет эйтов ждет не дождется моего появления. Я несколько раз обернулся, думая, куда здесь можно сбежать, но каждый раз понимал, что надеяться нам не на что. Мы в царстве эйтов — мы уже в ловушке, из которой невозможно выбраться.

Возле двери не было стражи — тюрьма это или резиденция совета, а защищено не очень. Или эйты настолько уверены в своих силах, что им больше ничего не нужно? Я разглядел, что в массивной двери не было даже замочной скважины. Только рядом на стене висел странный плоский камень, похожий на дощечку из мрамора.

— Совет не надеялся, что мы управимся так быстро, — начал пояснять Игиг, подходя к двери и прикладывая к странному камню одно крыло, — поэтому нас никто сейчас не ждет. Мы отправим сообщение, ну а пока... пока вам придется побыть здесь.

Что-то слабо сверкнуло фиолетовым светом из-под маховых перьев эйта, и Игиг мелко вздрогнул. После этого он обоими крыльями взялся за дверные ручки и со всей силы толкнул их внутрь. Пока он открывал тяжелые двери, я решил спросить:

— Что за место нарисовано на стене? Ну, через которое мы проходили.

— Ты про врата, что ль? — Калану в упор посмотрел на меня. — Это Переходный Сад. Не врубаешь? Как бы тебе... Смотри, когда мы переходим из одного места в другое с помощью врат, мы не просто перешагиваем через расстояние. Мы проходим через такой коридор, даже порог. Как из одной комнаты в другую. Это называется Переходным Садом.

Никогда не слышал о таком ранее. Кайл и Джем тоже с интересом прислушались.

— И он выглядит как это место? — я задыхался от волнения. — С морем, одуванчиками и...

— Глянь, какой наивный! — развеселился Калану. — Выглядит-то оно так, как говорят, но никто дольше одной секунды там не проводит. Так что сложно утверждать.

— И там живет девушка?

Теперь даже Игиг повернулся ко мне, в друзья так и вовсе пялились как на сумасшедшего. Но если это возможность узнать о прекрасной немой девушке, то я ни за что ее не упущу! Пусть думают и говорят что хотят.

— Девушка? — Калану снова заржал. — Девушка! А что еще ты бы хотел, парень? Гамак и свежевыжатый сок? Ну и воображение у тебя.

— Почему ты решил, что там есть девушка? — перебила его Джем, но я уже никого не слышал.

Они не знают о ней. Впрочем… оно и к лучшему. Она принадлежит только мне, возможно, она только моя выдумка, а рассказывать об отключках… Все, хватит на сегодня.

— Пойдемте уже, — поторопил нас Игиг. — Хватит торчать на улице и разговаривать о девушках.

— Ага, чувствуешь себя неудачником? — мигом кольнул его брат и снова захохотал, первым заходя в замок.

Игиг закрыл за нами дверь, а впереди нас, в темном коридоре кто-то утробно зарычал.

— Спокойно, не дергайтесь.

Я знаю этого парня меньше часа, а уже понял, что в этот раз Калану говорил серьезно. Над нами загорелся светильник — голубой, парящий шар, — и его рассеянный свет лишь слегка охватил нас самих, но не смог дотянуться до монстра в глубине холла.

Но он там был — сопел, негромко рычал и смотрел на нас. Я почувствовал резкий запах, но не смог сразу вспомнить, кому он должен принадлежать.

Игиг вышел вперед, встав рядом с братом.

— Энрир, спокойно, — скомандовал он, и рычание смолкло.

Неуклюжее клацанье когтей по каменному полу, шорканье туши о стену и глубокое дыхание, словно из паровой машины… что-то мне это до боли напоминало…

Слабый, чуть подрагивающий свет выхватил гигантский силуэт животного, высотой никак не менее пяти метров. Он стоял перед нами, загораживая проход. Загорелся еще один светильник, и из мрака появилась огромная волчья морда. Янтарные глаза вспыхнули в темноте, черные губы поднялись выше, обнажая зубы — каждый с мою ладонь. Он опускал кончики ушей и слегка пригибал голову, рассматривая нас и не оставляя попытки напасть. Ему бы только малейший намек, и он исполнит свою роль стража как следует.

Но, несмотря на его свирепый вид, я почувствовал, как меня отпустила тревога. Это всего лишь подросший и посеревший Йо-Йо, чего мне его бояться? Я даже улыбнулся, словно встречая старого друга. Так и тянуло почесать его за ушком.

— Энрир, это наши гости, — объяснил ему Игиг. — Все в порядке.

Волк недовольно фыркнул, и на нас полетели холодные капли. Как нашему талисману хотелось поиграть со студентами, так и Энрира тянуло раздавить и перегрызть кого-нибудь пополам.

Только сейчас я обратил внимание, что от его шеи по полу тянулась призрачная, почти невидимая цепь. Словно сотканная из дыма, но, я уверен, несмотря на эту иллюзию, она была крепче

стали, удерживая чудовище. Интересно, понадобится ли когда-нибудь подобная для Йо-Йо?

Энрир наконец прекратил буравить нас взглядом, опустил шерсть на загривке и даже слегка вильнул хвостом. Он наклонил голову к Калану и дружелюбно толкнул его носом. Для меня стало неожиданностью, что язвительный эйт вдруг ласково залепетал с гигантом и начал чесать ему переносицу. Энрир шумно плюхнулся на пол, позабыв про нас, и заурчал от удовольствия. Игиг махнул нам крылом, чтобы мы следовали за ним.

Пройдя мимо волка, мы направились вдоль по широкому коридору, напоминавший грот пещеры, который слабо освещали редкие голубые шары. Клацанье когтей Игига и наше дружное топанье по каменному полу эхом разносилось по всему этажу, и я отчаянно прислушивался, пытаясь угадать любой посторонний шум. Мне не верилось, что мы были здесь одни, а если и так, то это все могло быть ловушкой. Нас запрут в камере, под охраной Энрира. Наденут на меня «барьеры». Ввиду последних событий с эйтами, в это верилось больше всего.

— Когда придет совет? — спросил я у нашего неразговорчивого проводника.

Он чуть поколебался, как будто выбирая, какой из двух ответов нас устроит больше.

— Утром. Калану отправит им сообщения, и в их же интересах будет появиться здесь как можно скорее.

— Сообщения? — переспросил Кайл, наш эксперт по новым технологиям. — Как по пейджеру?

— Что-то вроде такого.

Игиг снова закрыл рот, и мы начали подниматься по винтовой лестнице (конечно же, каменной), в темноте крепко держась за перила и опасаясь оступиться. Мне все больше казалось, что нас

ведут в темницу в башне и на всякий случай готовился атаковать подлую птицу и вырвать нас отсюда. Как бы мы покинули резиденцию и что делали дальше, я решил не думать. Просто хотелось исчезнуть из этого места.

— Никто не ожидал, что вместо одного мы приведем троих, — предупредил нас Игиг, когда мы поднялись на второй этаж и подошли к первой закрытой двери, — поэтому комната для вас всего одна. Не обессудьте. — И прежде чем Джем завопила от такой грубости, он быстро спросил: — Кто голоден?

Если честно, то мы взглянули на него со слабой надеждой, ибо теми бутербродами мы перекусить так и не успели, а за ужином в колледже едва притронулись к еде, волнуясь о предстоящем побеге.

— Через полчаса жду вас в столовой, — принял наш молчаливый ответ Игиг. — Мюкли вас проводят.

Мы должны были спросить: «Кто такие мюкли?», но, честно, уже устали от подобных вопросов сегодня и поэтому просто кивнули с полным знанием дела. Мюкли, так мюкли, нам не привыкать.

— Хорошо же они обращаются с гостями, — ворчала Джем, сидя прямо на каменном полу нашей комнаты.

Не мог не согласиться. Какие бы представления об уюте эйты ни имели, но нас они заселили в маленькую, холодную комнату. Здесь лежал один матрац с тремя подушками, не было окон, стоял низкий шкафчик на кривых ножках, а почти под самым потолком была прибита узкая полка. На ней виднелась чаша с палочками благовоний. Еще в одном углу стоял большой пустой сосуд из розового стекла. Спасибо хоть, по соседству находился санузел с холодной водой и без полотенец. Правда, когда я попытался умыться там, то едва не ослеп — из крана бежала морская вода.

Но может, я действительно не в том положении сейчас, чтобы жаловаться на такие вещи? Правда, даже последний день своей жизни мне бы хотелось провести в комфорте. Я не преступник, чтобы со мной так обращались. Та стычка с Близнецом — не моя вина, а побочной силы. Меня не вправе наказывать за нее.

— О каких мюклях он сказал? — буркнул Кайл из угла комнаты.

Ему не давала покоя эта мысль, и я бы мог даже предположить, что здоровяк раздумывает, годятся ли они в пищу, а если да, то в каком виде? Сейчас он сидел на своем рюкзаке, устало сгорбившись и пялясь в пол. Я один занимал матрац, который, по сути, для меня и предназначался.

— Очередные эйтовские штучки, пора бы уже привыкнуть, — снисходительно отозвался я, наблюдая за голубым светящимся шаром, который слегка покачивался у потолка.

Его холодный, неяркий свет падал на однотонные серые стены, и эта комната все больше напоминала мне палату госпожи Докторши. Ой, интересно, в колледже кто-нибудь уже заметил наше отсутствие?

— Почему они взяли нас с тобой? — негромко спросила Джем, слегка потирая руки под длинными рукавами кофты. — Они же не собирались… Явно не из добрых побуждений.

Мне наскучило, что друзья задают в пустоту такие вопросы, на которые я не мог ответить. Что они так настороженно, но при этом так апатично настроены против эйтов. Не знаю, с чего у меня вдруг поднялся такой прилив любви к этим уродам, но мне стала неприятна позиция моих близких. По сути, я сам был немного эйтом, даже если совсем-совсем немного.

Впрочем, как и Кайл. Я вспомнил кое-что и обернулся к нему.

— Как-как они тебя назвали? Зубы мора?

— Мано, — поправила меня Джем.

Кайл смущенно кивнул и начал теребить лямку своего рюкзака.

— Пока вы тусовались на крыше, Калану чуть не познакомился с моими зубами поближе. Он даже немного зауважал меня. Не знаю, о каких мано он говорил, но я бы хотел… хотел узнать об этом.

Я только собирался порадоваться, что не один я такой заинтересовался эйтами и их миром, как по ту сторону двери донеслись царапанье и шорох. Как будто шебуршались ежи — как те, которые жили во всех обычных рощах УКОГа. Джем вскочила на ноги, я приподнялся с матраца. Кайл первый дошел до двери и, без раздумий, распахнул ее. В тот же миг чья-то тень шмыгнула в сторону.

— Эй, кто там? — позвал я, тоже подойдя к порогу. Я ощутил, как ладони стали теплыми, и меня с головой накрыла уверенность. Я мог постоять за себя и друзей, даже если нас встретит целая армия ежей!

— Мы тебя не боимся! — грозно добавил Кайл, как будто угадав мои мысли.

Тут к нам подошла Джем и бесцеремонно оттолкнула в стороны.

— Неуклюжие кугалунги! Вы их напугали!

Логично было спросить: «Напугали кого?», но Джем предусмотрительно захлопнула нам рты, а затем присела и осторожно протянула руку вперед.

— Иди сюда, не бойся, — заговорила она самым ласковым голосом, который я когда-либо от нее слышал.

Из темноты коридора выползло двое маленьких, странных и совершенно безобразных существ. Какой-то гибрид поросенка, крысы и шавки. Уродцы доходили высотой мне до колена, были

лысые, с черной, сморщенной кожей и длинными загнутыми когтями. Ходили они на двух ногах, а еще две передние маленькие лапки прижимали к животу или терли друг о друга. Они шевели вытянутыми мордочками, похожими на хоботки, и длинными ушами. Тонкие хвостики с кисточками помахивали по полу.

— Привет, — пропела Джем, без опаски протягивая им руку. — Как вас зовут? Меня можете называть Укол или К44.

Существа не ответили, моргая влажными, полностью черными глазами и шевеля пятачками на концах хоботков. Их столпилось штук пять и все молча смотрели на нас, ожидая чего-то.

— Видимо, это и есть мюкли, — предположил Кайл, с любопытством разглядывая зверьков.

— И, по-видимому, они приведут нас на кухню, — закончила за ним Джем, выпрямляясь. — Не будем терять времени.

Как нам и обещали, мюкли, повели нас, переваливаясь с одной широкой лапки на другую. Мы спустились по лестнице на этаж ниже, опять с опаской держась за перила и нащупывая ступеньки. Правда, над нами летел все тот же голубой шар, слабо освещая дорогу. Только Кату было известно, чьей магической силой он управлялся и откуда знал, где находились мы.

Долгим наше путешествие не было — уже через пять минут мюкли привели нас в огромный каменный зал. Здесь по углам стояли массивные чаши с огнем, которые совсем не добавляли этому места уюта — только неясную тревогу. Как и арочные окна напротив двери, без штор, но с металлической фигурной решеткой поверх стекла.

Посреди зала, как это и ожидалось, стоял огромный деревянный стол, но стулья были лишь у одной его половины — я насчитал их пять. На двух из них развалились Игиг и Калану, остальные, по-видимому, предназначались для нас. Было ли так только

сегодня ради нас, или обычно стульев было больше, я не знал. Да и какое дело? Я умирал от голода, да и у Кайла подозрительно булькало в утробе. На столе стояли кое-какие блюда на медных подносах, пустые бокалы из темно-синего стекла с ребристой поверхностью и большой кувшин с фиолетовой жидкостью. Я разглядел на подносах непонятные фрукты и ягоды, а еще куски чьего-то мяса аппетитно благоухали, дразня и без того пустой желудок. Мы поспешили занять места, схватить вилки и ножи, но затем скромность взяла верх, и мы как один обернулись к хозяевам замка.

Братья, судя по всему, уже наелись. Они сидели, лениво откинувшись на спинки сидений, и с чувством выполненного долга рассматривали нас. Игиг держал в крыле бокал с непонятным напитком, Калану флегматично жевал что-то странное, похожее либо на вареную рыбу, либо на белый корень.

— Чувствуйте себя как дома, — ободрил нас Игиг и отпил из своего бокала. — Надеюсь, наша еда придется вам по вкусу.

Я заметил, что они успели переодеться: на них были просторные кофты без рукавов и с высоким горлом. Очки оба сняли, и мы смогли вдоволь налюбоваться на карие глаза Игига, не закрытые стеклами. Также его левое предплечье стягивала зеленая повязка, и это заинтересовало меня куда больше. Неужели я все-таки ранил его? Ничего не помню — когда из моих рук вырвалась вспышка, я с запозданием подумал про Джем, а все остальное моментально вылетело из головы. Но если я и подпалил его, то это было ему только на пользу — в следующий раз трижды подумает, прежде чем вставать у меня на пути.

— Это мясо такикану, деликатес. Почему не хочешь попробовать? — неожиданно с обидой спросил Калану.

Нетрудно догадаться, к кому он обращался — мы с Кайлом без разбору проглатывали все, что стояло перед нами на тарелках. Еда казалась более пресной, чем та, к которой мы привыкли, но сейчас, с голодными желудками, нам было все равно. Джем в это время маленькими кусочками нарезала непонятных фруктов и неторопливо, точно настоящая леди, отправляла их один за другим в рот. Тарелку с вареным мясом она отодвинула подальше от себя.

— Я не ем мясо, — спокойно отозвалась она, даже не посмотрев в сторону эйтов.

Как порой случалось, это заключение породило насмешки. Калану смачно вгрызся в свой кусок мяса и пробурчал:

— Неудивительно, что человеческая раса в скором времени совсем вымрет.

— Каждый волен есть то, что он хочет, — проворчал Кайл, проглатывая уже третий кусок мяса.

— Не спорю. Каждый сам выбирает себе смерть, — не отстал Калану.

— Ошибаешься, — неожиданно вмешалась Джем, — я могу сделать это за тебя. Не против?

Стакан со звоном опустился на стол, и все тут же замолчали. Игиг сердито обвел нас взглядом и тихо произнес:

— Пожалуйста, заткнитесь все.

Он выглядел очень усталым и, наверное, предпочел бы уже уснуть, чем сидеть с нами и терпеливо ждать, когда мы закончим ужинать. Интересно, это тоже входило в его обязанности? Или ему приказали только схватить меня и доставить в резиденцию? Как это вообще выглядело? Совет решил как можно скорее разобраться со мной, а потому приказал паре головорезов схватить меня, вытащив прямо из комнаты общежития УКОГа? Они совсем там, что ли?

Несмотря на то, что о совете эйталитов знали все, никто не мог сказать, кто именно входил в этот состав. Как они выглядели? Как их звали? С одной стороны я слышал, что члены совета часто менялись, и потому не было нужды их запоминать. А с другой — будто бы это очень мнительные твари, которые не любят показываться на глаза.

Что ж, скоро мы, так или иначе, познакомимся с ними. Если выйдем отсюда живыми, то станем настоящими легендами.

Я неожиданно понял, что уже наелся и отложил вилку с нанизанным на нее куском мяса. Огромный зал показался еще более чужим и зловещим, и я вдруг подумал о том, что хотел бы утром проснуться в своей тесной комнате колледжа, по соседству со Скелетом и Шнурком.

— Когда здесь появится совет? — спросил я.

Игиг встрепал себе перья на голове и подавил зевок. В дрожащем свете огня у него под глазами темнели большие круги, а на лбу уже залегли морщины. Сколько ему лет? Эйты ведь живут намного дольше людей, да? Может, ему уже около сотни, если не больше? Мне стало еще более неуютно рядом с ним. Кто он такой?

— До обеда, это точно, — ответил Игиг. — Но не раньше девяти утра. Калану зайдет за вами, когда они придут.

— А что потом?..

Мой голос стих к концу вопроса, и в столовой на несколько долгих секунд повисла тяжелая, пугающая тишина. Было страшно услышать ответ, было невозможно ничего не слышать в ожидании его.

— Во-первых, совет узнает, что мы привели не одного тебя, — с ухмылкой заметил Калану. — Но не ручаюсь, что им это понравится. А во-вторых…

— Неизвестно, — оборвал его Игиг и поспешно поднялся из-за стола. — Никто не знает наверняка. Может, тебя уничтожат на месте. Может, предложат вступить в наши ряды. Может, отпустят домой. Никто не может знать.

Он напоследок глянул на брата, молчаливо приказывая ему держать язык за зубами, и направился к дверям, на ходу отдавая последние указания:

— Мюкли проводят вас в вашу комнату. Еще раз приношу извинения, что вам приходиться ютиться в ней всем троим. Завтрак будет подан в девять часов. И даже не пытайтесь сбежать, вас засекут, едва вы высунете нос из комнаты. Спокойной ночи.

Кажется, он очень любил командовать.

Неожиданно Игиг остановился, обернулся к нам и задумчиво уставился, собираясь сказать или сделать что-то еще. Я на всякий случай подобрался, готовясь к чему бы то ни было. Но он всего лишь произнес низким, тихим голосом:

— Номер К44, подойти ко мне на пару слов. Это касаемо твоего меню на завтрак.

Не слушая смешки Калану, Джем без опаски подошла к серой птице, которая выглядела особо неуклюжей и большой рядом с ней. Он нагнулся к ее уху и начал что-то шептать. Я невольно сжал руку в кулак, готовый броситься на эйта в случае чего. У Игига были все причины затаить на Джем злобу за ее грубости, и кто знает, насколько эйталиты были злопамятны. Что он ей там шипит? Джем кивнула в ответ и, не оборачиваясь, вернулась к нам, все так же равнодушно и спокойно смотря перед собой. Игиг, прихрамывая, потащился прочь из столовой.

Мы еще немного посидели вместе с Калану, который посмеялся над своим братом и вегетарианством Джем, а затем вернулись в спальню, следуя за маленькими, похрюкивающими мюклами. И,

конечно, оказавшись в комнате, мы с Кайлом сразу повернулись к подруге.

— Ну, что тебе наговорил этот серый урод?

— Правда, что ли, про завтрак?

Джем отвела глаза и, казалось, целую вечность разглядывала летающий шар, висевший неподалеку. Ни слова не ответив, она подошла к своему рюкзаку и начала что-то искать в нем. Мы продолжали на нее пялиться, почти обидевшись на то, что она решила нас проигнорировать. Из-за чего хоть?

— Да, конечно про завтрак, а вы, кугалунги, о чем подумали? — проворчала она, поспешно царапая что-то в блокноте. — Игиг хоть немного имеет мозгов, в отличие от своего братца.

Кайл скучающе прикрыл глаза.

— Ну, я думал, что это был лишь предлог, чтобы…

Я толкнул его в бок, чтобы он замолк. Встав спиной к голубому шару, Джем показывала нам открытый блокнот.

«Он сказал, что эйты не должны увидеть мои тату. Голубые шары — тоже эйты».

Номер Т23. Хэл

Я открыл глаза и тут же понял, где нахожусь. Холодный пол под спиной и летающий шар над головой мгновенно напомнили, что мы в камере эйтов. Назвать это место комнатой не поворачивался язык. Я приподнялся, ощущая ломоту во всем теле. Мы с Кайлом, как истинные джентльмены, уступили матрац Джем, а она даже «спасибо» не сказала. А мы ютились на самом полу, кое-как устроив постель из наших кофт. Но истинная магия этого места была в том, что я уснул как убитый и ни разу не проснулся за всю ночь. Не мог ручаться за друзей, но мне показалось, что их постигла та же участь. Может, нам в еду что-то добавили или голубой шар наслал чары? Если бы ночью сюда в полном составе явился совет, он бы мог взять нас совсем тепленькими, беззащитными как младенцев. Но, видимо, даже эйтам не чуждо подольше поваляться в кровати.

Почесываясь и щурясь, я оглядел комнату. Спящий Кайл рядом, летающий шар, голые стены, пустой матрац и… Джем?

Она стояла на четвереньках, отпятив пятую точку, а лбом почти упираясь в пол. Это было похоже на очень уважительный поклон тумбочке, перед которой она стояла.

— Привет, — прозевал я.— Тебя чего так перекосило?

Джем повернула ко мне голову, но волосы упали ей на лицо, и, в общем, не думаю, что она меня увидела.

— Ингела — слышал про такое? — проворчала она.

Ах, вот что это было. Виноват, раньше не доводилось наблюдать за тем, как Джем занимается своей обожаемой ингелой. Пока девчонки ранними утрами корчились на ковриках, я предпочитал поспать.

Кайл тоже поднялся с пола, с хрустом расправляя спину, зевая и охая, и почти выворачивая свою пасть наизнанку. Его волосы, и так обычно топорщившиеся, сейчас встали дыбом, точно его током шарахнуло. На щеке отпечатался след от руки, которую он подкладывал себе под голову. Он поздоровался с нами, осторожно протиснулся мимо Джем и скрылся в ванной комнате. Я постучал пальцами по полу, не зная, на что перевести взгляд, чтобы не пялиться на Джем. Я боялся, что если она заметит, что я смотрю на нее дольше трех секунд, то влепит пощечину.

— Эти двое… как их там зовут… не приходили?

— Никого не было, — из-за волос буркнула Джем и вдруг задрала левую ногу, закинув ее себе почти за голову. — Но это не значит, что они не ворвутся сюда в следующую минуту и не отведут нас к совету.

И поэтому свои последние минуты жизни она решила провести, корячась в странных позах. Я вдруг только сейчас обратил внимание, что ладони и колени Джем были перебинтованы какими-то тряпками. С запозданием вспомнил и вчерашнюю встречу с «птицами».

— Ты как… в порядке? — осторожно поинтересовался я. — Сильно ободралась?

— Заживет, — коротко ответила она, не смотря на меня и наконец вернулась в вертикальное положение. Глубоко вздохнула, подняв и опустив руки, она перевела разговор: — Мне кажется, совет еще не прибыл — мы бы их услышали. Да и нас бы быстро растолкали.

— А ты вообще когда встала?

— В семь. А сейчас уже почти девять, соня.

В комнате появился Кайл, растирающий влажную шею.

— Вода ужас какая ледяная, — просипел он. — Не пейте большими глотками, а то когда нас начнут убивать, мы не сможем даже заорать, как следует.

Я, направляясь в ванную, остановился и повернулся к нему.

— Ты что, пил воду оттуда?

— Чувак, у меня так в горле пересохло, что…

— Она же соленая!

Теперь Кайл повернулся ко мне и непонимающе посмотрел в глаза. Сглотнул и слегка пожал плечами.

— Разве? Я не заметил.

Считаю, что ему просто повезло, и он выпил всю пресную воду, которая тут только была! Потому что когда я повернул ручки кранов, оттуда хлынула все та же ледяная, морская вода! Она щипала на глазах и губах, но зато окончательно выбила из меня остатки сна. Я вернулся в комнату, готовый абсолютно к чему угодно. Но мир не спешил подкидывать мне подвиги.

Мы дождались мюклей, которые снова проводили нас в столовую. Уж не знаю, за кого их тут держали — за слуг или домашних животных, а может, как обед для Энрира. Столовая осталась в точно таком же состоянии, как накануне ночью. Только со стола убрали объедки и миски и поставили новые блюда. Сквозь решетку едва пробивался серый свет, окружающий мир совсем не было видно, а близко подходить я не стал — возле окон дежурил Игиг. Калану сидел за столом и что-то жевал.

Увидев нас, Игиг сдержанно кивнул и указал на стулья.

— Скоро прибудет совет. Поторопитесь, если не хотите предстать перед ним голодными.

Не очень-то полезное пожелание, если после этой встречи тебя могут уничтожить, но в чем-то он был прав — хотя бы последние минуты жизни должны быть приятными и сытными. Мы поспеш-

но расселись за столом и потянулись к тарелкам. Опять вареное мясо такикану, разложенное среди неизвестных листьев и кусочков овощей. Одна тарелка была без мяса, но на ней лежало больше салата, посыпанные семенами и орешками. Джем пододвинула ее к себе и посмотрела в сторону Игига.

— Спасибо, — сказала она.

Серый эйт лишь мельком глянул на нее и опять отвернулся к окну. У меня странно заскребло в животе и вовсе не от голода. Почему этот хмурый парень так отнесся к Джем? Почему сказал ей скрыть свои татушки? Она сидела, натянув рукава кофты до самых пальцев, но, благо, в замке было прохладно, и это не выглядело странным, скорее наоборот. Но я ничего не понимал, не мог догадаться о планах Игига, и мне это все не нравилось. Нужно держать с ним ухо востро.

— Как вам спалось? — сладко протянул Калану, закончив жевать.

Его левый глаз щурился, и потому постоянно казалось, что он усмехался. Вкупе с хитрой улыбкой и развязным тоном ему это даже шло. Такой вряд ли будет плести сложную паутину лжи, запутывая всех вокруг своими неуместными репликами.

— Отлично, — фыркнул Кайл, ковыряясь в салате. — Голый, холодный пол. Шикарные условия, ничего не скажешь.

Он обернулся к Джем, рассчитывая на ее поддержку, но она задумчиво хрустела своим завтраком, не обращая внимания ни на что вокруг.

— Эй, да ладно, у вас был целый матрац на всех, — отмахнулся Калану. — Или люди брезгуют спать вместе? Я бы точно брезговал.

Кайл растерянно захлопал глазами, держа вилку с мясом у приоткрытого рта. Неизвестно, что бы он ответил на это, потому что Игиг вдруг рявкнул со своего места:

— Прибыл совет!

Меня как будто снова облили ледяной водой. Стало очень-очень неприятно, почти до боли, все волосы на руках встали дыбом, а в животе похолодело. Я почти ощутил, как распахивается входная дверь, и вереница уродливых существ проходит мимо притихшего Энрира. Как они поднимаются по винтовой лестнице, не обращая внимания на прячущихся мюклей. Как они вслух обсуждают варианты расправы с нами. Менее чем за сутки у нас тут сложилась почти родная, домашняя атмосфера, а теперь эти твари все испортят, по ходу, возможно, окончив и наше существование.

— Давайте-давайте, вперед, пошевеливайтесь!

Игиг суетился вокруг нас точно воспитатель в детском саду, готовясь отдать детей в руки родителей. Кайл на ходу дожевывал завтрак, я запнулся о ножку стула, а Джем стояла с самым невозмутимым выражением лица, которое я когда-либо наблюдал у нее. Калану на прощание помахал нам крылом, счастливо улыбаясь.

Когда мы высыпались в коридор, я услышал царапанье и негромкое, возбужденное рычание гигантского волка. Откуда-то выбежала и снова исчезла одна мюкля, неуклюже скользя по полу. И по всему замку мелодично зазвонил колокольчик.

— Нетерпеливы как дети, — сердито процедил Игиг.

Он почему-то сам был не рад, хотя ему-то что волноваться — он выполнил свою работу, и теперь получит за нее вознаграждение. Наверняка немалое. Все складывалось отлично, а он ворчит и злится. Но он, верно, из тех вредных перфекционистов, которых хлебом не корми — дай поискать ошибки. И у окружающих, и у себя.

На третьем этаже нам открылась широкая площадка перед огромными двухстворчатыми дверьми с витражными вставками. Пол был выложен бирюзовой мозаикой, а стены — коричневой. В небольших нишах стояли золотые вазы, и откуда-то тянулся приторный аромат благовоний. Под высоким потолком металось несколько голубых шаров, и я буквально кожей почувствовал присутствие магии. За дверью слышались голоса, но совершенно непонятные.

Там совет эйталитов. Там стояли самые могущественные существа двух миров. И ждали только меня. От волнения желудок стиснуло так сильно, что мне едва не понадобилась ванная.

— Постарайтесь лишний раз не открывать рот, — тихо предупредил нас Игиг, подводя к входу в зал. — И я вас умоляю, только без этих человеческих штучек.

Кто знает, что он имел в виду. Он без стука распахнул двери, втолкнул нас внутрь, а после зашел сам.

Просторный зал с витражом во всю стену — это было первое, что бросилось мне в глаза. Здесь без труда мог бы поместиться Энрир, и для Йо-Йо еще место бы осталось. На окне был изображен замудренный герб, оплетенный цветами и травами. Непонятные символы, отдаленно напоминающих животных и птиц внутри герба, немного показались мне знакомыми — наверное, видел на каких-то документах в колледже или в учебнике. Через разноцветные стекла слабо-слабо просачивались лучи солнца и отражался голубой свет от шаров.

Обстановка зала была одновременно богатой и небрежной. Красивый, растительный узор плитки на полу, стенах и потолке. Одну стену покрывал огромный, старинный гобелен, изображающий средневековую картину с людьми и непонятными существами у синего шатра. Но тут же был простой, маленький ковер с парой

подушек, брошенные в углу, как будто их принесли сюда из другой комнаты и забыли убрать. Узкий, грубо сделанный стол перед витражным окном, а за ним — пять кресел, на которых восседало двое эйтов и двое людей.

Мы замерли у порога, не зная, что делать, на что смотреть, что говорить. Поклониться им? Выкрикнуть: «Ааа, это вы, мерзкие эйты? Чтоб вы сдохли!»? Или просить пощады? Я пока просто разглядывал их — это оказалось интереснее.

Пустое кресло, старик, большой фиолетовый эйт, мужчина, гигантская стрекоза. У старика были странные, огромные очки, но в целом он выглядел совершенно обычно — старомодный костюм, белые усы и лысина. Мужчина в сером пиджаке напоминал типичного бизнесмена из мира людей — прилизанные черные волосы, усталое и равнодушное выражение лица, бесцветные глаза и нос с горбинкой. А может ли он быть обычным человеком из нашего мира, который тут вроде шпиона? Может ли?

Двое эйтов резко выделялись на таком скучном фоне. Первым был великан под три метра с темно-фиолетовой кожей и черной шерстью на голове, вокруг короткой шеи и запястий. Он смотрел на нас, ни на миг не спуская тяжелый взгляд.

Второй выглядел как огромная стрекоза в тунике. Его фасеточные глаза занимали почти всю голову, и создавалось впечатление, что он видит все вокруг — все малейшие детали, замечает каждый вдох и малейшее движение. Четыре крыла по два метра в длину неподвижно замерли за его спиной, и тонкие жилки слегка отражали голубой свет.

Совет выглядел как-то очень странно и несуразно, больше напоминая цирковую труппу. Я еще раз посмотрел на них всех, и у меня мороз прошел по коже, когда я встретился с взглядом фиолетового великана. Только сейчас заметил, какие у него странные

глаза — белки черного цвета, радужка белая. Его морда была немного вытянута вперед, с широким носом и полными, синими губами. Он был гол — до пояса точно, и вздутые мышцы отчетливо вырисовывались на его теле.

Он-то и заговорил первым.

— Т23! Это Т23? — у него был странный акцент неизвестного мне языка, а сам голос катался по залу точно валун. — Он что, находится в трех телах сразу?

Мне стало не по себе, ибо он ни капли не шутил. Он действительно думал, что это так.

Из-за наших спин вышел Игиг, и меня кольнула мысль, что лучше бы он оставался там — так я чувствовал себя в большей безопасности.

— Номер Т23 стоит по центру, — спокойно и негромко заговорил он, медленно подходя к столу. Его когти скребли и цокали по голому полу, крылья он заложил за спину и переплел маховые перья. — Я предупреждал вас о них. Эти двое, внеплановые, его друзья. Возникла необходимость взять и их тоже. Магии в них нет — только побочная внешность у юноши.

Он не назвал Джем и Кайла бесполезными, и я был ему за это благодарен. Но тут фиолетовый прямо вышел из себя.

— Мы что, превратились в приют для всех обездоленных? Не мог спровадить их прочь? Зачем притащил сюда?! Нам и так дел мало? — от избытка эмоций он даже вскочил на ноги и оперся толстыми руками о стол, в упор смотря на Игига. — На что это самоуправство? Тебе приказали привести Т23, а не половину колледжа!

Остальные члены совета молчали, наблюдая за спором со стороны. Но я кишками чуял, что они поглядывают и на нас тоже. А как без этого?

Игиг подошел совсем близко к столу, оказавшись лицом к лицу с фиолетовым. Ему вообще все по барабану, я смотрю, — и Джем, и я со своей силой, и этот великан.

— Мне никто ничего не приказывал, — четко заговорил он, — и в особенности вы. Меня любезно попросили попробовать отыскать номер Т23 и, если получится, привести его сюда. Я выполнил это менее чем за сутки. И после этого вы смеете меня упрекать в том, что я взял с собой двух безобидных свидетелей? Не позорьтесь.

Эта сильная речь возымела свое действие — фиолетовый налился кровью от злости. Еще немного, и от Игига не останется ни перышка, он испепелит его на месте. Но тут что-то метнулось вперед, и перед нами оказалась та стрекоза-переросток. Но только сейчас я как следует рассмотрел его.

Да, у него были крылья стрекозы, которыми он, мелодично стрекоча, без перерыва махал, зависнув в полуметре над полом. Ног не было или же их не было видно под пологом длинной коричневой туники. Две ручки потянулись к нам, такие тоненькие, с тремя коготками вместо пальцев. Фасеточные глаза словно светились белым светом изнутри. Аккуратные челюсти приоткрылись.

— У нас просто появилось двое новых героев, — провозгласила «стрекоза» мелодичным и нежным женским голосом. — Господин Гугалан, проявите гостеприимство!

Она снова посмотрела на нас и раздвинула челюсти в улыбке. Уродливо ли это выглядело? Устрашающе? Отнюдь.

— У тебя волосы цвета рассвета, моя дорогая, — пропела она, протянув руку к Джем. — Тебе бы подошло мое имя — Аврора — цвет зари. А как называть тебя?

Я на миг испугался, что она околдовала нашу подругу — так внимательно за ней наблюдала Джем. Но, к счастью, свое настоящее имя не выдала, буркнула лишь номер.

— Какая красивая комбинация! — искренне произнесла Аврора и повернулась к Кайлу. — А что насчет тебя, улыбка мано?

Здоровяк приоткрыл рот, чтобы ответить, затем покраснел и, окончательно смутившись, едва слышно назвал свой номер.

— Чудесно, просто чудесно. — Аврора повернула голову в мою сторону, и прижала свои маленькие ручки к груди. Мне показалось, что она даже дыхание затаила.

— И наш главный герой, — почти с благоговением произнесла она. — Номер Т23, чудесный Т23. Ну и встряхнул же ты эти мирки, мой милый! Дай я лучше рассмотрю тебя.

Довольно странный представитель беспощадного совета эйталитов, согласитесь…

Я замер на одном месте, с одной стороны польщенный неожиданным восторгом этой замечательной эйты, с другой — все еще растерянный от того, что происходило вокруг. Это тебе не игра в баскетбол, так быстро с одного на другое переключиться не получится.

— Просто идеально, — прошептала Аврора, осторожно облетая вокруг меня, стараясь ненароком не задеть своими крыльями.

Она то касалась пальцами своих челюстей, то начинала тянуться ко мне, но останавливала саму себя. У меня, конечно, были поклонницы в колледже, но не думал, что так скоро к этим рядам прибавятся и эйты.

— Я очень рада, что наконец-то встретилась с тобой, — с искренней радостью добавила Аврора и грациозно поклонилась мне. Затем она поспешила развернуться к совету.

— Хоть кто-нибудь мог додуматься угостить наших гостей, — пожурила она их. — Не так часто у нас бывают люди. И притом такие особенные люди. Господин Телем, не сидите без дела, вы управитесь с вином за пару мгновений! — нараспев произнесла она.

Телем, тот старик со странными очками, недовольно заворочался в своем кресле, не намереваясь отрывать свой зад.

— Милочка, не фамильярничайте с ними, — старческим голосом продребезжал он. — На что нам потчевать их вином? Только переведем зря.

Аврора обиженно сложила руки на груди и опять повернулась к нам.

— Простите этого вредного старикашку, — прошептала она. — Кое-кому не мешает вспомнить правила вежливости. — Она помахала рукой в сторону, кого-то подзывая, и снова обратилась к нам: — Но вот вам совет на будущее: не подходите к нему слишком близко.

По залу забегали услужливые мюкли, таская подносы с вином и закусками. И как они только быстро все приготовили? Как поняли Аврору, если она ни слова им не сказала? Магия? Определенно.

Джем, безучастно наблюдая за ними, уточнила:

— Слишком близко? От него воняет?

Аврора звонко хихикнула, но тут же серьезно заговорила вновь:

— Он замедляет время. В своих интересах. — Не став уточнять это, она продолжила знакомить нас со всеми: — Это господин Гугалан, вы уже знаете, — фиолетовый великан шумно фыркнул, с ненавистью наблюдая за нами. — Господин Телем. Господин Арей, — она указала на мужчину в костюме, который едва заметно

кивнул нам. – А с господином Игигом вы уже имели честь познакомиться.

Мы как один уставились на Игига, который успел занять свободное кресло и теперь избегал смотреть на нас. Не знаю, как другие, но я почувствовал себя преданным. Мог бы и предупредить, что занимает место в совете, мы бы тогда при нем так не сентиментальничали. Или это был хитрый ход с его стороны? Посмотрим, что мы успели натворить: едва не угробили его брата, отдавили ногу самому Игигу, подпалили ему крыло и всячески нагрубили им обоим. Я бы на месте этого пернатого уже давно отдал приказ ликвидировать всех троих на месте.

Но вместо этого нам пока подали бокалы, не то с вином, не то с еще чем-то, но от волнения у нас ничего в горло не лезло. Мы продолжали стоять возле двери, пытаясь понять, что тут все-таки происходит.

— И теперь, когда мы наконец-то познакомились как нормальные, благовоспитанные эйталиты… и люди, разумеется, тоже, — радостно продолжила Аврора, — я предлагаю устроить небольшую экскурсию для наших гостей…

— Стоп! — взревел Гугалан, снова вскочив на ноги. Бедные мюкли замерли на своих местах от ужаса. — Какую еще экскурсию? Они взяты в плен, они находятся под арестом! Нам нужно проверить их, а она предлагает провести для них увеселительную прогулку! — Он обернулся к Телему и Арею. — Вот к чему приводит присутствие женщины в совете. Она выставляет весь мир эйталитов посмешищем!

— В прежние времена ничего подобного не было, – закряхтел Телем. Его голос звучал в странный такт, словно отбивал собственный ход секунд. — Во времена Гасфара с такими дефектны-

ми и бесполезными расправлялись быстро, с порога, не успев даже поздороваться.

— Чудесное было время, — поддакнул Гугалан. — Безопасное время.

У меня же вовсю покалывало кончики пальцев. Если кто-нибудь из них еще скажет хоть слово, то я за себя не отвечаю. Когда со своего места поднялся Игиг, собираясь вставить свое суперважное мнение, я уже был готов рвать и метать тут все вокруг.

— Времена Гасфара прошли почти сто лет назад, — напомнил он совету, — и слава Кату, кстати говоря. Сейчас с гостями обращаются более гуманно, и мне стыдно, что вы ведете себя как дикари. Неудивительно, что люди шарахаются от эйталитов и так ненавидят нас.

Гугалан скрестил могучие руки на голой груди и хмыкнул. Он явно был намерен испортить сегодня всем настроение.

— Вот что бывает, когда в совете появляются такие юнцы — они открыто дерзят и спорят со всеми, кто им не угождает. Ваш отец такого бы точно не допустил, господин Игиг.

— Да, мой отец бы умер от стыда за вас, — парировал в ответ Игиг, и его перья на голове поднялись от возмущения, выдавая его чувства.

Пока эйты были заняты своими спорами, Аврора скромно молчала, наблюдая за ними, я повернулся к Кайлу и Джем. Пока все складывалось именно так, как я и предполагал: одна половина совета желает сразу избавиться от нас, вторая хочет того же, но перед этим соблюсти все правила приличия. Я ошибаюсь или пора рвать отсюда когти?

— Дурдом какой-то, — едва слышно шепнула Джем, встретившись со мной взглядом.

Кайл же нервно переступал на одном месте, стискивая руки в кулаки и сильнее обычного поджимая губы.

— Вы проверяли друзей Т23? — вдруг подал голос Арей, и все вокруг тут же умолкли, чтобы услышать его. — У них ничего нет?

Игиг немного поколебался, прежде чем ответить, и я уже решил, что он расскажет им про татушки Джем — чего бы в них такого ни было. Но он ни словом об этом не обмолвился, и это озадачило меня еще больше.

— У номера Л5 зубы мано, а номер К44 — чистый человек. Ручаюсь за это.

Аврора с ликующим видом повернулась к Гугалану — только ее длинная туника колыхнулась вокруг тела.

— Видите? И вы собираетесь от них избавиться? Господин Гугалан, вы боитесь их? Не вижу других причин вашего поведения.

Теперь уже взгляды всех устремились к его могучей фигуре. Я мысленно восхитился силой Авроры. Я знаю эту эйту всего минут десять, а она уже мне нравится.

— Боюсь? Я — боюсь? — взревел великан, и его глаза вспыхнули красными огоньками. — Это вам стоит испугаться, госпожа Аврора, за свои слова!

— Что и следовало ожидать, — спокойно кивнула она. — В таком случае позволите гостям осмотреться в нашем мире или вы будете настаивать на том, что они опасны?

— Они не опасны, они просто бесполе…

— Все слышали господина Гугалана? Наши гости совершенно безопасны и могут отправиться на прогулку по нашему прекрасному миру!

Я со скрытым смешком заметил, как Телем в ужасе схватился руками за голову, а Гугалан закатил глаза и возвел руки к потолку, словно обращаясь к голубым шарам. Арей глянул в нашу сторону,

и у меня тут же мурашки пробежали по коже. Кем бы он ни был, от него стоит держаться подальше.

Игиг цокнул языком и коротко улыбнулся. Аврора радостно захлопала в ладоши и снова повернулась к нам. Она улыбалась, и ее глаза тепло светились изнутри.

— Вам здесь понравится, — с нежностью шепнула она.

В общем, наше знакомство с ужасным и строгим советом эйталитов прошло довольно неплохо.

Номер Л5. Кайл

Это был тот самый эйт. Тот самый фиолетовый великан, который встречался с моим отцом. Гугалан. Мне показалось, что он тоже узнал меня, хотя его по большей части сейчас занимал Хэл.

— Я готова провести гостям экскурсию, — предложила Аврора, кажется, желающая свалить отсюда как можно скорее. Она повернулась к нам, и я снова занервничал, не зная, можно ли смотреть на ее странные глаза или лучше не стоит. — Вы согласны?

— Стоп! — Гугалан все еще старался поймать ускользающие узды правления. — Это не туристы. Они находятся под надзором совета, им запрещено покидать резиденцию.

— Я тоже член совета, не забывайте.

Гугалан снисходительно наклонил голову, и я сам внутренне напрягся, ожидая, что он сейчас опять отпустит какую-нибудь едкую шутку в сторону бедной Авроры. Но тут Игиг обошел стол, обратив на себя внимание.

— Как и я.

Гугалан недовольно скрестил руки на груди, изо всех сил стараясь скрыть свою злость и раздражение на окружающих. Наверное, будь его воля, он точно выгнал бы этих двоих из совета.

— Вам было недостаточно их компании, господин Игиг? Что вы к ним так прицепились?

Игиг неторопливо дошел до нас, встал рядом с Авророй и только после этого посмотрел на Гугалана. Выдержке этого парня могли позавидовать и камни.

— На вашем месте я бы не терял время и начал составлять документы для УКОГ. Справки, разрешения, пояснения, объяснительные… — с каждым новым словом лицо Гугалана вытягивалось все больше. — Моя работа с номером Т23 выполнена, госпо-

же Авроре вы никогда не доверяете подобные обязанности, так что у вас, господина Арея и господина Телема не так много свободного времени на споры с нами. И можете не волноваться за наших гостей — я прослежу за ними.

Гугалан пыхтел, налившись кровью от злости, и старался подобрать достойный ответ, но его опередил Арей.

— В таком случае вы будете отвечать за все действия этих троих, господин Игиг.

Я ощутил в его голосе какой-то подвох или даже угрозу, но Игиг спокойно склонил голову.

— Разумеется, господин Арей.

Он развернулся и, глядя поверх нас, сразу направился к дверям. Он резко распахнул их и быстро вышел вон, словно задыхался в зале. Аврора улыбнулась нам своим маленьким, треугольным ротиком и протянула тонкую руку, приглашая последовать за Игигом. Мы не отказались.

Двое эйтов поспешили вывести нас на улицу, словно боялись, что стоит нам замешкаться, как мы тут же засыплем их неудобными вопросами или комментариями. И да, у меня на длинном языке вертелось много того, что мне хотелось бы озвучить. Я просто не знал, с чего стоит начать.

— Так значит, ты из совета? — осторожно заговорил Хэл, обращаясь к Игигу. — Интересно получается. Мог хотя бы предупредить.

— А зачем? — не оглядываясь, спросил тот. — Чтобы вы еще больше возненавидели меня? Так можете сделать это сейчас. Вперед.

Странно, но ненавидеть его совсем не хотелось. Он был благороден как принц и храбр как рыцарь. Лично я не смог бы открыто возражать такому как Гугалан. Да и Авроре отваги не занимать —

хотя такая хрупкая и нежная с виду. Они были не похожи на тех трех остальных эйтов или того же самого Калану. Они были более человечные — притом взяв те человеческие черты, которые наиболее хороши в людях.

— Значит, — подала голос Джем, — ты прикинулся обычным солдатом, чтобы тебе сломали пальцы и прокляли? Какие еще у тебя есть хобби?

Игиг обернулся на нее, нахмуренный и злой, и мне на несколько секунд стало страшно за подругу. Теперь-то мы уже в курсе, кто он такой, и стоит выбирать выражения. Вряд ли по доброте душевной этот чувак отправился на прогулку вместе с нами.

Я думал, он лишь строго смерит Джем взглядом и промолчит, но эйт вдруг решил ответить:

— Видимо, проводить экскурсии для людей. Каждый день узнаю новое о себе.

И он снова отвернулся, как будто не было вещи привычнее для него, чем отвечать на подколы девчонки из колледжа.

Я посмотрел на Джем и поднял брови, чтобы показать ей свое удивление, но она этого не заметила. Шла, опустив голову, и улыбалась над ответом Игига.

На первом этаже мы снова повстречались с Калану. Он возился с Энриром, но, завидев нас, оставил волка в покое и направился к нам навстречу. Игиг постарался ускорить шаг, но его брат все равно настиг нас.

— Вы куда это направляетесь? — поинтересовался он. — Что сказал совет?

Он подозрительно покосился на Аврору, но она мудро сделала вид, что его не существует.

— Совет разрешил отправить гостей на прогулку, — уклончиво ответил Игиг, но Калану хохотнул так громко и неожиданно, что Энрир подорвался со своего места и заворчал.

— Разрешил? Совет? Наверное, только после того, как ты пообещал оставить свое кресло. Я был уверен, что от наших добрых друзей уже не осталось и воспоминаний.

— Ты как обычно ошибся, — мягко заметил Игиг.

— Чего? «Как обычно»?

Аврора нетерпеливо вылетела вперед, едва не задев крыльями братьев.

— Если вы, господа, намерены и дальше стоять и беседовать здесь, — вежливо заговорила она, — то я поспешу вас покинуть.

Игиг недовольно глянул на Калану.

— Иди и займись чем-нибудь полезным, — буркнул он.

Калану с готовностью отдал ему честь, но я видел, как он со злостью посмотрел на всех нас. Мы прошли мимо, и я чуть не втянул голову в плечи, ожидая, что он может меня ударить. В этом эйте было что-то плохое и опасное — как в подростках-старшеклассниках, которые сидят по вечерам возле беседки, курят и провожают взглядами каждого встречного. Один Кат знает, что у них на уме.

— Калану до сих пор зол на вас? – участливо спросила у Игига Аврора.

Тот посмотрел на нее через плечо и опустил голову.

— Можно и так сказать, — с неохотой ответил он, не желая развивать этот разговор.

И Аврора больше ни о чем не стала спрашивать.

Когда мы вышли на улицу, то и в самом деле ощутили себя так, словно выбрались из тюрьмы. Хотя за стенами замка все еще было холодно и неприятно — порывистый ветер, сырой воздух и темно-

серые тучи, ползущие по небу. Что и говорить, погода в мире людей стояла куда приятнее.

Я посмотрел по сторонам, но рядом с резиденцией совета больше не было никаких зданий. Дорог. Только небольшой кусок стены прямо напротив дверей, оформленный в металлическую оправу, чтобы, видать, не смотрелся так неуместно.

На стене было три рисунка Переходного Сада, про который нам рассказывал Калану. Верно, это что-то вроде автобусной остановки в мире эйтов.

— Итак, — Аврора вылетела перед нами и зависла в воздухе, приподнявшись повыше, — я предлагаю осмотреть центр города, а потом можно посетить одно или даже два царства. — Она не стала спрашивать наше мнение и сразу обернулась к Игигу: — Вы пойдете с нами?

Я заметил, что она старается скрыть свое нежелание находиться рядом с ним. Наверное, все члены совета в той или иной мере недолюбливают друг друга — как и в мире людей. И, возможно, она надеялась, что узнав всю программу экскурсии, мнительный эйт успокоится и отпустит нас. Но она ошибалась.

— Разумеется, — резко отозвался Игиг, и у него слегка приподнялись перья на голове. — Я полностью отвечаю за них.

Аврора повернула голову в другую стороны, что-то рассматривая там.

— Вы настоящий джентльмен.

— Надеюсь, что это так.

— Не будем терять времени.

— Конечно.

Они как будто перекидывали друг другу мячик, стараясь оставить его у другого. И, наблюдая за ними, я не смог бы ответить на

вопрос, чью сторону принял бы, если возникнет такая необходимость.

Через нарисованную картинку, которая под тонкими коготками Авроры засветилась изумрудным светом, мы попали в город. Удивительное место, мир эйтов, здесь все вещи выглядели знакомо, но вместе с этим совершенно иначе.

Город был точно таким же человеческим городом… каким он был эдак в шестнадцатом веке. Аврора сказала, что мы попали в его центр, но я бы назвал это с огромной натяжкой.

Почти все дома здесь были одноэтажные, с пристройками. Немногие могли похвастаться вторым этажом. Дороги, выложенные булыжником. Кованый забор и старомодные вывески на кольцах. Ехала повозка, запряженная каким-то зверем. Эркеры магазинов и открытые лавки. Деревья и клумбы.

И, конечно же, сами эйты.

Они ходили и стояли, группами и по одному. И от этого взрыва ненормальности, не побоюсь этого слова, уродств и странности тех крупиц побочной внешности, которые были у людей, здесь раскрылись в полном объеме. У меня едва не закружилась голова, и я предпочел смотреть себе под ноги, чем мучить свои глаза и мозг нелогичной реальностью, что была вокруг меня. Даже Игиг и Аврора стали казаться нормальнее всех нормальных на их фоне.

— Это центр города Кутты! — радостно провозгласила Аврора, любуясь домами и прохожими. — Центр торговли и самой интересной жизни. Пойдемте!

Она быстро полетела вперед, едва не расталкивая (а может, едва не разрезая) прохожих своими крыльями, а мы с трудом поспевали за ней, протискиваясь мимо эйтов и уворачиваясь от повозок. На нас оглядывались, иногда показывали пальцами (перьями, щупальцами, когтями), что-то говорили. Воздух был полон нече-

ловеческого гомона, скрипа деревянных колес и далекой музыки. Я ощущал странные запахи — и приятные, и не очень, вызывающие аппетит и тошноту. Я боялся отстать и затеряться здесь, и потому едва подавлял желание взять Джем и Хэла за руки.

В толпе попадались и человеческие лица тоже, и не совсем человеческие, и полностью звериные, и… Я старался особо не пялиться по сторонам, но мой взгляд то и дело цеплялся то за одного, то за другого существа.

Как они только уживались все вместе? Такие разные, такие непохожие, такие странные. Наверное, мы с Хэлом и Джем казались им слишком обычными и примитивными. Даже я со своей челюстью.

Следуя за Авророй, мы оказались на площади, и было бы странно, не будь здесь еще большего столпотворения. Лотки с едой и игрушками, разноцветные флажки, протянутые между домами, улыбки на лицах (мордах, клювах) собравшихся. Видимо, сегодня тут какой-то праздник.

Некоторые эйты замечали Аврору и Игига, отвешивали им поклоны и старались обойти подальше. Некоторые робко кивали и нам с друзьями. Я прислушивался, но из-за гомона вокруг, музыки и прочего шума города не мог разобрать, на каком языке говорят жители. Ничуть не удивился, если бы не смог понять их говора.

А затем произошло нечто, что я даже несколько лет спустя так и не смог объяснить для себя. Только Хэл смог бы пояснить для меня эту тайну, а он… не захотел этого делать.

Я заметил, что около сотни эйтов наблюдала за танцем девушки, которая (слава Кату!) выглядела как обычный человек. Зеваки окружили небольшую, простую деревянную сцену, по которой босиком отплясывала актриса. Играла инструментальная музыка, девушка кружилась и подскакивала. К ее рукам были привязаны лен-

ты, а из одежды было лишь короткое платье, но, несмотря на непогоду, ей, судя по всему, не было холодно. От нее самой словно исходил свет.

В следующий миг я учуял терпкий и пряный аромат чего-то вкусного и завертел головой, пытаясь понять, где это находится. Завтрак уже успел превратиться в воспоминание, и у меня сводило живот.

Именно поэтому я не увидел, что там произошло, а когда оглянулся, то понял, что Хэл, расталкивает всех вокруг, пытаясь добраться до танцовщицы.

— Стой! Ты куда? — взревел Игиг, топчась на одном месте.

Хэл уже вырвался в первый ряд зрителей. Никогда бы не заподозрил его в такой сильной любви к искусству. Он и концерты-то не очень жалует — я несколько раз пытался вытащить его и Джем на выступления бешено популярных «Real People», но они всегда относились к этому чересчур равнодушно, мне самому было обидно. И вдруг — какая-то неизвестная танцовщица-любительница с первого взгляда завладела вниманием Хэла!

— Мне порой так стыдно за него перед людьми… и даже эйтами, — прошипела Джем рядом со мной, наблюдая, как Аврора взмыла в воздух над толпой, торопясь перехватить нашего друга.

Хэл уже почти забрался на сцену, как Аврора точно коршун устремилась к нему, подхватила под руки и вместе с ним взлетела опять в воздух. Девушка-танцовщица только сейчас заметила их и в нерешительности остановилась, оборвав свое кружение. Музыка смолкла, и зрители начали поднимать головы. Болтаясь в воздухе в тонких ручках Авроры, Хэл крикнул девушке:

— Эй, это же я! Ты узнаешь меня?

Игиг с интересом обернулся к нам, и Джем со вздохом прикрыла рукой лицо. Аврора, осторожно придерживая Хэла, пролетела

над толпой эйтов и начала приземляться, наклонившись вперед, чтобы поставить Хэла на землю. Едва он встал на ноги, как Джем бесцеремонно залепила ему подзатыльник.

— Ни на секунду тебя нельзя оставить без внимания! — воскликнула она. — Что на тебя нашло?

Хэл потирал одной рукой ушиб, второй держался за плечо, а глаза были устремлены мимо нас — только вперед, к той странной танцовщице. Я и сам обернулся, высматривая ее. Околдовала она его, что ли?

— Ты знаешь ее? — продолжала допрос Джем. — Где уже мог видеть?

Аврора и Игиг скромно стояли в стороне, слушая наш однобокий разговор. Ведь Хэл действительно мог знать девушку, а может, лишь обознался. Вдруг она была настоящим человеком и работает здесь? Или такое в принципе невозможно? Не знаю.

Тут Хэл начал издавать мычащие звуки, махнул рукой, а затем резко поддался вперед. Джем едва успела схватить его за плечо, но он все равно едва не снес ее.

— Я должен поговорить с ней!

— Пока ничего не объяснишь, ты никуда не…

Джем замолчала, когда Хэл шарахнулся назад и наступил ей на ногу. К нам через расступавшуюся толпу эйтов подходила танцовщица.

Ее босые ноги ступали легко и бесшумно, но я заметил, как они были стоптаны, а ушибы и мозоли зажили совсем недавно, и скоро на их месте появятся новые. Платье промокло от пота в нескольких местах. Ленты жалко повисли, и я заметил, что они выгорели на солнце.

Девушка внимательно осматривала нас, не моргая и не отводя взгляд, и ее грубоватые черты лица словно проступили еще четче

от напряжения. Светлые, с рыжеватым отливом волосы были сбиты в левую сторону, несколько прядей повисло на правом плече.

Дойдя до нас, она сделала формальный книксен, сжав пальцы в кулаки и на миг опустив взгляд вниз.

— Добрый день, госпожа Аврора и господин Игиг, — едва слышно прошелестела она.

Наши сопровождающие ответили ей кивками голов, однако, с любопытством разглядывая ее. Хэл так вообще едва не дрожал от волнения, и я всерьез испугался за его состояние. Зато Джем сморщила носик, смотря на незнакомку.

— Вам понравилось мое выступление? — спросила девушка, заглядывая Хэлу прямо в глаза.

Ой, кажется, не в выступлении здесь было дело…

— Д-да, ты классно двигаешься… А ты же узнаешь меня? Ну! Это же я!

Ты еще ей свое имя назови! Девушка покачала головой, рассматривая его. Хэл едва не плакал от отчаяния.

— А ты можешь посещать сны других людей? Или не сны… но что-то в этом роде? Ты можешь? А?

Я ничего не мог понять, и мы с Джем лишь недоуменно переглянулись. Что он несет? Бедная танцовщица совсем сбилась с толку. Она отступила назад и пробормотала:

— Нет, этого я не могу.

Я наблюдал, как у Хэла гаснут глаза. Его плечи опустились, но он упрямо смотрел на девушку, как бы говоря: «Перестань притворяться. Признай, что это ты. Я же знаю». Но она не признала.

Эйты вокруг нас гудели, с любопытством наблюдая за этой сценой. Напрасно музыканты продолжали что-то пиликать — до них уже никому не было дела.

Танцовщица стояла перед нами, теребя ленточку с руки. Хэл покусывал губу, часто дышал и пытался придумать еще что-нибудь, чтобы заговорить с девушкой.

Аврора тактично кашлянула.

— Мы можем продолжить нашу прогулку? Т23, вы уверены, что уже встречались с этой девушкой?

— Да нет, конечно! — вдруг громко, с досадой рявкнул он и отвернулся. — Где я мог видеть ее раньше? Просто обознался.

Это было логично, но поверить в это мы не могли. Аврора извинилась перед танцовщицей и поспешила увести нас отсюда. Хэл все равно украдкой оглядывался назад, даже после того, как девушка ушла.

Мы молчали, и это было неправильно. Я имею в виду, если все видят, что происходит нечто странное, то почему мы должны делать вид, будто ничего нет? Почему я должен закрывать глаза, если я хочу узнать, что случилось? А тут даже Джем как воды в рот набрала. Ну, я и не выдержал. После я и жалел и не желал о своих словах одновременно.

— Это было действительно странно, чувак! Ты так смотрел на нее — я еще никогда не видел, чтобы ты на кого-нибудь так смотрел! С какой девушкой ты ее перепутал? Чего мы о тебе не знаем?

У Хэла, который шел впереди, сдали нервы. Он остановился, резко повернулся ко мне и сжал руки в кулаки.

— Это не твое дело! — со злостью крикнул он.

У него вспыхнули зеленым цветом глаза, как у кота. И что-то невидимое, но очень сильное ударило меня в грудь, отбросив назад.

Я упал, ободрав спину. Грудь горела, и я хлопал по ней руками, думая, что в самом деле объят пламенем. Легкие сжались, и я забыл, как дышать.

Кто-то кричал, кто-то ругался. Я все пытался вдохнуть воздуха, подняться, но почти не чувствовал своего тела. Грудь давила тяжестью, как будто легкие наполнили глиной. Проклятые акульи зубы намертво прикусили губу, и по подбородку текли не то слюни, не то кровь.

Передо мной мелькнули розовые волосы Джем, фиолетовые крылья Авроры, а потом все куда-то пропало.

Номер Л5. Кайл

Скобы мешают и без конца напоминают о себе. Я снова и снова провожу по тонким перегородкам языком, пытаясь представить, что это теперь часть моего тела.

— У меня от них рот болит, — жалуюсь я, но взгляд матери заставляет меня замолчать.

Дантист снимает с лица повязку, с улыбкой оглядывает меня и подводит итог:

— Лучшая модель! Только появилась на рынке. Всего год использования, и вы не узнаете себя!

Мне становится уж совсем неловко, и я ерзаю в стоматологическом кресле. Я бы предпочел еще узнавать самого себя, иначе во что еще остается верить?

— У него будет нормальная, человеческая челюсть? — с надеждой спрашивает мать, стоя неподалеку.

За ее спиной плакаты о том, как правильно чистить зубы.

Брови доктора встают «домиком». Он понижает голос, наверное, думая, что так я его не услышу.

— Разумеется нет, мэм. Это побочная внешность. Ее не исправить.

Я так и думал. Ну и ладно, ничего страшного. Но матушка дает волю своим эмоциям:

— Но вы же говорили!.. Но вы же обещали!.. Но это же последняя модель!.. — запричитала она, заламывая руки.

Ее рот изгибается в опрокинутую букву D. За ней дети на плакате смеются и скалят свои крошечные, круглые зубки.

Дантист приподнимает руки, защищаясь.

— Мэм, боюсь, здесь даже хирургическое вмешательство не поможет! Да и зачем? Мальчик здоров, нет проблем с дыханием, приемом пищи и произношением. Вам не о чем волноваться!

Но матушка дрожит, прижимая руку к своему идеально-правильному рту. Мне тоже становится немного грустно при взгляде на нее. Меня самого мои зубы не волнуют так, как ее. Ну да, они немного не такие, как у остальных людей, и что? Мне они никак не мешали. Вот Уолту его руки еще как мешали, но тут точно никакие скобы не помогут.

Мы прощаемся с дантистом и выходим из больницы. На улице тепло и сухо, несмотря на позднюю осень. Светит солнце, высыхают лужи, и мне становится жарко в толстой куртке, шапке, перчатках и всем прочем. Но мама говорит: «Натяни шарф повыше», и приходиться слушаться.

Я снова и снова провожу языком по брекетам, представляя, что теперь они — часть меня. Только бы мне разрешили их снять перед тем, как я впервые пойду в школу.

Моя голова превратилась в подушку. Старую, тяжелую подушку, набитую гусиным пером. Я пытался приподнять ее, но был не в силах даже открыть глаза. Все тело казалось одним сплошным куском чего-то неподъемного и большого, что я не в состоянии сдвинуть с места.

Мало-помалу я начинал распознавать звуки, которые пробивали путь к моим ушам через плотную подушку, в которой лежала моя голова. Я отчаянно вслушивался, но не мог понять слов.

— Пломбра врамзбустдилть кемго!

— Вхы дмуааделте?

— Нпрелсрыолмшнерненшно!

Говорившие замолчали. Что-то щекотно кольнуло мою руку, и по ней вдруг забегали мурашки — много-много мелких, невиди-

мых лапок заполнили руку изнутри и начали ползти дальше — на шею, грудь, лицо, вторую руку… Рот наполнился соленой слюной, горло рефлекторно сдавило. Из глаз выползли слезы, и я наконец-то с трудом приподнял веки. Все вокруг как в тумане. Впрочем, когда мой взгляд сфокусировался на лице передо мной, я быстро прозрел и пришел в себя.

Передо мной нависла голова, напоминающая кукурузу, потому что кожа была сплошь покрыта мелкими наростами, образующими пупырчатую корочку коричневого цвета. Среди наростов можно было с трудом разглядеть маленькие глазки и впалый ротик. Сверху торчал жухлый пучок темно-коричневых волос.

Во всем остальном существо было точно таким же, как обычный человек и щеголяло в голубом медицинском халатике.

— Я же говорила, госпожа Аврора, он быстро очнется после моей небольшой помощи, — радостно гукнуло оно.

Его голос звучал приглушенно, но это не отменяло ласку и доброту в нем. Рядом с нами и правда появилась прекрасная эйта, и я окончательно растерялся. Что вообще произошло?

— Был риск, признайте это, — коротко ответила Аврора, наклоняясь и заглядывая мне в лицо. — Л5, милый, как ты себя чувствуешь?

Я видел, как нервно она скрестила свои тонкие ручки на груди, и это напомнило мне о маме. Как в моем воспоминании. Странно, что все эти схожие детали так накапливались, точно слои в торте. Или я все еще слишком плохо соображал.

— Я в порядке. Полном порядке. Наверное, мне стоит пойти, — пробормотал я, переводя взгляд с одного лица на другое и одновременно с этим стаскивая с себя простыню, пытаясь приподняться с кровати.

И только сейчас я заметил, что на мне из одежды только трусы. Это оказалось очень некстати. Рядом со мной находилась госпожа Аврора и это странное существо, которое тоже могло оказаться нежной девушкой. Я поспешно натянул на себя простыню снова, попутно отмечая, что в палате довольно холодно и вообще неуютно. Кукурузное лицо подало мне мою одежду и начало объяснять:

— Я починила и твое колено, и твои зубы заодно. В целом-то ты был в порядке, но даже маленькие трещины могут расколоть тебя надвое.

Слушая ее, я ощупывал грудь. Кожу покрывала шершавая пленка, точно засохшая грязь, и мне невольно хотелось соскрести ее с себя.

— Что это на мне?

— Специальная защита, которая отпадет сама, когда твое тело полностью восстановится, — с гордостью ответила эйта. — На это понадобится время. Тебя сильно обожгло…

Видимо, взгляд Авроры заставил доктора замолчать и не говорить об этом больше. Она опустила голову и отвернулась. Я пока поспешно натягивал одежду, с приятным удивлением отметив, что кто-то выстирал и погладил ее. Я, конечно, не самый изнеженный человек в мире, но предпочитаю ощущать чистоту и комфорт, а не запах трехдневной рубашки.

Кажется, я весил целую тонну! Ноги заплетались и подкашивались. Я хихикал, хватаясь за кровать, и старался не убиться на ровном месте. Аврора и госпожа Кукурузное Лицо наблюдали за мной точно заботливые родители за своим малышом.

— Я как будто напился, — выдал я, наконец-то более-менее заняв устойчивое положение. Подъем с кровати приравнялся к целому подвигу.

Аврора слегка склонила голову.

— И часто с вами такое бывает?

— Всего однажды, на одной из папиных вечеринок. В колледже я пил колу вместо пива.

Я замолчал, уставившись в пол. Вечно я несу какую-то ерунду, только бы не говорить о главном.

— Где номер Т23?

— С господином Игигом и К44. В резиденции. Совету было бы очень нежелательно знать о том, что произошло, и поэтому мы передали им, что я повела тебя знакомиться с царством мано.

Опять эти загадочные мано, которые непостижимым образом связаны со мной! Я действительно желал увидеть их, узнать о них. Поэтому у меня аж сердце застучало сильнее при упоминании их.

— И мы правда пойдем к ним?

— Не думаю, милый Л5. Мы и так потеряли около двух часов.

Да уж, после такого мне, возможно, вообще не светит знакомство с этими созданиями.

— С Т23 все хорошо? — робко спросил я, когда уже следом за Авророй вышел из маленького домика, в котором обитала госпожа Кукурузное Лицо. Она так ничего мне не сказала на прощание, не то обиженная Авророй, не то даже напуганная ею.

Мы оказались где-то за городом. Вокруг раскинулись холмы, между которых вела проселочная дорога, и росли плантации каких-то растений. Прямо перед домиком стояла старая каменная стена с двумя рисунками врат. Как они только дотащили сюда мое тяжелое тело — с помощью магии?

Погода еще больше испортилась. Ветер ерошил траву, листья и мои волосы, не видя никакой разницы. Крылья Авроры громко стрекотали, и ее длинная туника развевалась далеко в сторону, но, кажется, ее это ничуть не беспокоило.

— Уж лучше, чем вам, — вздохнула она, подлетая к одному из бледных рисунков врат. — Но он очень сожалеет о том, что сделал. И часто с ним происходит подобное? — с тревогой спросила она.

Я ковырял пальцем мох в трещине стены, ожидая, пока Аврора запустит портал. Говорить на эту тему не хотелось.

— Случается. Особенно когда он на эмоциях. Но ведь это же не очень страшно, — попытался защитить я друга. — Я имею в виду, у каждого свои дефекты. У меня вообще акульи зубы, и я могу случайно откусить кому-нибудь руку!

Аврора смотрела на меня, занеся свою грациозную ручку над рисунком. Кажется, ее фасеточные глаза выражали сочувствие.

— Боюсь, совет будет думать иначе, если обо всем узнает, — наконец выдала она и быстро дотронулась кончиками пальцев до стены.

Я не успел ничего ответить на это.

Хэла и Джем я нашел не в нашей общей комнате, в которой мы ночевали, а во вполне себе приличной гостиной. Здесь были и диван, и книжный шкаф, и даже огромный глобус. Наверняка, все остальное пространство тоже не пустовало, но я больше не успел ничего разглядеть. Меня заметила Джем и угрожающим вихрем двинулась в мою сторону. Отступать было некуда.

— Слава Кату! — раздраженно воскликнула она и резко обняла меня, больно стиснув тонкими, сильными ручками. — Я думала, ты уже сдох!

Я тоже был рад ее видеть, но прикоснуться в ответ не рисковал — уж слишком непредсказуемый результат мог быть. Джем отпустила меня и подняла голову, чтобы посмотреть в лицо.

— Мы теперь с тобой в расчете, — сердито добавила она.

Я пытался отвести от нее глаза, чтобы посмотреть на третьего человека в комнате, но никак не мог. Думаю, больше от страха и неуверенности чем от сногсшибательной красоты Джем.

— Да? Почему же?

— Я назвала твое имя.

— О…

— Но может, Игиг и Аврора не обратили внимание?

— Может.

— Кстати, где ты был? Что она с тобой сделала?

Но я, наконец, набрался сил посмотреть поверх ее головы и больше не слышал, о чем она говорила.

Хэл стоял посреди зала, напряженно смотря на меня. Редко когда мне доводилось видеть его таким серьезным. Руки он спрятал в карманы спортивных шорт, словно боясь ненароком что-нибудь еще взорвать. В блеклых глазах читался только один вопрос.

Я сглотнул, приоткрыл рот… и не смог ничего сказать ему. У меня сдавило горло. Теперь я думал над тем, какие могут быть последствия у моих слов.

— Кайл… — поспешно заговорил Хэл, не дождавшись меня, но тут резко распахнулась дверь, и он сразу умолк. Я едва дух не перевел от облегчения.

На пороге стоял Калану. И я сразу заподозрил, что нас ждут дурные вести.

— Совет вынес решение, — с напыщенностью объявил он и расплылся в недоброй улыбке.

Номер Т23. Хэл

Меня сразу насторожило, что комиссия эйтов выглядела довольной. Гугалан так и вовсе потирал свои лапы, кровожадно смотря на меня. Даже этот странный человек Арей слегка улыбался, просматривая какие-то документы на столе. Аврора от волнения никак не могла остаться на одном месте — треск ее крыльев заполнял собой весь зал, она то подлетала к окну, то возвращалась к столу, одергивала тунику, скрещивала ручки, а затем снова устремлялась к витражу. Я не мог понять, было ей страшно за нас или она наоборот радовалась — по ее лицу нельзя было прочитать ни одну эмоцию.

Телем дремал, убрав свои странные очки. Перед ним на столе тоже лежали бумаги, и стояла чернильница с пером, и я подумал, что они действительно занимались всей бумажной волокитой, пока мы гуляли. Ну и правильно — сами заварили эту кашу, пусть теперь расхлебывают!

И только Игиг сидел насупившись, но мы уже поняли, что он никогда не улыбается.

— Совет вынес решение, — громогласно заговорил Гугалан, — о проведении проверки номера Т23. Исходя из этого, будет решаться его дальнейшая судьба. — Его белые зрачки быстро посмотрели по сторонам, на своих приспешников. — Совет принял единогласное решение.

Вернее, вынужден был принять единогласное решение, да? Сколько раз эти непохожие друг на друга эйты спорили и пытались убедить друг друга в своей правоте? И кто из них настоял на том, чтобы без промедления послать за мной после жалобы мистера Директора?

— Что за проверка? — спросил я, но уже понимал, что это будет нечто неприятное и болезненное.

А может, наоборот — что-то нудное и сложное, вроде экзамена по математике.

— Проверка твоей магической силы. Это очень просто. Мы должны знать, на что ты способен.

Ух, ну и тон! Я на многое способен, и если Гугалан хочет проверить это на себе лично, то я…

— А что вы будете делать с ним дальше? — встряла в разговор Джем.

Гугалан высокомерно смерил ее взглядом и сложил руки на груди, не торопясь отвечать. Я уж думал, он так и будет молчать, но великан затем снова обратил свой взгляд на меня и соизволил заговорить:

— Зависит от результатов. Может, он ни на что не годен, и тогда мы отправим вас обратно. А может… — на его роже вытянулась ухмылка, — а может, он могущественнее нас всех вместе взятых, и для нас будет честь пригласить его в совет эйталитов.

Я ушам своим не поверил. Чего? Он сам-то понимает, что несет?

— Мы приступим к проверке, как только получим на это согласие от твоих опекунов, — продолжил Гугалан, и я, еще не до конца отошедший от прошлой новости, вновь впал в осадок.

Неужели он это всерьез? Все знают, как эйты небрежно относятся к людям — им стоит щелкнуть пальцами, чтобы их желание осуществилось. Зачем им спрашивать у кого-то специальное разрешение?

— Я уже отправил к ним наших представителей, — говорил дальше фиолетовый громила. — И к колледжу тоже. Не думаю, что мы встретим большое сопротивление.

Ну, что я говорил? Им это нужно лишь для формальностей, обязательной галочки. Никто не собирается серьезно относиться к людям, чего бы они ни говорили.

— А что насчет нас? — резко воскликнула Джем. — Вы держите меня и Л5 здесь как своих пленников. Наших опекунов ставить в известность не нужно?

Гугалан едва взглянул на нее.

— А это так важно?

— Мой отец — мэр города, — тихо ответил Кайл.

На пару секунд наступила полная тишина. Гугалан выпучил глаза, смотря на него, а наш друг скромно отвел взгляд, наблюдая за тем, как Джем знаками показывает ему продолжать.

— Это правда? — рявкнул Гугалан и резко повернулся в другую сторону, высматривая крайнего члена совета. — А вы почему молчали об этом, господин Игиг? — не став ждать ответ, он за один прыжок достиг Кайла и встал рядом, едва не упираясь в него своим пузом. — Я встречался с мэром Роуздилла несколько лет назад. Я не знал, что у него есть сын. У мэра нет побочной внешности мано.

Последнее он сказал почти обвиняюще. Кайл поджал нижнюю губу, и его рот жалко изогнулся, образуя волнистую линию.

— Не всем так повезло.

Сердито фыркнув, Гугалан обернулся к Джем.

— А кто твои родители? Тоже какие-нибудь властелины вашего маленького мира?

У меня пальцы поневоле собрались в кулаки, слушая его. Как бы мне хотелось спустить на него всю свою побочную силу, даже если после этого от меня и мокрого места не останется.

— У меня нет родителей! — огрызнулась Джем, набычившись и смотря на Гугалана испепеляющим взглядом. — Но мои опеку-

ны — весь УКОГ. Вы же не можете просто оставить это без внимания?

Тот всплеснул ручищами, едва не сбив Кайла с ног.

— Конечно нет! Что за банда здесь набралась, Кат Великий! — воскликнул он, не то в шутку, не то всерьез. — Нужно было постараться, чтобы сплотить такой сброд!

Последнее замечание, кажется, опять относилось к несчастному Игигу, но тот опять не показал своей причастности к нам.

— Что ж, отлично! — рявкнул Гугалан. — В таком случае я… — Он спохватился и обернулся к остальным. — И если остальные члены совета не возражают, то я предлагаю перенести проверки до тех пор, пока мы не получим результаты от опекунов всех троих людей. Которых следовало бы поселить в другие комнаты, не правда ли, господин Игиг?

Я бы на месте этого пернатого уже давно придушил Гугалана.

— В таком случае у наших гостей есть еще много времени, чтобы осмотреть наш мир, — заметила оптимистичная Аврора. — Мы можем ожидать ответ не одни сутки. Вы же не прикажете держать наших гостей это время в запертых комнатах?

— Как раз именно это мы и… — начал Гугалан, но тут неожиданно для всех с места поднялся Арей.

Все уважительно притихли, смотря на него, и было ясно, что его слово здесь играет не последнее значение. И все же, кто он был такой? Человек? Эйт? Дефектный? Выпрямившись, мужчина сухо проговорил:

— Я предлагаю устроить завтра приветственный вечер, раз вчера нам было не до этого. Что скажете, номера Т23, К44 и Л5?

По сути, он даже не спросил мнения остальных членов совета, но оно и не требовалось — никто не собирался возражать ему. Аврора так вовсе захлопала в ладоши.

— Какой вы молодец, господин Арей! Отличная идея!

Он оставил ее овации без внимания, медленно оглядывая нас троих. И я постепенно начал понимать, что он что-то задумал против нас. С чего ему устраивать банкет в нашу честь? Он явно готовит ловушку. Я прищурился, в упор глядя на него и показывая, что я не наивный дурак и отлично понимаю, чего он хочет. Но Арей проигнорировал мой подозрительный взгляд.

— Тогда у нас еще есть время, чтобы подготовиться. Думаю, госпожа Аврора сможет подобрать вам подходящие наряды для этого вечера. А у нас уже есть на примете некоторые гости, которые составят нам компанию.

Уж слишком все хорошо! Я еще сильнее прищурился, смотря на него, как будто мои веки и ресницы образовывали такое «сито», через которое не могла проникнуть ложь. Если бы у меня была побочная сила другого плана, я бы уже испепелил Арея, но ему повезло, что я способен лишь отшвыривать от себя друзей.

Самым удивительным и подозрительным было то, что даже Гугалан спокойно отреагировал на это и лишь молча склонил свою полулысую башку, когда Арей обернулся к нему. Ой, нехорошо…

— К тому же, как верно заметила госпожа Аврора, пора предоставить гостям раздельные, нормальные комнаты. Если постараться, в резиденции их можно найти, — продолжал тем временем Арей. — И если ни у кого нет возражений, то я рекомендую каждому приступить к выполнению своих обязанностей. Номеру Т23 и его друзьям я бы рекомендовал отправиться на обед.

Так оно и случилось.

Я правда пытался поговорить с Кайлом и извиниться перед ним как следует, но все не было возможности. Сначала нас отправили в столовую, где мы оказались в компании Гугалана, Авроры, пары мюкль и Калану. Игига с нами не было, и мне даже почти стало

грустно — все-таки мы к нему больше всего здесь привыкли, хотя это вовсе не значило, что он был лучшим из лучших среди собравшихся здесь.

Обед прошел в тишине, не считая дурацких шуточек Калану и робкого лепетания Авроры, которая старалась скрасить обстановку. Кайл не смотрел на меня, зато Джем то и дело бросала обвиняющие взгляды. Она и так почти выела мне весь мозг, пока мы ждали возвращения Кайла. А что, как будто я один был виноват! Между прочим, Кайл ненароком коснулся запрещенной темы, о которой он ничего не должен знать.

Та танцовщица с площади выглядела как немая девушка с Земли Голубых Одуванчиков.

Не представляю, как это возможно.

Да, когда я ее увидел, у меня просто крышу снесло. Я не мог поверить, что она здесь, наяву. Но ведь это же мир эйтов, здесь, вроде как, все возможно. И как я мог оставить ее без внимания? Не попробовать заговорить? Напомнить о себе? Я не из тех, кто упускает шанс, даже самый маленький.

— Я позабочусь о том, чтобы ваши наряды были готовы к завтрашнему празднику, — пообещала Аврора, повернув голову в нашу сторону.

Ее тонкие пальчики-коготки в это время щипали большой, оранжевый фрукт, похожий на грушу. Пока мы сидели тут, она так ничего и не поела, только потрошила фрукты и ягоды, разделывая их на маленькие кусочки и кучкой складывая возле своей тарелки. Кажется, она очень нервничала, но вот только из-за чего? Неужели из-за этого дурацкого вечера?

— Ничего сложного. Сиреневые костюмы для мужчин, желтые платья для девушек.

Я заметил, как Джем напряглась при упоминании последнего и даже забыла про меня на время. Она признает платья только от своей альма-матер и никакие более. Если уж на то пошло, она вообще относится к любой одежде без нашивки эмблемы колледжа с подозрением. Вот только не думаю, что ее старый спортивный костюм вкупе с короткой розовой юбкой подойдет для вечера среди элиты эйтов.

Гугалан широким жестом вытер салфеткой подбородок и оперся руками о стол, смотря на нас.

— Бьюсь о заклад, это станет величайшим событием в ваших простеньких, человеческих жизнях! Вы никогда еще не видели и больше не увидите ничего подобного. Вам понравится. Или приведет в ужас. Никогда не знаешь, как люди поведут себя в подобной ситуации.

— А кто из приглашенных гостей будет? — вдруг заговорил Кайл, перебив полную гордости и напыщенности тираду Гугалана. — Кто-нибудь из царства мано, например?

— О, тебе они понравились? — широко улыбнулся Калану. — Нашли общий акулий язык?

Я и сам вспомнил, что по официальной версии Кайл вместе с Авророй посещал царство мано, и всерьез испугался за здоровяка. Как он выпутается со своей природной грацией так, чтобы не вызвать подозрений у хитрого Калану и вредного Гугалана?

Аврора тоже повернула голову в сторону нашего друга, но о чем она думала, как обычно, было невозможно сказать: фасеточные глаза, знаете ли, очень удобная вещь. А Кайл преспокойно принялся выковыривать из зубов мелкую косточку и как бы, между прочим, ответил:

— Да, они показались мне интересными. Поэтому я и спрашиваю.

Довольно неплохо…

— Они не пытались проверить, как ты умеешь плавать? — со смешком продолжал спрашивать Калану. — Это ведь их излюбленный способ приветствия.

— А ты видишь, чтобы у меня были мокрые волосы или что-то вроде этого? — непривычно резко отозвался Кайл. — Что за глупые вопросы! Мы просто поговорили, у нас было не так много времени на купания и прочее.

Только это уверенное и раздраженное замечание и заткнуло Калану, больше он этой темы не касался.

Но на этом испытания для нас не закончились. Едва мы вышли из столовой, как появилось двое похрюкивающих мюкль, которые разделились и резво повели нас в разные стороны. Значит, девочки налево, мальчики направо? Мы едва успели переглянуться с Джем, как она завернула за угол коридора и была такова. Сомневаюсь, что она сильно расстроилась, отделившись от нас.

А мы с Кайлом остались наедине. Если не считать безмолвное, непонятное существо, сопровождающее нас.

Всю дорогу до нашей новой комнаты я не рисковал поднять на здоровяка взгляд, вдруг заново осознав, что едва не убил его. Вернее, моя побочная сила едва не убила. Как тогда, с номером В19/2, Близнецом, из-за которого, по сути, вся эта заваруха и началась. Не очень-то удобно, когда твоя сила не делает различий между друзьями, знакомыми, незнакомцами и врагами, а просто отшвыривает и ломает кости всем подряд.

Под потолком коридора нас всю дорогу сопровождали голубые шары, и я поглядывал на них краем глаза. Значит, это тоже эйты? И что, их единственная функция это освещение? А про электричество они тут, я погляжу, не слышали? Эйты не устают говорить, что без них люди до сих пор катались бы на мамонтах и боялись

грозы, но сами недалеко ушли от первобытной сущности. К примеру — эксплуатируют своих безмолвных собратьев, обращаясь с ними как с предметом интерьера! Это нормально вообще?

— Эй?

Я резко остановился, когда понял, что едва не врезался носом в закрытую дверь. Мюкля поглядывала на меня снизу грустными глазками, морща пятачок. Я улыбнулся ей, не зная наверняка, поймет ли она это, и снова поднял голову. Мы стояли на пороге закрытой двери, и даже она сама выглядела лучше той, за которой мы ночевали сегодня.

— После вас, — я подмигнул Кайлу и сделал приглашающий жест рукой, пропуская его вперед.

Но он либо не понял меня, либо решил поддержать шутку.

— О нет-нет, только после вас!

И отступил назад, подняв руки ладонями вперед.

Конечно, можно было начать разыгрывать драму: «Нет, после вас, я настаиваю!», «Окажите честь, пройдите первым!» и закончить все толканием, смехом и дружным застреванием в дверном проходе. Но сейчас было не до этого, и я просто зашел первым.

Я понимал, Кайл просто испугался поворачиваться ко мне спиной.

Номер Л5. Кайл

Мне было не по себе находиться рядом с ним.

Честно говорю. Никогда ничего подобного не бывало раньше. Я только слышал от других, что они стараются обходить стороной Хэла и других таких же непредсказуемых дефектных. Я привык думать, что даже от меня можно ожидать куда более разрушительных действий, чем от Хэла.

И уж конечно не думал, что когда-нибудь я сам пострадаю от него.

Поэтому когда мы оказались с ним в одной комнате, я отошел как можно дальше от Хэла, стараясь вести себя как можно естественнее и громко восклицая как дурак:

— Ого, только посмотри, два матраца! У них тут еще не изобрели кровати? Хотя не буду жаловаться — у меня до сих пор все бока в синяках после прошедшей ночки. Нет простыней и одеял, зато есть подушки. Комната класса люкс. И здесь даже книжный шкаф…

Я уставился на книги, как будто решая, какую из них взять почитать, хотя закорючки на корешках не были похожи ни на одни буквы, которые были мне знакомы. Наверное, какой-то особый, эйтовский, язык.

Может, даже Хэлу он окажется понятен.

— Кайл.

Я внутренне сжался. Чувство было точно такое же, как на уроке, когда профессор называет твой номер, а ты не готов. Я обернулся к другу.

Хэл стоял у самого порога, перенеся вес на одну ногу, а пальцами сжимая рукава толстовки. По его виду не скажешь, что он готов убивать.

— Мне… мне жаль, что так вышло, — неловко признался он, не рискуя посмотреть мне в глаза. — Я не должен был злиться на тебя. Извини.

Несмотря на все проблемы и несправедливость, с которыми мне приходится сталкиваться, я редко слышу извинения и всегда больше сам извиняюсь перед всеми вокруг. Поэтому я почувствовал неловкость, но вместе с этим и огромное облегчение.

— Расслабься, чувак, все в порядке, — добродушно прогудел я, как будто это в самом деле было незначительной ерундой. — Я сам не должен был…

Я начал вспоминать, из-за чего вообще разгорелся весь сырбор, а когда понял, что это из-за какой-то уличной танцовщицы, то мне стало даже смешно. Хэл тоже наконец улыбнулся и оставил кофту в покое.

— Однажды я научусь обращаться с этой штукой, — он посмотрел на свои руки, как будто именно они были во всем виновны. — И тогда проблем станет меньше.

Он вдруг обернулся к двери, возле которой стоял, и отступил в сторону. В следующую секунду к нам постучали.

Может, Джем решила заскочить в гости?..

Но когда дверь открылась, на пороге показалась Аврора.

— Как вам комната? — дружелюбно поинтересовалась она, осторожно залетая в проем. — Я до сих пор не могу поверить, что господин Игиг поселил вас в какой-то каморке. Что за впечатление, должно быть, у вас сложилось о нашем мире и его обитателях! — она покачала головой, но быстро вернулась к своему ласковому тону: — Номер Л5… как ты себя чувствуешь?

Я был уверен, что она посмотрела при этом и на Хэла тоже, но сказать наверняка, конечно, было нельзя.

— Отлично, — бодро отозвался я, и тут уж совершенно точно Хэл глянул на меня. — Превосходно.

— Хорошо. — Аврора сложила ручки вместе, а затем быстро спросила, как будто боялась передумать: — Я подумала… Если у тебя есть желание, то я могла бы показать тебе царство мано. Как это и должно было быть.

Это слово точно пропустило через меня ток. Я напрочь забыл про Хэла и все, что произошло между нами. Мано! Неужели я все-таки увижу их? Смогу понять, что меня объединяет с ними?

— Я бы с огромной радостью! — тут же отозвался я, не в силах скрыть свое волнение.

— Идет один Л5? — уточнил Хэл.

Аврора кивнула и извиняюще сложила ладони вместе.

— Совет пристально следит за тобой, Т23. А если они обнаружат, что пропали оба твои друга, то точно начнут что-нибудь подозревать. Гугалан очень мнителен и ожидает удара со всех сторон.

Прямо как мой отец. Наверное, такая черта присуща всем людям и эйтам, занимающих правящее положение. Возможно, без этого им никак не обойтись.

— Я понимаю, — буркнул Хэл, и я догадался, что он немного обиделся.

Что вообще-то он сам хотел пойти посмотреть на мано вместе со мной.

— Спасибо, — склонила голову Аврора, а затем протянула мне тонкую, как палочку, руку. — Идем?

Кажется, еще до того, как мы полностью прошли через врата и тот самый Переходный Сад, который никто никогда не видел, я уловил запах моря. Может, мне лишь показалось, но в следующую секунду мы вышли к берегу океана, и все стало неважно.

Я люблю музыку, люблю хорошо поесть, люблю своих друзей и семью. Мне нравится играть в баскетбол и другие игры, а еще я обожаю животных. Но ничто в мире я не люблю так сильно, как море.

Врата были нарисованы прямо на каменистом утесе, который тянулся с одной стороны берега. Ниже была полоска серо-желтого песка, а сразу за ним уже плескалась вода.

На берегу никого не было, в море тоже. Волны беспокоил ветер, и они поспешно набегали на песок, чтобы разбиться и отползти назад. Их успокаивающий шорох звучал точно голос родного человека, которого давно не видел. Солнце все еще закрывало тучи, и возле воды было холодно и неуютно.

Но мне не было до этого никакого дела. Я сорвался с места и скачками побежал к воде. Ноги неуклюже вязли в песке, он быстро набился мне в кеды, но я едва ли обратил на это внимания. Я даже забыл про Аврору, которая осталась возле скал.

Вода притянула меня к себе как самый мощный магнит в мире. Волны нашептывали мое настоящее имя: «Кааайл… Кааааайл...», будто тоже радуясь мне.

Я остановился только на берегу. Волна подползла к моим ногам как послушный щенок, и осторожно обступила кеды. А затем отъехала назад, но ее место тут же заняла новая. В кружеве пены проглядывался странный рисунок, который раз за разом смывало водой.

Я смотрел вперед, невольно приоткрыв рот и вдыхая ароматы соли, мокрого песка, водорослей. В нескольких метрах от берега из воды торчали черные скалы ромбовидной формы. Но ни там, ни в самой воде, нигде на берегу никого не было. Где же представители этого загадочного царства мано?

Но даже если никто не захочет меня встречать, я все равно не расстроюсь. Кат Великий, я так давно не видел моря, что сейчас чувствовал почти боль от радости. Как тут хорошо. Ни прекрасное Озеро Грез, ни самый большой бассейн колледжа не сравнится с морем. Я скучал по нему. Мне так его не хватало.

— Привет, — сказал я и пошел вперед.

Я был в брюках и кедах, но меня это ничуть не волновало. Волны забрызгали меня до самого пояса, ткань прилипла к коже, и я весь покрылся мурашками. Наполовину от удовольствия, наполовину от холода. Стоит ли нырнуть? На мне была форма колледжа — брюки и рубашка, что, конечно же, совсем не походило на костюм для плавания. Но… я хотел попробовать. Пока я здесь, рядом с морем. Когда у меня будет такая возможность в следующий раз? И уж тем более, когда мне еще доведется поплавать в море эйтов?

Я начал расстегивать пуговицы на рубашке, но внезапно вспомнил про Аврору и резко обернулся назад.

— Госпожа…

Мой голос сорвался.

На пляже был я один.

— Госпожа Аврора! — крикнул я, смотря по сторонам.

Может, она просто отлетела куда-нибудь? Но куда, зачем? Может, она ушла в резиденцию, но скоро вернется за мной? Я не мог поверить, что она взяла и просто оставила меня здесь одного — должно быть какое-то объяснение всему этому. Но мне все равно стало не по себе. Кюруки знают, где находится царство мано и как оно далеко от резиденции совета.

Я подошел к рисунку врата на скале и рискнул дотронуться рукой до него. Ничего не произошло. Мои пальцы коснулись прохладного, шершавого камня, и все на этом. У меня не было той

эйтовской силы, как у Хэла, чтобы запустить врата. У меня лишь бесполезная акулья пасть.

— Госпожа Аврора! — снова позвал я, приблизив лицо к рисунку — может, так она услышит меня. — Госпожа Аврора!

Никто не отзывался и никто не приходил. Я стоял один на пустом берегу. Правда за спиной слышался плеск волн, а значит, я не был полностью одинок. И именно море не дало мне удариться в панику.

За мной все равно кто-нибудь вернется. Аврора, Игиг, Хэл или даже сам Гугалан. Они не могли просто взять и забыть про меня. А я пока вдоволь наслажусь морем.

Я разделся до трусов, оставил одежду на песке, а сам быстрым шагом вернулся к воде. Холодный воздух больно стиснул голое тело, и я вздрогнул. Надеюсь, не слягу с простудой на следующий день, хотя даже эта участь не отпугнула бы меня от воды.

Море успокаивало меня, нашептывая о том, что все будет хорошо, меня не кинули, меня кто-то любит, и всегда будет ждать. По-крайней мере, оно всегда ждало и любило меня.

Я зашел в воду, с наслаждением окуная руки. От соли немного пощипывало ссадины, но даже эта боль была приятна. Вода лизнула меня по груди, на которой до сих пор была шершавая пленка, и я ничего не почувствовал.

В воде всё всегда было так, как нужно, ничего лишнего, ничего неправильного. Оно всегда знало, что делало, и никогда не вредило без причины. Ему можно было довериться, что я и делал. Набрав полную грудь воздуха, я нырнул под воду.

Мне нравится это состояние, когда тебя со всех сторон окружает вода, и ты ощущаешь себя частью ее. Твое тело успокаивается и само располагается так, как нужно. Оно сливается с водой, дополняет ее, и сердце сжимает от радости, что тебя приняли.

Я открыл глаза, и их слегка ущипнуло. Море никогда не причиняло мне большого вреда в отличие от суши. Я огляделся и поплыл вперед.

Мутно-голубая вода становилась все прозрачнее, а может, мое зрение привыкало и лучше распознавало предметы. Дно было чистым, с редкими вкраплениями гальки и ракушек. Ни рыб, ни морских звезд, никаких других существ видно не было. Тем более мано, как бы они ни выглядели. Я заплывал все дальше, с интересом смотря по сторонам и лишь немного сожалея о том, что мои друзья никогда меня не поймут и не увидят всей этой красоты.

В нескольких метрах впереди появилась темная фигура. Я прищурился, гадая, кто бы это мог быть, и поплыл вперед быстрее. Правда без ласт или хотя бы перепонок между пальцев это было не так легко, но я старался. Фигура впереди меня еще некоторое время маячило на одном месте, а затем вдруг растворилась в толще воды. Я даже остановился от разочарования. Как бы я себе не нравился в воде — куда мне тягаться с морскими обитателями?

Я поднялся на поверхность, чтобы глотнуть воздуха и потереть глаза. Оглянувшись, с удивлением отметил, что берег остался далеко позади, а я сам уже поравнялся со скалами в воде. Я даже не заметил, что проплыл столько много. Может, здесь просто мелко? Моя кожа покрылась мурашками от воздуха, и я поспешил глубоко вдохнуть и вернуться в воду.

Блестящие пузырьки на несколько секунд окутали меня, танцуя, кружась и заслоняя собой все вокруг. Я улыбнулся, и мои губы сами собой расползлись так широко, как я никогда не позволял себе в колледже и вообще на суше. Но в море было самое место моему рту, и он это знал.

Когда все пузырьки улетели наверх, я пригляделся и вновь увидел чей-то силуэт в нескольких метрах от себя. Существо не то

играло со мной, наблюдая издалека, не то это были разные обитатели моря. Сложно сказать, как далеко он был — в воде все казалось не таким, как наверху, и нельзя было верить ни глазам, ни даже своему разуму. Я решил направиться вперед.

Мое тело, такое неуклюжее на суше, в воде проявляло себя во всей красе — я становился сильным, ловким, почти грациозным. Я отмечал, как оно инстинктивно двигается, принимая удобную пользу для плавания, как руки и ноги проталкивают меня вперед. Вот бы мне хоть немного этой ловкости в спортивном зале колледжа…

Существо впереди снова подождало, а затем быстро поплыло прочь и опять скрылось из виду. Оно просто надо мной издевается!

Я снова вынырнул наверх, хотя пока еще не почувствовал нехватки воздуха. Снаружи было холодно, и ветер так противно царапал голую кожу. Не став даже открывать глаз, я сделал глубокий вдох и вернулся обратно под воду.

Я спустился к самому дну, беря в руки ракушки и камни. Все здесь казалось настоящим сокровищем, и мне даже захотелось взять что-нибудь с собой на память, но я тут же отогнал эту мысль. Забирать из моря вещи — это все равно, что ввалиться в чужой дом и вытащить оттуда вазу или горшок с цветком.

Свет, проникающий через воду, рисовал тонкие квадраты на песке, похожие на черепаший панцирь. А если посмотреть наверх, то можно было заметить серые, слабые лучи, которые просачивались сквозь толщу воды, точно ниточки, палочки. Я поплыл дальше, держась ближе ко дну.

Давление на уши и виски внутри головы ослабло, и я перестал обращать на него внимание. Глаза больше не щипало, и вообще я

чувствовал полный комфорт, находясь здесь. Удивительное чувство.

Неожиданно я вновь заметил темную фигуру впереди. На этот раз она сама приближалась ко мне, двигаясь быстро. Я еще успел порадоваться тому, что здешний житель решил все-таки познакомиться со мной, как понял, что оно двигается чересчур быстро. Прямо в мою сторону. Было похоже на Йо-Йо, который скачками несется к тебе через парк. Я постарался отплыть в сторону, но тело внезапно обмякло и потяжелело раз в пять. Как будто я вмиг разучился плавать.

Мне стало страшно, и море это сразу поняло. Оно обиделось на меня.

Грудь сдавило, а перед глазами все расплылось в голубой туман. Я попытался выплыть наверх, загребая воду ослабшими руками, но тут существо на полном ходу влетело в меня, схватив за плечи.

Меня крепко удерживали под мышки и легко тащили за собой на дикой скорости. Только я этого не оценил. У меня сильно кружилась голова. Сдавливало виски, как будто кто-то зажал мою голову между коленей. Я попытался крикнуть — распахнул рот, и сотни белых пузырьков ринулись наверх, щекотно скользнув по лицу. Окей, зубы у меня может быть и акульи, но легкие-то точно нет! Я начал вырываться, а в следующую минуту меня обхватили крепче и вытолкали на поверхность.

Я выпал прямо на берег, кашляя и отплевываясь. Холодный верхний мир, Верхомирье, встретил меня недружелюбно, почти враждебно. Я вмиг замерз. Жесткий, колючий песок, злой ветер, даже воздух — слишком острый, обдирающий горло и лицо. Здесь мне не были рады.

Когда я немного продрал глаза и вспомнил, как дышать, то смог наконец-то увидеть того, кто вытащил меня на берег.

Человек стоял передо мной и смотрел, спрятав руки за спину. Я несколько раз моргнул, пытаясь понять, это в самом деле так или мне все еще кажется после воды.

Это была девочка, примерно чуть младше меня. Стройная, невысокая, со смуглой кожей оливкового оттенка и темно-коричневыми распущенными волосами. Из одежды на ней был только синий костюм, похожий на хлопковый комбинезон с шортами.

Она выглядела как самый настоящий человек. Но нет… это был не человек.

Я боялся поднять глаза выше, стесняясь рассматривать ее лицо. Но я знал, за те пару секунд, что успел посмотреть на нее, что с лицом у нее было что-то не то.

Так прошло около минуты. Я, стоя на четвереньках в песке, и странная незнакомка, эйталита, передо мной.

Ей первой надоела эта немая сцена. Она присела, упершись кулаками в песок, и заговорила:

— Здравствуй, половинка-мано. Что ты делаешь в нашем царстве?

И тогда я все же посмотрел ей в лицо.

Первое, что приковало мое внимание, были глаза незнакомки — неестественно яркие, нежно-голубого цвета с маленькими круглыми зрачками. Наверное, не было ничего удивительного в том, что у того, кто живет в море и в основном видит свет сквозь толщу воды, были такие красивые глаза. Манящие, как сам океан.

И только после этого я посмотрел на ее рот. На тонкие бесцветные губы, расползающиеся в широкой улыбке от уха до уха. В самом прямом смысле.

— Ты не понимаешь меня? — снова заговорила девушка, и острые треугольники зубов замелькали у нее во рту.

Губы то смыкались в одном месте и размыкались в другом, растягивались и задирались во время разговора. Неужели я так же выгляжу со стороны, когда говорю?

Я сглотнул, все еще чувствуя морскую воду во рту, и у меня наконец-то прорезался голос:

— Я… я понимаю тебя. Меня привела сюда госпожа Аврора. И ушла. Извини, — поспешно добавил я, не зная, куда девать глаза, чтобы не пялиться на лицо девушки. — Я не хотел беспокоить тебя.

Девушка засмеялась — как будто вода зажурчала. Но при этом зубов почти не было видно. У меня так не получается — уж если смеяться, так смеяться во всю пасть.

— Ты забавный, половинка-мано. Госпожа Аврора оставила тебя? Странно. Значит, у нее была причина на это. И ты не побеспокоил нас, ни капли. Я думала, тебе нужна помощь. У тебя же только зубы от нас, жабр нет?

Она вдруг подползла ко мне, и я чуть не упал назад от неожиданности.

— Я не сделаю больно, — предупредила девушка и взяла мое лицо в свои ладони, прижав кончики пальцев к вискам, а ладонями подпирая подбородок.

У нее были перепонки между пальцами, нежные и тонкие. Кожа оказалось приятной на ощупь — прохладной, но не холодной, мокрой или липкой, как могло показаться со стороны. От самой девушки пахло морской водой и немного водорослями. Мои самые любимые запахи.

— Замечательно, — прошептала она и вдруг коснулась большими пальцами моих губ, ощупывая уголки и зубы под кожей. Это

было немного щекотно, немного неловко и очень приятно. — Такая целостность и точность. До этого я видала лишь троих половинок-мано. У одного из них был большой рот, но человеческие зубы в нем. У другого была плохая кожа и дырявый рот. У него не вырастали новые зубы. А третий был с жабрами, но с обычным ртом.

Я почти не слышал ее, попав под гипноз морских глаз. Ее голос звучал ровно и успокаивающе — как шум волн.

Но тут ее взгляд опустился на мою грудь, и я с большим запозданием вспомнил, что меня сегодня здорово обожгло, и только забота докторши-эйты спасло меня от больничной койки. Я тоже опустил глаза, рассматривая себя.

Волшебная пленка никуда не делась, прозрачным щитом прикрывая багряное пятно ровнехонько посреди моей груди. Выглядело так себе, но самое главное, что я совсем не испытывал боли. Даже в соленой воде не вспомнил об ожоге.

— Тяжелый денек? — слегка улыбнулась девушка и резко опустила руки, убрав их с моего лица. — И все же, кто ты и откуда, половинка-мано? Не похож на здешних.

Я не имел понятия, вправе ли разбалтывать о том, что я, по сути, лишь пленник совета, вместе с супердефектным Хэлом и Джем с ее странными татушками. Но мне не хотелось лгать и замалчивать. Не люблю.

— Меня и моих друзей вчера доставили из мира людей к вам. Совет хочет проверить побочную силу моего приятеля после того… как она вышла из-под контроля. А госпожа Аврора решила показать мне царство мано. Но сама куда-то ушла.

Я замолчал, как обычно почувствовав себя немного неудобно, что говорю так много, и собеседникам приходиться пялиться на мой рот. Даже сейчас, когда у моей собеседницы был точно такой же рот.

— Показать тебе наше царство? — переспросила девушка. — Ты никогда не видел никого из нас раньше? А твоя семья?

Честно говоря, я не то что никогда не видел никого из мано, но даже с такой побочной внешностью, как у меня, никогда никого не встречал. Я так и ответил.

— Потому что это редкая побочная внешность, — с улыбкой (и не без гордости) ответила девушка. — Чаще людям перепадает что-то более бесполезное. Плохая, лысая кожа, горб вместо плавника, склеенные пальцы. Зубы — лучшее, что ты мог получить.

Да, кому-то — зубы, кому-то склеенные пальцы на руках. Я думал, что большой разницы между этими двумя уродствами не было.

Но Уолт знал разницу уже давно.

Я не знал, стоило ли ей сказать о моем брате, и все же решил промолчать. Уолту бы это не понравилось. Да и мне не хотелось говорить о нем, отвечать на возможные вопросы. Не хочу.

— Наверное, мне стоит вернуться в резиденцию, — заметил я, наблюдая за небом.

Кровавое солнце уже начало опускаться в море, мелькая из-за туч то одним, то другим боком. Ветер стал сильнее, а следом за ним забеспокоилось и море. Оно вовсе казалось черным вдалеке, как и тучи, и все это больше не выглядело дружелюбным. Мне было холодно, я проголодался и хотел оказаться дома. У себя дома.

— Твоей силы хватит, чтобы запустить врата? — спросила девушка-мано.

Я оглянулся на скалы. Один я бы ни за что не выбрался отсюда, даже если бы простоял возле рисунка всю оставшуюся жизнь.

— Нет, — негромко признался я. — Но может, госпожа Аврора…

Девушка уже поднялась на ноги и уверенно зашагала к вратам. Я поспешно вскочил следом, отряхиваясь от песка. Только сейчас я вспомнил, что оказался перед представительницей мано почти нагишом, но она не показала ни капли смущения насчет этого. Я оглянулся в поисках одежды и вскоре нашел ее. В нее забился песок, и она была сырой, мятой и холодной, но я все равно накинул на себя рубашку, не став возиться с пуговицами, и натянул брюки. Подхватил кеды, полные песка и поспешил к девушке и вратам.

— Я могу отправить тебя обратно, — объявила мано. — Ты пойдешь прямо сейчас?

Вот это я понимаю — прямой и практичный подход к вещам. И никаких недомолвок и намеков, как это любят люди.

— Да, пожалуй. Не хочу, чтобы меня искали.

Я поежился от мысли, что именно сейчас Гугалан и его шайка обнаружили, что меня нет, а Аврора изо всех своих сил пытается прикрыть меня. Скорее всего, именно поэтому ее и не было. Я сглотнул при мысли, что меня будет ждать при возвращении.

— Тебе здесь понравилось? — спросила девушка-мано, уже занеся руку над рисунком. — Может, когда-нибудь у нас будет больше времени, ты сможешь лучше все рассмотреть. Я бы хотела познакомить тебя с другими представителями своего царства. Ты бы им понравился.

У меня потеплело в груди и возле щек от ее слов. Меня еще никогда не приглашала к себе девушка. И тем более, никогда не приглашала, чтобы познакомить со своим народом. А я даже не знал ее имени. Или прозвища. Хотя бы номер!

— Было бы чудесно! А как тебя?..

— Тогда до встречи, половинка-мано, — она улыбнулась мне, не показывая зубов, а затем коснулась рисунка врат.

Я еще не закончил вопрос, как что-то сильное, невидимое и определенно волшебное втянуло меня внутрь, и девушка исчезла.

Номер К44. Джем

— Спасибо, — я обернулась и улыбнулась мюкле, которая проводила меня в новую комнату. — Она чудесна.

И я не преувеличивала. По сравнению с той дырой, где мы с мальчишками сегодня провели ночь, это место показалось номером класса люкс. Двуспальная кровать с тяжелым балдахином, отдельная ванная, стол, комод и даже полка с книгами. Пахло сладкими благовониями, а на стенах мерцало несколько подсвечников — и никаких голубых шаров. Сама спальня была просторной, с высоким потолком и большими окнами. Не знаю, кто выбрал для меня эту комнату, но спасибо ему.

Прежде чем маленькое существо ушло, я быстро вернулась к нему и присела рядом на колени. Осторожно и медленно протянув руки, я прикоснулась пальцами к тонким, подрагивающим ушам, и маленькие, совершенно черные глазки влажно сверкнули, смотря на меня. Нагнувшись так близко, что ощутила легкий, пряный запах от мюкли, похожий на имбирь, я услышала его частое, хрипловатое дыхание. Закрыла глаза и тихо-тихо прошептала в одно из нежных ушек:

— Приведи ко мне Игига.

У меня в комнате даже был собственный балкон — правда, крошечный, с холодным каменным полом и уродливой балюстрадой. Он выходил на оранжевые поля, стелющиеся за резиденцией, и где-то очень далеко за ними, на горизонте, торчали острые шпили домов. Но у меня никогда еще не было собственного балкона, хотя бы даже на один вечер, и я была счастлива как ребенок. Стояла здесь, оперевшись о перила и навалившись на них грудью, и смотрела вперед, как принцесса в замке. Холодный, пронизывающий ветер с запахом горьких, сухих трав, и сизые тучи дополня-

ли картину а-ля «Красавица в беде, где же прекрасный принц?» Никогда не любила подобные сказки в детстве, но сама оказалась в чем-то подобном. Вот такой парадокс.

— Что случилось?

Я успела забыть про него, и теперь резко обернулась назад, зачем-то одергивая юбку, которая слегка шевелилась от ветра. За спиной, в комнате, возвышалась могучая, широкоплечая фигура. Но это был не Кайл.

Я зашла в комнату и крепко закрыла за собой дверь на балкон. После этого проверила, хорошо ли заперта входная дверь. На всякий случай посмотрела по сторонам, убеждаясь, что здесь нет ни одного вездесущего голубого шарика. И только после этого я повернулась к пернатому эйту.

— Ты же их слышал. Какой-то дурацкий праздник завтра.

Игиг наклонил голову, не сводя с меня глаз. Как у всех хищных птиц, его взгляд был острым, неприятным и чересчур прямым. Мне кажется, что если бы горгульи колледжа были живыми, они смотрели точно так же.

— И что?

— Ну как «что»? Мне придется напялить на себя платье!

— Против этого я бессилен.

— Кугалунг! А как же мои…

Я резко закрыла рот, даже сама не поняв, чего испугалась больше: то, что назвала такую махину кугалунгом или то, что нас все же могли подслушать. Недолго думая, я чуть задрала левый рукав кофты.

— Сомневаюсь, что это будет вечернее платье с длинными, плотными рукавами, — буркнула я.

Первый розово-фиолетовый завиток татуировки кокетливо выглядывал из-под рукава и тянулся к моему запястью. И что в них

такого постыдного, что приходиться скрывать их от всего мира эйтов?

Игиг насупился, смотря на мои руки. Но для здоровяка он соображал довольно шустро.

— Я найду для тебя перчатки. Если спросят — скажи, что у тебя шрамы. Люди же скрывают их?

— Да, некоторые. Хотя не знаю. Ты объяснишь мне или нет, что в них такого?

Я опять не назвала это слово, лишь выразительно взмахнув рукой. Мне всё казалось, что меня разыгрывают. Или что в обществе эйтов неприлично появляться с татуировками. А я что, виновата в этом? Мои родители, как-то, разрешения у меня не спросили.

— Объясню, — холодно ответил Игиг, — но после праздника. У нас остается не так много времени. Когда будут получены разрешения от ваших опекунов, от вас с номером Л5 постараются как можно быстрее избавиться. Мне так кажется, — поспешно добавил он, не собираясь пугать меня. — А ты совсем не знаешь, что они означают? Никогда про такие не слышала?

Мне уже не на шутку было интересно, но я все равно не рисковала задирать рукава, чтобы как следует разглядеть татушки, как в первый раз. Может, потом, в ванной. А вдруг в них заключено особое послание, которое я, несмотря на все семнадцать лет своей жизни, так и не смогла прочитать?

— Не знаю, — резко ответила я. — А откуда должна была знать?

— Ты даже не знаешь, кто и когда тебе сделал их? Ты родилась с ними?

Кстати, насчет последнего — когда-то у меня самой были такие мысли, но затем профессор биологии под номером три сообщила,

что магия и технологии еще не дошли до такого уровня, но откуда она знает наверняка? Она всего лишь человек.

— Конечно нет, кугалунг. Их мне сделали родители.

Кроме этой, «официальной», версии, у меня больше никаких других не было. В моей жизни, знаете ли, есть много других вещей, которыми стоит забивать себе мозги. Странные татушки не из этой категории.

— Ты сказала, у тебя нет родителей.

Так, меня все больше и больше бесили узколобые вопросы этого пернатого! Но я проявила чудеса терпения — спасибо занятиям ингелой и медитации.

— Какой ты наблюдательный! Я что, по-твоему, из яйца вылупилась?

Кажется, получилось довольно грубо, если учесть того, что я не знаю, как появляются на свет такие, как Игиг и его брат. Кюрук, у меня уже голова шла кругом от всего этого!

— Я не думаю, что кто-то еще кроме моих родителей, мог сделать это, — медленно проговорила я, не глядя на эйта. — Но наверняка я, конечно, не знаю. Никто мне об этом не говорил. — Я немного помолчала, потому что не хотела продолжать, но затем все же призналась: — Меня нашли у порога колледжа, когда мне было несколько месяцев отроду. Мои руки уже были такими. Со мной никого и ничего не было. Меня просто подкинули.

Странное чувство стянуло кожу внутри носа, и воздух показался холоднее обычного. Я всегда избегаю говорить о своей семье, потому что… это же глупо. Зачем о ней говорить, если ее нет? И как можно грустить от того, что ее нет? Глупо. У меня сжало горло. Очень. Глупо.

— Мне жаль.

Я кивнула, по-прежнему глядя в другую сторону. Только сочувствия от бездушного существа из правящего совета эйтов мне и не хватало в этой ситуации. Уж лучше мюкли, чем он.

— Тебя нужно обнять?

Что-что? На всякий случай я отступила назад, готовясь, если что, врезать. Я не ослышалась?

— Чего?

— Тебя нужно обнять в такой ситуации? — Голые, без перьев, щеки Игига вдруг стали пунцовыми. — Люди же так делают…

Он почти извинялся — до того у него был сконфуженный вид. Но я продолжала занимать оборонительную позицию, готовясь в случае необходимости дать отпор. Кто-кто, а громилы с крыльями вместо рук до меня еще не докапывались.

— А эйты так не делают?

— Ну… да, конечно… в смысле… — Игиг почесал макушку, встрепав длинные серые перья. — Я читал, что у людей все проще. На уровне эмоций. И я вообще-то просто хотел показаться вежливым!

Теперь он сам постарался занять оборонительную позицию: как так, я тебе предложил свои колючие, пернатые объятья, а ты еще тут смеешь воротить нос! Я усмехнулась, не зная, как еще выразить свое возмущение.

— Мы что тебе, примитивные морские свинки? Думаешь, у нас все на уровне эмоций держится?

Игиг насупился, чувствуя себя виноватым и пристыженным. Так-то. Мне нужно оправдывать свое прозвище не только в стенах колледжа, но и даже в мире эйтов.

— Где ты это прочитал? — чуть мягче спросила я, потому что на самом деле стало интересно.

— Э… в книге… о человеческой психологии.

— Которую написал эйт?

— Конечно.

Я больше не могла злиться. Да тут впору было только плакать. Великие и мудрые эйталиты, без которых жалкое людское племя до сих пор прозябало бы в своих пещерах! Я взмахнула рукой, не в силах выразить и половину своих мыслей словами. Полный дурдом. Я даже растерялась.

— Хорошо, умница. Ничего не скажешь. Сам-то был бы не против объятий?

— Э…

Трансформация из хмурого и грозного человека-птицы в сконфуженного и неловкого подростка была уморительной. Жаль, у меня сейчас не было под рукой фотоаппарата Кайла.

— Смотря от кого. — Игиг виновато улыбнулся, смотря на меня сверху вниз. — Прости, не хотел обидеть. Эйталиты не так много знают о людях, на самом деле. Как и вы о нас. Говори мне, если я делаю что-то не так.

Мне хотелось ответить, что этак я охрипну, но пора было уже кончать с этой непринужденной болтовней. Я о чувствах вообще говорить не люблю и уж тем более со странными существами из правительства. Пора напомнить, зачем он сюда пришел.

— Так ты найдешь перчатки к вечеру?

Смущенный подросток за секунду превратился в серьезного человека-птицу с каменным лицом. Слишком резко.

— Найду, — кивнул он. — Тебе нельзя показывать свои руки. А потом я тебе все объясню — ты обязана это знать. И если не от своих родителей, то от кого-нибудь другого.

Кажется, в балконной двери были нехилые щели, потому что я вдруг жутко продрогла и даже крепко скрестила на груди руки,

сжавшись в один комок. Только бы он снова не предложил свои теплые объятья.

— Я могу навестить своих друзей? Куда их увели?

— Не советую выходить из комнаты. За вами следят, — понизил голос Игиг. — Просто подожди здесь. Осталось не так много времени, как ты думаешь.

Он развернулся, готовый уйти. А мне, значит, и шага отсюда ступить нельзя! И это, значит, называется «более гуманное отношение к нашим гостям»! Я быстро разозлилась, потому что это чувство было самым знакомым и понятным из всего того букета, что я ощущала рядом с этим эйтом.

— «Просто подожди»? Я имею право знать, что с мальчишками! И я не собираюсь сидеть в комнате, сложа руки, пока вы готовите против нас кюрук знает что!

Игиг остановился, уже взявшись за край двери. Не оборачиваясь на меня, он небрежно произнес:

— Все-таки эйталиты никогда не ошибаются. Вами управляют одни эмоции.

И он вышел, захлопнув за собой дверь.

Я попятилась и опустилась на холодную кровать. Спальня показалась больше, когда в ней осталась одна я, и светлее — никто больше не отбрасывал черную тень. А еще меня ударила по ушам внезапная тишина.

Неужели я когда-то хотела себе отдельную комнату в УКОГ, без соседей?

Я вспомнила Мелодию и Дарью, всех прошлых девочек, с которыми делила комнату. Он все казались мне такими одинаковыми и скучными, но они все успешно справлялись со своей главной ролью — они были рядом со мной. Благодаря им, я не чувствовала себя такой маленькой, такой одинокой и такой глухой, как сейчас.

Могла злиться и раздражаться из-за них сколько угодно, грубить, язвить и игнорировать. Но они были нужны мне. И сейчас тоже. Я скучала по колледжу, по своей комнате, соседкам. И даже — немного — по родителям.

На всякий случай оглянувшись по сторонам, я погасила почти все свечи, села спиной к балкону и осторожно задрала левый рукав кофты. В полумраке почти ничего не было видно, но я знала, что он здесь, и по памяти провела пальцем по зигзагу, который опоясывал всю руку, от запястья до плеча. Когда я была ребенком, то думала, что у меня просто такие пигментные пятна или даже побочная внешность — в УКОГе хватало людей со странностями. Я никогда не придавала своим татушкам большого значения, как не придают значения родинкам или чему-то еще естественному. Поэтому было так странно слышать, что в них заключена какая-то тайна или что-то еще, из-за чего ее нельзя показывать ни одному эйту.

Было жутковато думать, что существует еще что-то, чего я не знаю о себе. Но мне не хотелось узнавать об этом. Не сейчас, может через несколько лет, когда я точно буду готова. И от кого угодно, но только не от эйтов, которые ничего не понимают в людях. Сколько бы умных книг по психологии они ни прочитали бы.

Номер Т23. Хэл

Кайл вернулся ближе к ночи. Замерзший, в мокрой одежде, руки и ноги в песке. И очень тихий.

С ним залетела Аврора, которая прекрасно компенсировала молчание друга своим чириканьем. Я даже толком не вникал в ее болтовню, осторожно разглядывая Кайла. Когда она оставила нас, меня буквально ударило тишиной.

Кайл сел на постель и растеряно провел рукой по влажным волосам. Глаза смотрели в одну точку, но лицо было расслаблено, а губы даже чуть разомкнуты. В общем, у него был довольно туповатый вид.

Я стоял напротив, не зная, как лучше начать разговор (опять за этот день!) и раздумывая, стоит ли вообще тревожить здоровяка. Может, что случилось?

— Как прогулка? — осторожно спросил я. — Как тебя приняли мано? Или ты не видел их?

Может, вся причина в этом? Может, Кайл не понравился загадочным мано, кем бы они ни были? Я уже приготовился утешать друга, даже начал подбирать слова, как у Кайла прорезался голос:

— Там было море. Настоящее море и никого вокруг. Аврора вернулась в резиденцию, чтобы прикрыть меня, но она не знала, что я не смогу запустить врата. Она думала, что у меня получится. Она так извинялась передо мной…

Я нахмурился. Ничего не понимаю. Море, Аврора, врата… Что произошло-то?

— А что с мано? Ты их видел?

Кайл сглотнул и покачал головой, не поднимая на меня глаз.

— Но зато я видел море, — пробормотал он. — Удалось немного поплавать.

Я ободряюще хлопнул его по плечу и почувствовал, какая влажная и холодная на нем рубашка. Обидно, мне самому было бы интересно узнать, что из себя представляют мано. Но раз он особо не расстроился, то ладно. Море — это всегда хорошо.

— Здесь есть ванная комната с горячей, пресной водой, — заметил я. — Прямо королевские условия. Интересно, для Джем подобрали более скромный номер? Она же у нас совсем без побочной силы.

— Ты не видел ее? — Кайл наконец-то поднял голову и медленно встал, щупая на себе одежду.

— Нет. Я не выходил из комнаты. Не хочу попасться на глаза кому-нибудь из совета. Кроме Авроры, пожалуй.

— Ну да. Она очень мила. — Кайл поморщился и начал расстегивать рубашку. — Пожалуй, все-таки стоит принять душ. И смыть с себя морскую воду.

Он быстро улыбнулся мне и ушел в ванную. Я снова остался один, пытаясь понять, что меня продолжало тревожить. Что с Кайлом произошло, такое неуловимое на первый взгляд, но на что обратило внимание мое внутреннее чутье? Что?

Мне казалось, что я здорово устал, но на самом деле еще очень долго лежал без сна. Кайл заснул как убитый, и его храп, наверное, слышался по всему этажу. Но в целом в резиденции было тихо. Это не домик парней, который жужжит как улей круглые сутки, несмотря на комендантский час.

Я думал о том, что с нами сейчас было, если бы мы остались в колледже, в мире людей. Если бы ответ от эйтов пришел не так скоро, а, скажем, через пару месяцев или вовсе через полгода. Если бы вовсе не было той драки с Близнецом. Что с нами было бы?

Мы бы спокойно закончили обучение в колледже, вот что. Моя сила была бы все так же неуправляема и непредсказуема, и я бы в последнюю очередь думал о том, что только сами эйты могли бы сказать, что с ней не так. Джем и в голову бы не приходило прятать от кого-то свои татуировки. А Кайл не знал, что где-то обитает целое царство мано, на которых он похож своими зубами.

В чем-то Гугалан прав. Встреча с эйталитами перевернула наши жизни. Самый незабываемый и бесценный урок, который мы только могли получить. Их мир поражает воображение, их отношение оказалось не таким предсказуемым, как мы думали. Сами эйталиты были не уродами или монстрами, как про них говорили люди. Они — эйталиты. И во мне была часть от них.

Родители всегда говорили, что я особенный. И что это нормально. Ну и пусть в семьей больше не было «дефектных» — я не должен стыдиться своей силы. Не должен считать себя ущербным. И я придерживался этого принципа, что бы мне ни говорили остальные.

Я поднял руку. Вспомнил, как сегодня ударил Кайла и постарался отогнать эту картину. Я не отключился после вспышки, но мне тоже было паршиво. А уж оттого, что под горячую руку попал мой друг, паршиво было вдвойне — Джем тому свидетель.

Я напрягся, сосредоточился на обиде и злости, что так получилось. И в темноте моя ладонь слабо вспыхнула зеленым светом. Сияние шло из-под кожи и немного переходило на запястье, по венам. Сила эйталитов была со мной, она была во мне. И ей хватало незначительного повода, чтобы проявить себя.

— Выглядите так, словно только что с помойки.

Джем улыбнулась, так, как умеет улыбаться только она — насмешливо, при этом беззлобно и почти с нежностью. Сама она вы-

глядела как обычно, на мой взгляд. Только одежда больше не испачкана кровью и землей.

— И тебе доброго утра, — буркнул Кайл, потянувшись к вилке с ножом.

Мюкли привели нас в столовую, в которой нас уже ждала Джем, но еще не было никого из эйтов. Блюда стояли на своих местах — миска с салатом и чем-то, напоминавшем зеленые гранаты, и две тарелки с какой-то полужидкой кашей и ягодами темно-фиолетового цвета. Я сначала расстроился, что нас тоже решили посадить на вегетарианскую диету, но вскоре обнаружил, что каша очень вкусная и сытная, похожая на мясной паштет.

— Как спалось? — поддержал светскую беседу я. — Поди, страшно было совсем одной. Или тебе кое-кто составил компанию?

Я быстро переглянулся с Кайлом и решил, что мы оказались отомщены. Джем прикрыла глаза и… промолчала. Вот и думай после такого, как она провела ночь!

Кто-то зашел в столовую, и когда мы обернулись, то нам стало не по себе.

Это были Телем и Арей, и они сразу закрыли за собой дверь. Я напрягся, спрятав руки под столом. Мало ли, что этим двум взбредет в головы.

— Всем доброго утра и приятного аппетита, — негромко поздоровался Арей, не глядя на нас и сразу проходя к столу.

Телем следовал за ним стариковским, шаркающим шагом, и его странные очки как всегда были на нем. Мы перестали есть, с опаской наблюдая за ними. Игиг и Аврора нам симпатизировали, Гугалан был груб, а что ждать от этих двоих нам так и не было ясно.

— Сегодня в девять часов вечера после ужина начнется праздник, — заговорил Арей, заняв свое место. Его глаза смотрели рав-

нодушно и прямо перед собой. Прилизанные черные волосы слегка сверкали в свете огня из чаш. — Госпожа Аврора и господин Игиг помогут вам с костюмами.

Никто и не сомневался.

— На праздник будут приглашены представители разных царств и из разных сфер управления страны. Гости будут только из мира эйталитов, но мы надеемся, вас это не смутит.

Он говорил об этом сухо, как будто зачитывал доклад на собрании. Несмотря на интересную тему, меня тут же начало клонить в сон.

— Также сегодня во второй половине дня ожидается ответ от ваших опекунов по поводу проведения проверки. Особенно это касается номера Т23, конечно.

И опять я в центре внимания. Уже немного надоело, правда. Я едва подавил зевок.

— А если опекуны будут против? — неожиданно задала смелый вопрос Джем.

Телем, который уже вовсю завтракал, отложил вилку и негодующе почмокал губами. Но Арей был все так же хладнокровен и, потому, опасен.

— В таком случае мы немедленно отправим вас домой. Эйталиты никогда и никого не держат в плену против их воли.

Но мы сейчас находились у них в плену. Я задумался, ковырнув вилкой кашу. Чего на самом деле намеревались от нас добиться Гугалан, да и все остальные тоже? Хотят просто уничтожить нас? Использовать мою силу в своих интересах? Или мы задаром им не сдались, они просто расхлебывают жалобу мистера Директора и хотят, чтобы все было по правилам? Нет, в последнее не верилось даже при большом желании. Зачем бы тогда они потащили Джем и Кайла с собой? Явились раньше срока? Здесь не все так просто.

— Мда, времени у вас совсем мало, — заметил Телем, уминая свой завтрак. — Только пришли, а уже пора на выход. Только здесь, а уже там. — За его очками не было видно глаз, но я почувствовал на себе его взгляд, и у меня мороз прошел по коже. — Один тик-так, и жизни нет. Время вас ждать не будет. Тик-так, и все. Конец. Тик-так.

Его странный голос вкупе со странными словами звучал почти гипнотически. Ритмичные постукивания вилки о тарелку. Едва уловимый треск, как из старых часов. Тик-так, тик-так, тик-так… Я замер с вилкой в руке. Усыпляющий ритм, словно метроном, подстраивал под себя сердцебиение, и даже дыхание. Я попытался встрепенуться, вырваться из этой ловушки, но мое тело как будто только было радо попасть под чей-то ритм, отдаться в чью-то власть. Я сидел и смотрел перед собой в одну точку, и это тоже понравилось моему телу. Не нужно ничего делать, тратить энергию. Не нужно думать и чувствовать.

Мои мысли теперь тоже звучало размеренно. Четко. Подчинено. Правильно.

Тик. Так. Тик. Так.

— Будете помнить, если проживете, об этом дне. Всю свою оставшуюся жизнь, забыть не удастся…

Теперь голос Телема звучал более растянуто, тиканье стало медленнее, и веки начали опускаться. Я не мог сопротивляться, не мог даже шевельнуться. И моему телу только это и требовалось. Остаться, расслабиться, не со-про-ти-вля-ться...

Тииик. Таааак.

Т. И. К. Т. А. К.

Резкий грохот вырвал меня из равновесия и ритма. Я вздрогнул, уронил вилку и чуть не упал со стула. К горлу подступила тошнота, и я зажал ладонью рот. Кайл выбежал из-за стола.

Сердце бешено стучало, и кровь едва не пробивала виски. Руки дрожали, а кожа была холодной и влажной. Немного совладав с собой, я обернулся и увидел Гугалана.

Он стоял возле двери, сжав кулаки, и молча смотрел на нас всех.

— Что с тобой?

Я протер глаза и посмотрел на Джем. Она выглядела куда лучше меня, даже не побледнела. Она что, ничего не заметила? Я еще раз вытер лоб и посмотрел в дальний конец стола.

Арей исчез. Телем спокойно завтракал, не глядя на нас.

— Кат Великий, что это было? — прошептал я, разминая затекшее тело.

— Не стоит поминать всуе имя Его, — проскрежетал со своего места Телем. — Вы заснули, молодой человек, вот что это было. Полное неуважение и бестактность. А не допустили ли мы ошибки, пригласив вас на праздник? Стыда потом не оберешься…

Я не слушал его, пытаясь вспомнить, что случилось, и постепенно успокаиваясь. Вернулся бледный Кайл и плюхнулся на свое место. По нему сразу было видно, он тоже не врубается, что это сейчас было. Я посмотрел на Джем, и она пожала плечом, с тревогой смотря на меня.

Что, во имя Ката, это все-таки было?

Номер T23. Хэл

Я так и не нашел более-менее сносное объяснение тому, что случилось за завтраком. Ни я, ни Кайл, ни тем более Джем не смогли бы точно рассказать, что вообще произошло. А спрашивать об этом Арея или самого Телема, который явно был во всем замешан, желания не возникало.

Поэтому мы просто вернулись по своим комнатам. Но и тут нас не оставили надолго в покое. Откуда-то взялась Аврора, принеся с собой два дурацких костюма для вечеринки. Только представьте — брюки и фрак баклажанного цвета, белоснежная рубашка с длинными рукавами и туфли на небольшом каблуке! О кюруки, они тут рехнулись все! Я наотрез отказался напяливать на себя этот клоунский прикид, но Аврора просто ответила, что в таком случае я не смогу пойти на праздник — этикет и все дела. Поверить не могу, что пришлось сдаться.

Но, как оказалось, оно того стоило.

За всю жизнь я прочитал от силы книг пять, но зато могу похвастаться приличной библиотекой комиксов. Вообще, по моему мнению, книги полезны только в том случае, если нужно швырнуть что-нибудь тяжелое в кого-нибудь.

Но, несмотря на это, я имею некоторое представление о красивых историях. Сказках. Легендах. Учительница литературы под номером десять в средней школе часто включала через проектор разные экранизации. Многим учителям стоило бы взять с нее пример — через экран истории усваиваются куда проще, и мозги напрягать не надо. А уж яркие картинки колоритных героев я вовсе никогда бы не смог воссоздать в своем воображении, читая мелкие, черные буковки на желтоватых страницах.

К чему все это? Уже после того, как Аврора выдала нам с Кайлом по костюму и даже помогла справиться с некоторыми, особо сложными деталями, вроде бабочки и мелких пуговиц на манжетах, мюкли провели нас в главный зал на третьем этаже. И вот тогда я вспомнил все эти фильмы про королей, балы, Золушек и мушкетеров. Потому что это было похоже на фильм.

Золотой свет от сотни свечей, развешанных, расставленных, разложенных повсюду, но при этом никому не мешающих. Совершенно гладкие, натертые до блеска пол, стены и потолок — из одного и того же, белоснежного материала, похожего на жемчуг. Серебряный и синий рельеф на стенах, создающий причудливые картины, сюжеты, переходящие один в другой, словно фантазии из зимнего сна.

И это были лишь скромной рамой. Сама картина представляла собой букет насыщенного фиолетового и нежного желтого цветов. Пышные платья, длинные подолы пиджаков, шляпки и трости. Как будто живые цветы, гости медленно и степенно прохаживались по залу, разговаривали друг с другом, смеялись, поднимали бокалы. Никто из них не выглядел сейчас нелепо или странно, ни про кого язык не повернулся бы сказать «монстр». Это был высший свет эйталитов.

У меня голова шла кругом, я никогда еще не видел ничего более роскошного, чем это. Вечеринки и выпускные в колледже показались детским утренником по сравнению с этим царским балом.

— Ого, тут клево! — прочавкал Кайл рядом со мной.

Он уже набил полную пасть маленькими бутербродиками с неизвестной начинкой и заинтересованно смотрел по сторонам. В темно-фиолетовом костюме он смотрелся довольно комично, но

лучше уж так, чем в стандартной форме колледжа, в которой он бы точно выглядел здесь лишним.

— А где Дж… К44? — тихо спросил он у меня, закончив осматривать зал.

Спасибо, что додумался не произносить ее имя вслух. А вот нашей подруги и в самом деле нигде не было. Хотя лично я в бальном платье ее далеко не сразу узнаю.

Всего пару раз заставал Джем на торжественных мероприятиях в колледже. Каждый раз на ней было то же самое — короткое черное платье с открытыми плечами и серебряным значком УКОГа. Джем казалась в нем особенно низкой и старше, чем на самом деле. Но обеспечивать всех детей колледжа гардеробом из ста платьев было бы слишком, даже для такого престижного колледжа, как наш.

— Номера Т23 и Л5!

К нам подходил Калану с бокалом чего-то белого в крыле.

— Как вам вечер?

На нем тоже был надет фиолетовый костюм: гетры, узкие бриджи, рубашка с коротким рукавом, жилет, бабочка-галстук. С его лысиной, подслеповатым глазом и растрепанными перьями на крыльях, даже это смотрелось чуть устрашающе. Но, тем не менее, меня немного порадовала мысль, что даже такому задире, как Калану, пришлось облачиться в костюм. Что есть на свете вещи, которые имеют над ним власть.

— Скучно, — ответил я, прежде чем Кайл проглотил то, что держал во рту, и ответил, — поэтому странно увидеть тебя здесь.

Если парень-птица и надеялся, что я начну перед ним ахать от восторга, то вида не подал. Прихлебнул свое молоко и просто ответил:

— А я всегда посещаю местные вечеринки. Если тебя зовет кто-то из совета, то ты не имеешь права отказаться. А у меня в совете заседает брат, если вы помните, который считает, что я сдохну без этих карнавалов.

Он произнес это не очень громко, смотря то на меня, то на Кайла, и его взгляд был злым и твердым. Его в самом деле это бесит или он придуривается? И если да, то сколько еще злости и обиды на Игига он хранит в своей птичьей груди?

— Это вроде семейной услуги? — вмешался Кайл. — Он заботится о твоем досуге? Мой отец такой же, постоянно таскал меня на всякие вечера и мероприятия пока я не сбежал от него в колледж.

Он улыбнулся, но тут же вновь стянул губы вместе. Калану лишь мельком глянул на него, показывая, что ему его ремарки нисколько не интересны, и заговорил снова:

— Он не только обо мне печется. Здесь еще наша кузина. Вы с ней не виделись? Отлично, сейчас я вас познакомлю. Вы сами убедитесь, что такой тип, как я, это еще милый одуванчик в этом прогнившем букетике.

Следом за ним мы отправились на поиски странной кузины, лавируя между гостями, слугами с подносами и напольных ваз с цветами. Под потолком висело несколько чаш с пряными благовониями, и вскоре у меня начала кружиться голова от ароматов. Блеск вокруг, негромкие голоса и причудливые представители царств эйталитов словно перенесли меня в сон, всего лишь сон, слишком красивый и необычный для реальной жизни. Даже если я дотяну до сотни лет, то запомню все детали этого вечера.

Я не забывал поглядывать по сторонам, начиная почти волноваться за Джем. А вдруг эйты с ней что-нибудь сделали, разъединив со мной и Кайлом? Они могли даже взять ее в заложники или

выпытать что-нибудь про меня. Нужно узнать, где она. Желательно у кого-нибудь из совета, но чтобы это был не Гугалан, Телем или Арей.

Ближе к центру зала было как будто теплее и душнее, золотой свет слепил, отражаясь от серебряных подносов, очков и украшений. Он просачивался сквозь вуали и тонкие слои юбок, сквозь стекло бокалов и перья. Я до сих пор не мог поверить, что это я, что именно я нахожусь здесь, иду сейчас мимо всех этих эйталитов, киваю, улыбаюсь им, словно старый друг. Мне не было скучно или неприятно, что я здесь. Наоборот, я, как кусочек мозаики, встал на правильное место.

— Фурия! — позвал Калану.

К нам степенно развернулся эйт в желтом платье, и мне захотелось закатить глаза. Опять человек-птица! Сколько еще мне предстоит их вынести? В смысле, я не говорю, что все племя этих эйтов уроды — вон Игиг нам даже помог разок, — но они меня уже порядком начали бесить.

Хотя если про Игига и Калану еще можно было добавить часть «человек», то про это существо я мог сказать это с натяжкой. Она выглядела почти как настоящая птица, под полтора метра ростом, сплошь покрытая красно-рыжими, длинными перьями, и только ее лицо еще сохраняло черты женского лика. Как я уже заметил, на ней было желтое платье почти в пол, с короткими, полупрозрачными рукавами и туго затянутым корсетом. На лифе сверкали мелкие прозрачные камушки, высокий воротник обхватывал шею. Широкие крылья с жесткими перьями удерживали бокал с «молоком» и раскрытую книгу. Лицо было также покрыто перьями, но короткими, маленькими, как иголочки, обрамляющие крупные глаза золотого цвета и острый, прямой клюв. Выше лба они переходили в длинные, торчащие вверх красные перья.

Она немного напомнила мне девушку из колледжа, уже не помню ее номер и кличку. Ее побочной внешностью были перья — он росли у нее вместо волос. То есть, представляете: на голове вместо шевелюры — жалкие, короткие, голубиные перья. Вместо волосинок на руках и ногах пробивается цыплячий пух. Девушка была уродиной, грубо говоря, но она была такой классной, что возле нее вечно вились парни. Мне самому было интересно познакомиться с ней поближе, но шанса все не выпадало.

Кузина Калану напомнила мне ее своим отталкивающим видом, но горящими глазами, расправленными плечами и гордо поднятой головой. Она смотрела на нас снизу вверх, но создавалось впечатление, что стоит наравне.

— Как тебе вечер? — ухмыльнулся Калану. — Не вижу, что ты в большом восторге.

Девушка-птица закатила глаза и одним глотком осушила свой бокал. После этого икнула и наконец ответила:

— Игиг все еще думает, что нам тут весело?

У нее был низкий, хриплый голос с резковатыми нотками. Она больше не смотрела на своего кузена, в открытую рассматривая нас с Кайлом. Книгу она захлопнула.

— Наши важные гости, — с пафосом представил нас Калану. — Номера Т23 и Л5. Я уверен, ты о них уже слышала.

— Еще бы, — коротко отозвалась она, не отрывая от нас взгляда. — Странные у вас имена, конечно, ну да ладно. Фурия Пурпурион. Я должна сказать «приятно познакомиться» после этого?

— Не обязательно, — хохотнул Калану.

Фурия на секунду улыбнулась, прищурив глаза, и ее лицо тут же приняло прежнее, равнодушное выражение. Кайл задумчиво одернул манжеты и повернулся к Калану.

— Твое второе имя тоже Пурпурион, потому что вы одна семья?

Фурия удивленно округлила глаза, но ничего не сказала. Калану нахмурился.

— Э… чего? Нет, мы с Игигом из семейства Медуллин. А вы что, ребята, никогда не слышали о фамилиях?

Слово было знакомое, но все же я его не знал. Кайл тоже покачал головой, с любопытством смотря на Калану.

— Ну и ну, — фыркнула Фурия, принимая у официанта второй бокал. — Вы любопытнее, чем я думала. Как же вы определяете, из какой семьи человек?

Мы с Кайлом переглянулись. Мы не совсем понимали их, а они нас, и обе стороны это напрягало и одновременно с этим интересовало.

— По номерам.

— По номерам.

Теперь уже переглянулись кузены. Калану закусил нижнюю губу, которую и так почти не было видно, Фурия отпила из своего бокала.

— Понятно все с вами.

Я почувствовал себя немного ущербным после ее ответа. Что плохого в номерах? Чего в них такого странного или непонятного? Эта четкая система работает столетиями, и никто от нее еще не умер, не сошел с ума. В колледже у меня один номер, в школе был другой, при переписи населения мне дали третий, схожий с номером моих родителей. Все просто и четко, и мы хотя бы не светимся своими именами на весь мир.

Кстати, не боятся ли эйты открывать свои имена или это всего лишь прозвища?

— Ну и как вам здесь, парни? — Фурия сделала медленный глоток, смотря на меня и Кайла сквозь стекло бокала. — Поди, считаете нас сборищем уродов?

Она буквально прочитала мои мысли, но признавать это я, конечно же, не собирался.

— Что ты, красотка! Здесь супер! К тому же и у нас в мире попадаются нестандартные люди. Правда, дружище? — я ущипнул Кайла за щеку, немного оттянув его губы, чтобы было видно острые зубы. Он, правда, раздраженно отмахнулся от меня и потупил взгляд.

— Да, как бы наши миры не ратовали за чистоту, этого никогда не случится, — весело подхватила Фурия, теперь рассматривая Кайла. — Вы же знакомы с господином Ареем? У него замечательный пример чистой внешности человека и совершенной силы эйталита.

— Фурия! — коротко шикнул на нее Калану, здоровым глазом быстро смотря по сторонам.

— Идеальное сочетание, верно, волшебный мальчик? — продолжала она, не обратив на него внимания и теперь вовсю пялясь на меня. — Особенно чтобы жить в твоем мире. Я права?

Я не совсем понимал, к чему она клонит, а разнервничавшийся Калану сбил меня с толку. Но Фурии и не требовался мой ответ.

— Я отойду в курилку, — заявила она и сплавила пустой бокал официанту. — Это… круто было познакомиться с вами. Серьезно. Вы такие странные, и это классно. Не то сегодняшний вечер был бы просто потрачен зря. — На прощание она махнула крылом Калану. — А ты меня не видел. Не хочу встречаться с Игигом.

Она развернулась и степенно пошла прочь, и я слышал, как ее длинные когти скребли по полу.

— Куда она пошла? — нахмурил лоб Кайл.

— Выкурить, — ответил Калану, провожая ее взглядом. — Оказываясь в приличном обществе, Фурия берет от него все, что только можно, напиваясь и таская сигары.

— Но она любит читать?

— У всех свои дефекты. Когда-то она была так называемым книжным инквизитором — выискивала запрещенные книги и уничтожала их. Тогда и полюбила чтение. Вообще Фурия очень милая, — серьезно добавил он, посмотрев в ту сторону, в которую ушла его кузина. — Может найти что угодно и кого угодно. Настоящее сокровище.

Мы шли мимо гостей и официантов, и я, честно говоря, был бы не против поймать одного из них, чтобы тоже попробовать этот белый напиток. Притом у Калану, кажется, больше не было четкого направления, и он слонялся по залу как скучающий подросток. Я только собирался было спросить у него, что имела в виду Фурия, но меня опередил Кайл:

— Почему вы не любите Игига?

Калану резко обернулся к нам, едва не сбив плечом какого-то эйта. Его лицо застыло на пару секунд, но затем он смог расслабиться и подошел к нам поближе.

— Да как его вообще можно любить? — со смешком ответил он, и его взгляд был холоден, как камень. — Вы вообще знаете, о ком мы ведем речь?

— Игиг, — четко произнес Кайл, смело смотря на него. — Вы с Фурией завидуете тому, что он занимает место в совете?

Он постарался произнести это не очень громко, но это же был Кайл — с его огромным ртом все казалось чересчур громким. Калану нахмурился, взял нас под руки и быстрым шагом повел куда-то к стене. Его жесткие перья кололись, а под ними ощущались крепкие мышцы, и вообще я едва успевал перебирать ногами.

У стены стоял небольшой, но чересчур изящный розовый диванчик, украшенный подушками, и фигурными изгибами на спинке и подлокотниках, и золотой вышивкой на обивке. Тут сидела полненькая дамочка в очках, пьющая голубой коктейль через трубочку. Калану бесцеремонно толкнул нас на этот игрушечный, женский диванчик, а затем склонился над дамой.

— Добрый вечер, мадам, не можете ли оставить нас наедине? — прямолинейно попросил он.

Мне отчаянно захотелось, чтобы дамочка отказалась, и этот неприятный тип не смог бы сказать нам то, что он собирался. Но она поспешно поднялась с места и… воспарила в воздух! У нее не было крыльев, но она легко плыла над полом, мелко перебирая короткими ножками. Послав на прощание воздушный поцелуй, она взмахнула желтым подолом платья и исчезла в толпе. Калану плюхнулся рядом с нами и наклонился поближе, чтобы мы хорошо его расслышали. Ух, будь проклят Кайл с его акульим ртом!..

— Так, ребятки, сейчас я скажу вам то, что вы не знаете и ни от кого больше, кроме меня, не узнаете, — торопливо зашептал он. — После этого вы больше не будете задавать кугалунгские и опасные вопросы. Хотя, на что я рассчитываю?..

Он мотнул головой молчаливому официанту, который приметил нас и начал подходить ближе. Поняв его, он тут же развернулся и ушел. Калану продолжил, не сводя с нас свой неприятный взгляд, и его мелкий рот шевелился, как будто он что-то быстро пережевывал:

— Это я должен был занять место в совете эйталитов после… неожиданной гибели нашего отца. При таких трагических обстоятельствах власть традиционно передается по наследству, а я был его старшим сыном.

Он замолчал ровно на пару секунд, давая нам с Кайлом переварить эту новость, и тут же его рот-клюв задвигался снова:

— Я отказался, потому что участвовать в собраниях, совещаниях, ходить на встречи, принимать приглашения, разбирать вопросы… да даже просто участвовать в сплетнях — это не про меня. Фурия могла попробовать забрать это место себе, но она не подумала даже пытаться, потому что тоже ненавидит все это. И только наш гордый младший братец бросился к освободившемуся стулу — ведь только так он мог добиться того, чтобы на него не смотрели сверху вниз. Мы не ненавидим его, не презираем, не завидуем, но и полюбить не можем. — Его голос понизился до свиста, а левый глаз закатился под самую бровь. — Держитесь от него подальше — он ужасно любит втираться в доверие. Но все знают, что он душу готов продать своему любимому совету — только бы его уважали наравне со всеми. Но Кат видит, что этого никогда не случится. Гугалан вон ждет не дождется, когда он оступится, чтобы вышвырнуть его прочь.

Для пущего эффекта Калану еще некоторое время молча смотрел на нас, не отводя глаз, а затем вскочил на ноги, делая вид, что ничего не говорил и вообще он тут случайно оказался.

— Рад был бы погулять с вами еще, ребятки, — насмешливо протянул он, выискивая кого-то взглядом в толпе, — но дела ждут. Еще свидимся.

Он шаркнул когтистой лапой и был таков.

Мы с Кайлом переглянулись, наблюдая за озадаченными лицами друг друга. Я заговорил первый, пока друг не успел даже открыть рта:

— Я догадывался об этом.

Меня не так сильно волновало, что именно, но я был рад найти официальную причину своей неприязни к хмурому эйту. По Игигу

сразу было видно, что он хотел ухватить больше, чем мог удержать, быть везде первым, в курсе всего и следить за всеми одновременно. Это не могло не раздражать. Теперь я был готов больше симпатизировать Калану, чем ему.

— А мне кажется, Калану все-таки немного завидует брату, — тихо поделился своими мыслями Кайл. — Как-то… мне не по себе рядом с ним.

— Если тебе не по себе рядом с ним, то это не значит, что он неправ, — заметил я, отвлеченно наблюдая за одной гостьей, которая направлялась в нашу сторону. — Мне кажется, там нечему завидовать.

Кайл хотел возразить что-то еще, но увидев ту самую гостью, беспардонно разинул свою пасть от удивления. У меня самого округлились глаза, и странно пересохло в горле.

К нам подошла Джем. Но какая Джем!

Длинная, почти до самого пола, легкая юбка платья прикрывала ее сильные,но не очень прямые ноги, золотой корсет подчеркивал подтянутую талию и приподнимал грудь. Розовые, с фиолетовыми прядями волосы были завиты изящными локонами, а на лице, впервые на моей памяти, был макияж. Ее ручки казались тонкими и хрупкими, одетые в темно-коричневые перчатки почти от самых плеч.

Она подошла к нам, цокая каблучками золотых туфелек, и встала неподалеку, нервно сцепив пальцы обеих рук вместе. Прядь волос не то случайно, не то все же специально упала ей на лицо, прикрыв один глаз, зато второй смотрел на нас чуть ли не кокетливо. Я слабо почувствовал приятный, сладковатый аромат, и мне страстно захотелось подойти поближе к ней.

О да, мы с Кайлом не могли отвести от нее взгляд. Джем была такой знакомой и в то же время — такой взрослой, такой красивой,

такой потрясной. Мне даже стало немного стыдно от мысли, что на самом деле она всегда так выглядела, но я только сейчас смог это увидеть.

Кайл громко сглотнул, сделал вдох и уже почти заговорил, как Джем резко перебила его:

— Вы выглядите отстойно в этих костюмах.

Некоторые вещи совсем не меняются, в какую упаковку их не заверни.

— Спасибо! — довольно гаркнул Кайл и покраснел, поняв смысл ее слов. — Э… ты тоже ничего.

Джем фыркнула и подтянула перчатки повыше, боясь, что они сползут.

— Это самый позорный вечер в моей жизни. Я чувствую себя отвратно! Хорошо, хотя бы вас смогла найти.

Я усмехнулся, понимая, что вся магия вокруг нее рассеивается, и передо мной снова стоит моя старая подруга. Чтобы окончательно вырваться из ее чар, я позволил себе непривлекательно потянуться, зевнуть и самым развязным тоном сообщить:

— Тебе не мешало бы привыкнуть. Этот образ тебе идет гораздо больше. Без макияжа и нормальной прически ты и на девчонку-то толком не похожа. — Я неожиданно вспомнил кое-кого и продолжил: — Помнишь Мимозу из колледжа? Она настоящий пример для подражания в шмотках. Может, даст тебе пару советов, когда вернемся. Возьмет над тобой шефство. Как знать, возможно, ты бы уже парня себе нашла, если бы почаще надевала что-то подобное.

Кайл оглянулся на меня, и оскалился, выражая досаду. Почти сочувствие. Почти-почти страх.

Джем резко выпрямилась, смотря на меня во все глаза. Она больше не выглядела загадочной и очаровательной, как в первые

минуты. Просто девчонка, которой впервые в жизни помогли накраситься и накрутить волосы. Растерянная, неловкая и чужая на этом празднике. Всего лишь Джем.

Она вдруг быстро подошла к нам и ни с того ни с сего залепила мне пощечину, которую совсем не смягчила бархатная перчатка. Ее глаза полыхали яростью, а щеки покраснели и без всяких румян. Она хотела что-то сказать, но передумала, и вместо этого просто развернулась и быстро пошла прочь. Кайл схватил меня за руку.

— Ну зачем ты наговорил ей про это? — сердито проскулил он, глядя ей вслед. — Она же обиделась!

Я недовольно потирал щеку, почти недоумевая от того, почему хваленая побочная сила не успела защитить меня от этого.

— Обиделась! Я всего лишь дал ей совет! — огрызнулся я. — Если она сама не в силах открыть глаза на такие вещи, то кто-то же должен был это сделать. Я, конечно, понимаю, она росла без матери и сестер, но надо же иметь осведомленность в таких вопросах. А Мимоза ей вполне могла бы помочь — ты же знаешь Мимозу?

— Знаю, — сердито отозвался Кайл, продолжая смотреть прямо перед собой. — Но глупо их сравнивать. Они совсем разные. Кюрук, Хэл, ну что ты наделал? Я пойду верну ее.

И не дожидаясь моего ответа, он сорвался с места и устремился вперед. Ну кто бы мог подумать? Зачем идти за Джем, если ей сейчас надо побыть одной и принять к сведению очевидные факты? Она мне потом еще спасибо скажет. А пока с ней бесполезно говорить — раз она начала драться, значит, ее точно довели, и словами тут мало поможешь.

И нет, я не чувствовал себя виноватым, нисколько.

Я увидел Аврору в окружении двух эйтов, а она, заметив меня, сразу же направилась в мою сторону, осторожно облетая гостей. Юбка платья куполом поднялась вокруг нижней части ее тела, а тонкие рукава постоянно шевелились от взмахов крыльев. Ее сопровождающие тоже подходили ко мне, с любопытством поглядывая.

Один из них был в форме шара на коротких ногах, с маленькими ручками и зубастой пастью, почти как у Кайла. Единственный круглый глаз моргал над впалым носом, изучая меня. Его кожа была лысой, темно-бордового цвета, отражающая свет свечей.

Второй эйт по внешнему виду напоминал обычного мужчину, только он был довольно высок, держался очень прямо, а когда он подошел поближе, я заметил хвост ящерицы за его спиной. Его глаза были раскосые, совершенно черные и неподвижные, как у рептилий. Тонкие губы оказались чуть разомкнуты, и я так и ждал, что между ними покажется раздвоенный язык.

— Добрый вечер, — раздвинула свои челюсти в улыбке Аврора. — Скучаешь? Где же твои друзья?

— Отошли ненадолго.

Я поднялся со своего места и учтиво принял крошечную ручку Авроры, которую она протянула мне. На ней не было перчаток, как и на всех остальных женщинах и девушках в зале. Это Джем опять выделилась, наверняка, следуя приказу Игига. И что такого позорного в ее татушках? Это единственное, что хоть как-то выделяло ее среди остальных людей.

Я пожал руки незнакомым эйтам, а когда Аврора представила мне их, то тут же забыл имена. С кличками мне намного проще, а вот имена я всегда очень туго запоминаю. Да и еще такие мудреные, какие были у эйтов.

— Надеюсь, тебе понравится праздник. И сам мир эйталитов тоже, – тихо произнесла Аврора, плавно опустившись на диванчик.

Ее красивые крылья замерли, и я смог разглядеть каждую линию, каждую прожилку на них. Она не вызывала отторжения, несмотря на то, что, по сути, была лишь огромным насекомым. Рядом с ней я никогда не думал об этом. Зато братья Как-Их-Там-Фамилия напоминали мне о том, что они из рода птиц постоянно, как я только видел их.

— Мне очень нравится праздник, — честно признал я. — Никогда не видел ничего подобного. У вас часто такое случается?

— Реже, чем хотелось бы. — Аврора разгладила складки на платье, которое теперь опустилось, обводя тонкое, овальное тело. — Я очень рада, что нам позволили провести вечер в этот раз. Такие гости, как ты с друзьями, бывают у нас нечасто. Мне бы хотелось, чтобы вы подольше оставались у нас. А тебе? Т23, тебе бы хотелось узнать наш мир поближе?

У нее взволнованно светились изнутри фасеточные глаза, я и сам загорелся от этой мысли. Меня тянуло к эйтам, да, мне хотелось узнать их лучше. Мне хотелось познакомиться с их миром. Я был как будто…

— Ты связан с нами, — подтвердила мою слабую мысль Аврора, не сводя с меня глаз. — Я чувствую, что у тебя в роду были могущественные эйталиты, — продолжала она, не обращая больше ни на что и ни на кого внимания. — У тебя сильная магическая аура, Т23, ты способен на многое, ты можешь многое. Я вижу это по тебе, по твоим силам, я чувствую, что в тебе спрятаны более сильные способности, чем ты думаешь.

Она замолчала, переводя дух после этой пламенной речи. Глаза белым светом светились изнутри, ни на миг не упуская меня. Я

оказался точно загипнотизирован, а ее слова так и хлынули в меня, точно порция свежей магии. Вау. Это было очень красиво сказано. Очень сильно. И очень странно.

— Я… я… эээ… — только и смог промычать в ответ я, полностью разрушая весь этот образ сильного человека-эйта, каким меня сейчас нарисовала Аврора.

В это время наши сопровождающие (то есть, Шарик и Ящер) обернулись к кому-то и слегка поклонились. Я напрягся, ожидая увидеть Игига или еще кого из совета, но ко мне неожиданно подошел Кайл. Один.

Вот вечно Кашалот появляется не вовремя! Я округлил глаза, посмотрев на него, надеясь, что он поймет намек и уберется подальше. Но когда бы он понимал намеков! Кайл хмуро уставился на меня, не заметив ни Аврору, ни ее новых спутников. У меня самого вдруг стало тяжело на душе.

— Что там? — почему-то шепотом спросил я.

— Я нашел ее, — сухо обронил Кайл, к счастью, заметив, что мы не одни и не став разглашать настоящее имя нашей подруги, — но я опоздал.

У меня сердце так и ушло в пятки. Что там натворила Джем? Неужели мое замечание так сильно задело ее? Неужели из-за этого она что-то сделала с собой?

Нет-нет-нет!

У меня похолодели ладони, не только из-за пота, но и сама магия словно отхлынула назад, не в силах ничего с этим сделать. Я забыл, где я стоял, кто был рядом со мной, и слышал только частые удары крови в висках.

Я не хотел этого!

— Раньше меня ее нашел Игиг, — закончил Кайл.

Номер К44. Джем

Да как он мог, как он мог?! Как с его дрянного языка только могло сорваться подобное? Хэл в последнее время вообще красавчик, может гордиться собой до конца своих дней. Сначала едва не убил Кайла, а теперь так жестоко втоптал в землю меня!

А что я ему сделала? Ну что я ему сделала? Назвала его клоуном? Но он прекрасно знает, что это я, искренне любя его, это почти синоним слова «дорогой» в моем личном словаре.

И, возможно, я еще бы пережила, если он бы сказал только про меня. Но нет же, он ни к месту приплел сюда еще Мимозу, которая вообще осталась в другой реальности! Ну вот ради чего? Он же знает, как она мне не нравится! Зачем так специально? Зачем это все?

Я даже не помню, как ударила его — да и разве это был удар? Только слабые девчонки отвечают так на оскорбления парней — сильные просто разворачиваются и уходят. Иногда сломав перед этим пару ребер.

Но что это, пощечина? Как унизительно. Я как будто опустилась до его уровня, показывая: «Ах, я такая нежная леди, как ты смеешь так говорить при мне? Получай шлепок по щечке!» Я должна была ответить в своем фирменном стиле — уколоть его за слабое место так, чтобы это он сейчас чувствовал себя так погано в душе, а не я!

Стараясь идти возле стены, чтобы попасться на глаза и задеть как можно меньше народу, я сама не понимала, куда направляюсь. Уйти с праздника, только появившись на нем? А вдруг члены совета заподозрят неладное? Я и так им как бельмо на глазу — у Хэла в руках настоящая магия, у Кайла острые зубы, а они даже про мои татуировки не знают. Наверное, только и думают о том, как

бы избавиться от меня. И если сейчас они попробуют придраться ко мне… Хотя пускай делают все, что им вздумается — это уже проблемы Хэла. А я хочу домой. Если кто-нибудь из совета сейчас заметит меня, то я прямым текстом попрошу, чтобы меня отправили обратно в УКОГ. Я обыкновенный человек, зачем я здесь?..

— К44!

Так странно слышать свой номер в таком виде — не в колледже, не из уст профов или на худой конец студентов, которые меня не знают. И притом, из его уст.

Я остановилась, слушая за спиной торопливое цоканье когтей, сопровождающееся скрежетом по полу. Ого, я уже начала различать его походку…

— К44, все хорошо?

Меня накрыла тень, точно рядом со мной выросла гора. Я усилием воли не подняла голову, и еще ниже опустила глаза. До чего мерзко, когда тебя видят в таком виде, с таким настроением, как у меня сейчас. Но его появление было словно ответом мне от самого Ката. Ты хотела домой, Джем? Давай, вперед!

— К…

— Мне нужна твоя помощь, — перебила я и подняла голову.

На Игиге был такой же фиолетовый костюм, как на всех мужчинах в зале. Как на Хэле и Кайле. Опрятная жилетка с милым кармашком для платка, белый воротничок-стойка. Длинные перья на голове зачесаны назад, и только несколько коротких, возле лба, выбились и задорно торчали вверх. Бледная кожа эйталита казалась серой, как у трупа, на фоне яркого костюма, но глаза сверкали, и мне опять показалось, что он видит меня насквозь.

— Какая помощь?

Я вспомнила, что сегодня он мне обещал рассказать про татуировки. Мог ли он сделать это сейчас? Я не хотела уходить и навсе-

гда хоронить единственную тайну своей жизни. Кажется, кроме этого странного эйта из правительства никто больше не сможет объяснить, что не так с моими татушками. Потому что, кто знает, что будет, если я покажу татуировки кому-то еще?

Я глубоко вздохнула и без опаски посмотрела прямо в глаза Игига.

— Что я тут делаю? Почему я на этом празднике? Почему я в вашем мире? Во мне нет ничего магического или дефектного, совсем. Я здесь не нужна. Ты можешь отправить меня домой?

Последний вопрос я произнесла почти шепотом. Почему-то опять к глазам подкатили слезы. Я не осознавала, насколько жалко я смотрюсь здесь, пока не высказала это вслух. В лицо эйту из совета.

Самоубийца.

Мне на плечи опустилось широкое, длинное крыло, укрыв как плащом.

— Я никуда тебя не отправлю, пока ты не расскажешь, что случилось. Пойдем.

Вырываться, кричать и топать ногами у меня уже не хватило бы никаких сил. Я слепо потащилась туда, куда меня повели, старательно не глядя по сторонам. Раза два или три я споткнулась, и все больше и больше убеждалась в том, что не надо было хотя бы идти на этот праздник. Мальчишки прекрасно повеселились бы и без меня. Что они сейчас и делали.

Крыло мягко надавило на мои плечи, заставляя присесть на диванчик — на точно такой же диванчик, на котором развалились Хэл с Кайлом, когда я нашла их. Они и сейчас, вероятно, все еще там, болтают о своей глупой, мальчишеской ерунде и заглядываются на всех девушек, проходящих мимо…

— Так лучше. Теперь рассказывай.

Игиг пододвинулся поближе, рассчитывая на интимный разговор. Я в ответ отодвинулась от него на другой конец софы. Не хочу еще больше унижаться перед ним, жалуясь на то, какие все вокруг глупые и грубые.

— Ясно… — буркнул эйт, немного отстранившись от меня и откидываясь на спинку диванчика.

Он вытянул ноги. На них были узкие фиолетовые бриджи, которые задрались еще выше, когда он присел. Его ступни защищали странноватые гетры с маленькими серебряными застежками сбоку. Длинные пальцы с толстыми когтями замерли, немного растопырившись в стороны. Только правый палец на левой ноге все еще был связан со средним пальцем, и мне показалось, что он был более скрючен, чем остальные.

Я сглотнула.

— Что у тебя с ногой?

— Что? — Игиг повернул ко мне голову и несколько секунд соображал. — А, это? — он пошевелил левой ногой, сгибая и разгибая фаланги, но больной палец не двигался. — У нас легкие кости. Легко ломаются. Легко срастаются. У меня была не очень мягкая посадка дня за два до того, как пришлось лететь за вами. Ничего. Скоро заживет.

— Тебе не больно ходить?

Не то, чтобы я вдруг озаботилась здоровьем пернатого ворчуна, просто я не понаслышке знала, каково ломать себе что-то. Мне было пять, когда со мной решил поиграть наш прежний талисман колледжа, и это закончилось переломом руки для меня.

Еще мне стало стыдно, когда я вспомнила, что наступила ему на эту ногу. Я была напугана, зла, растеряна, но мой долг был оставаться спокойной и достойной своих друзей, а я повела себя

ничем не лучше мальчишки. Надеюсь, Игиг не держал на меня зла за это.

— Ничуть. Эйталиты производят защитную мазь, которая лечит разные болячки. Номеру Л5 ее нанесли на ожог, и он же не жалуется?

— Нет, — я попыталась вспомнить, как вел себя Кайл в последнее время, но слова Хэла заглушали собой все воспоминания о друзьях.

Как же я ненавижу этого кугалунга.

— Но хватит обо мне, — Игиг подтянул ноги и выпрямился. — Что успело случиться на празднике? Тебя кто-то обидел?

Я покачала головой. В ушах раздавался громкий смех Хэла. За что он так со мной?

— К44, я не смогу помочь тебе, если ты ничего мне не расскажешь, — заметил Игиг, вновь примерив на себя роль воспитателя. — Я не прошу выворачивать передо мной всю сущность наизнанку. Просто скажи, зачем тебе домой? И не надо мне про то, что ты обыкновенный человек.

Пока я подбирала нужные слова, он поймал пробегавшего мимо официанта и протянул мне бокал с белым напитком, который пили почти все гости. Не апельсиновый сок, конечно, ну и ладно. Я взяла у него хрупкий бокал и сделала резкий, большой глоток.

Рот обожгло острым, терпким вкусом, защипало язык. Я поперхнулась, закашлялась и почти выронила из рук бокал с оставшимся напитком. Игиг успел подхватить его и протянул мне белоснежный носовой платок. Приоткрыв рот, стараясь остудить язык и нёбо, я терла платком запачканный лиф платья и чувствовала себя полнейшей дурой.

Чем дольше я нахожусь на это вечеринке, тем делаю свою жизнь все хуже и хуже.

Я вздохнула и подняла на Игига глаза. Я не могла даже злиться на него.

— Прости, это какой-то ужасный день. Сначала странное утро, когда мальчишки чуть умом не тронулись. Теперь на вашей крутой вечеринке я совсем не к месту. — Я вернула платок и опустила взгляд. — И, кажется, я испортила платье. Я никогда не умела обращаться с ними как следует.

— Что произошло утром?

Я задумалась, вспоминая завтрак. Нам с ребятами осталось сделать вид, что ничего не случилось — ни Авроре, ни кому-либо еще не хотелось говорить об этом. Но Игиг… стоит ли рассказывать ему?

— Я не знаю, как объяснить. Нас как будто загипнотизировали. Притом мальчишкам вообще поплохело, а я вроде как легко отделалась…

Я умолкла, заметив на себе прямой взгляд пернатого эйта. Игиг в упор смотрел на меня, серьезный и строгий как всегда.

— Вы попали под влияние магии. Кто мог это сделать? Кто был с вами?

— Арей и Телем, — я сглотнула, запоздало вспомнив, что стоило бы добавить «господин», как их тут все величают. — Потом пришел Гугалан.

Игиг нахмурился и постучал пальцем-пером по тонкому стеклу бокала.

— Телем. Это он. Наверняка он попытался замедлить время, чтобы застать вас врасплох.

— Что? — я уже совсем забыла о том, что говорила Аврора в нашу самую первую встречу. — Замедляет время? Как это?

— У него большая сила: ускорять или замедлять часы жизни. Сейчас он уже стар и любая попытка подкрутить шестеренки сто-

ит ему его собственного времени. — Он поморщился и отдал бокал официанту, пока не разбил его. — Не очень понятно звучит, знаю. Представь себе, что время — это как страницы в книге, которую быстро листают. Телем может сделать так, что страницы будут переворачиваться медленнее. Только для него одного. Только ему на руку. Пока страница не перевернулась, он может успеть прочитать ее. Понимаешь, о чем я?

— Проще говоря, все равно, что медленнее крутить пластинку или переключить скорость на видеомагнитофоне, пока смотришь фильм, — поняла я.

Игиг раздраженно цокнул.

— Эйталиты прекрасно обходятся и без всяких технических штучек.

— Но что нужно было Телему? — я попыталась вернуть его к теме разговора. — Зачем ему нужно было замедлять нас?

Мне стало противно и страшно от мысли, что старик мог поставить меня на «паузу», а сам в это время беспрепятственно подойти ко мне, дотронуться… увидеть мои татушки…

— Полагаю, он хотел обезоружить тебя и твоих друзей. Посмотреть на вас вблизи. Может, просто проверял, как вы подвластны его магии. Говоришь, на тебя это мало подействовало?

— Да, кажется так. Я вообще почти ничего не заметила. А вот ребят сплющило. Они едва не отрубились. — Я нервно подтянула перчатки повыше и обвела взглядом эйтов вокруг нас. — Что Телем мог узнать из этого? И что он будет с этим делать?

Игиг опустил на меня взгляд, но потом быстро отвел глаза.

— Вам стоит быть предельно осторожными и без этого. Совет пристально следит за вами.

— Тебя тоже следует остерегаться?

Игиг коротко улыбнулся, не глядя на меня. Я заметила у него на переносице след от очков. Он часто летает куда-то? У него есть работа помимо здесь, в резиденции? Я так беззаботно с ним болтаю, а сама ничего не знаю об его жизни. О нем самом.

— Насчет этого решай сама, — ответил он. — Мне-то что? Могу уйти прямо сейчас.

Мне не хотелось оставаться одной, хотя еще пару минут назад я так не думала. Но серьезный и спокойный Игиг не походил на моих придурошных друзей. Он был взрослым, рассудительным и не считал зазорным успокоить меня. Этого мне часто и не хватало в моих мальчишках. Они лишь глупые подростки.

И только сейчас я услышала музыку. Или скорее почувствовала ее.

Не знаю, кто ее исполнял и на каких инструментах, но она была странной. Такой плавной, такой стройной — не музыка, а цельный кусок огромной, прекрасной материи, космоса, которая, извиваясь, опускаясь и поднимаясь вновь, окутывала меня, заворачивая в кокон. Нельзя было выделить один инструмент в ней или какой-то мотив. Она звучала идеально плавно и стройно, все отдельные звуки сливались в один сплошной поток. Это было больше, чем музыка. Собрание чувств, часть души, порыв хороших мыслей. Они проникли через мою стянутую корсетом грудь и нежно погрузили сердце в свой поток, а затем, по артериям, пробежал и наполнил все тело целиком.

Мне стало тепло, хорошо и спокойно. Как дома, как в кругу близких друзей. Выполнив свое дело, музыка словно стала тише, теряясь на фоне разговоров, стука каблуков и звона бокалов. Я подняла голову к Игигу, собираясь спросить, что это было, но не смогла и рта открыть.

Эйт смотрел на меня сверху вниз, и его темно-карие глаза светились изнутри, делая взгляд очень мягким и живым. Совсем не таким, какой должен быть у строгого члена совета. Как будто странная музыка стерла пыль и усталость, сделав все вкруг более ярким и настоящим. Его лицо, не совсем человеческое, смотрелось правильно и прекрасно, даже с этой запавшей нижней челюстью и острым носом. С бледной кожей, перьями на голове и тонкими губами. Он был идеален.

— Ты очень красивая… сейчас, — пробормотал Игиг.

И все волшебство мигом исчезло.

Я от души толкнула его в жесткий бок, и мне было совершенно все равно, эйт он, из совета или вообще дефектный.

— Все парни одинаковые! — воскликнула я, не в силах сдержаться. — Стоит натянуть на себя платье, как сразу становишься красоткой! До чего вы примитивные! Ненавижу вас!

Я ударила по крылу, которое Игиг собирался положить мне на плечи.

— Успокойся…

— Не трогай меня! Мне противно!

— К44, успокойся, — повторил эйт, упрямо не собираясь никуда уходить. — Я не хотел тебя обидеть. Ты красивая и без этого платья… в смысле, в любой другой одежде! — поспешно исправился он. — Я просто хотел подбодрить тебя.

— Комплимент не удался, — отрезала я, раздумывая над тем, как мне свалить отсюда. — Ты просил поправлять тебя, когда будешь нести чушь? Ну вот, это как раз такой случай.

Почему я до сих пор торчу здесь? Раз никто не собирается возвращать меня домой, я прекрасно могу отсидеться и в своей новой комнате. И никакая музыка, и никакой Игиг меня здесь больше не

задержат. Я резко поднялась на ноги и посмотрела по сторонам, пытаясь понять, где тут выход.

— Знаешь, это только особенность людей смотреть на внешность, — продолжал Игиг, заодно, кажется, решив похвастать всем своим племенем. — Эйталитам обычно все равно, потому что мы слишком разные. — Я опять обернулась к нему. — Сложно держать у себя в уме идеальный образ, когда вокруг столько разных форм и видов. У людей все проще. Вы все по одному подобию и привыкли оценивать окружающих, полагаясь на свои вкусы. Если человек под них не подходит, вы стараетесь его избегать.

— Это ты тоже вычитал в умной книжке по психологии? — едко поинтересовалась я, с сожалением смотря на толпу эйтов вокруг.

Злость опять улеглась, точно морская волна, оставив после себя только камни и соль. Они нещадно кололись и щипали ранки, но такой ярости на весь мир уже не было. Я опять опустилась на диванчик, почувствовав себя слабой. Злиться и негодовать на несправедливость и глупость окружающих не осталось никакого желания. А в словах Игига, кажется, даже присутствовала доля здравого смысла, но я слишком устала, чтобы думать об этом. Я просто хотела вернуться домой, в колледж Озера Грез.

— Нет, я это понял сам, — без тени гордости ответил эйт. — Это легко заметить. Ну что, ты чувствуешь себя лучше? Больше не думаешь, что я пытаюсь одарить тебя комплиментами?

Я не понимала, почему он сидит со мной, а не тусуется в кругу самых крутых и важных эйтов всех миров. Это Хэл и Кайл должны были быть сейчас на его месте. На худой конец, я должна была остаться одна.

— Немного, — в его тоне отозвалась я и резко откинулась на спинку диванчика, почти придавив ему крыло. — А ты еще не заскучал в моей невеселой копании?

— Твоя компания куда лучше моего братца и кузины, которые сейчас здесь.

— У тебя есть кузина…

Это был не вопрос, а скорее мои мысли вслух. Я покосилась в его сторону, но Игиг разглядывал гостей и не заметил мой взгляд. Ладно, чего еще я о нем не знаю? Я решила пойти напрямик.

— Твоя кузина выглядит как вы с Калану?

— Да. Но в ней меньше от человека, а перья красного цвета.

— Почему?

— Красного цвета?

— Да нет же! Почему в ней меньше от человека? Как это может быть?

— Со стороны ее семьи было больше эйталитов чем людей.

— Получается, что почти все эйты так или иначе имеют в себе кровь людей?

Мне наконец удалось полностью завладеть его вниманием. Игиг повернулся ко мне и немного нахмурился. Это сразу напомнило мне об его первом впечатлении: строгий, равнодушный и уставший от всего и всех бука.

— Вы что, совсем ничего не учите по истории? — загудел он. — Раньше люди и эйталиты жили вместе, и браки между ними были официально разрешены. Продолжался этот праздник несколько добрых тысячелетий. Но потом появился Гасфар, и эйталиты отделились от людей. Но это было больше ста лет назад, если ты знаешь. И неужели думаешь, что после такого остались чистокровные люди или эйталиты? Это невозможно.

В мире людей эйталитам старались уделять как можно меньше времени — их и так было слишком много в нашей жизни. Мы ничего этого не изучали. Профы по истории лишь упоминали, что всего сто тринадцать лет назад в мирах воцарился порядок, а до этого эйталиты и люди существовали в полном хаосе, вечно устраивая войны и козни против друг друга.

В словах Игига была логика, и я видела подтверждение ей. Вокруг себя, каждый день. Но почему тогда некоторых людей называют дефектными, некоторых бесполезными, если, по сути, мы все оказываемся дефектными? И эйты в том числе.

Я задала этот вопрос Игигу, и он не сразу смог ответить на него. Я думала, что он просто не знает, но оказывается, он старательно подбирал правильные слова.

— Это несправедливое деление на «чистых» и «дефектных» придумали те люди и эйталиты, которым это выгодно. Проще поставить клеймо «побочный и неправильный», чем постараться разобраться и подстроиться под особенности. Так всегда было и всегда будет. Одни пытаются выделить особую группу «элиты», а всех остальных запишут в недостойных или что-то в этом роде. Скажу больше, в некоторых кругах и твоего, и моего мира есть приверженцы мнения, что люди — это лишь одно из царств эйталитов. И хотя это лишено логики и здравого смысла, что-то в этом есть. Я, например, не думаю, что со временем нам всем удастся полностью очиститься от примесей. Так, во мне есть что-то от человека, а в тебе — от эйталита, и мы не можем быть полностью чужды друг другу.

— Но в чем моя «эйталитость»? — тихо спросила я, и невольно потерла руки по всей длине, через перчатки. — В... в татушках?

— Конечно нет. Здесь другое... я объясню тебе позже.

Я поежилась, больше не смотря на него. С одной стороны мне страсть как хотелось узнать, в чем провинились мои татуировки. Возможно, всплывут тайны из прошлого или откроется новая дорога в будущее. Я была обязана это знать.

А с другой, той самой неприятной стороны, мне не хотелось узнавать ничего важного, ничего, что разрубит мою жизнь напополам: на «до» и «после». Я хотела домой, и больше никогда и носа не показывать из колледжа. Это ради Хэла было все затеяно, он должен разобраться, кто он такой есть. А я-то тут причем вообще? Меня в принципе не должно было быть здесь, вместе с ними. Если бы Игиг не решил взять меня с собой, я бы осталась в мире людей.

Но почему он решил взять меня? Из-за тату?

— Ты можешь рассказать мне об этом сейчас? — набралась смелости попросить я. — А после этого отправить домой? Мне правда здесь нечего делать.

Крыло Игига слегка приобняло меня за плечи, как будто он решил, что я вот-вот подскочу и уйду.

— Сейчас не могу. Совет еще не держал слово перед гостями. И я не в силах отправить тебя обратно, даже если бы хотел. Мы еще не получили ответы от ваших опекунов. На данный момент ответственность за вас троих лежит полностью на совете. Понимаешь?

Я чувствовала себя как в клетке. Если даже всесильный совет эйталитов не мог вернуть меня в колледж, то какая сила в мире способна сделать это? Я слабо кивнула в ответ.

— Тогда договорились? Тебя проводить к твоим друзьям?

Я неожиданно вспомнила, что случилось менее часа назад, и поморщилась. Теперь это выглядело так незначительно и мелко по сравнению с тайной, которую я узнаю уже этой ночью, по сравнению с идеей об общности всех людей и эйталитов. Хэл еще такой

глупый подросток, он не любит думать о подобных серьезных вещах, хотя уже давно пора.

— Не сейчас.

Снова послышалась странная музыка, проникающая через кожу в кровь и нервы, ощутимая точно физическое прикосновение. У меня по спине поползли мурашки, и я крепче обхватила себя руками, стараясь не дрожать. Все остальные звуки, голоса отступили на задний план, почти исчезая, растворяясь в воздухе и пропадая навсегда. Я как будто оглохла.

Притом остальные гости не придали музыке никакого внимания. Правда, некоторые из них начали неуклюже двигаться, раскачиваясь и топчась на одном месте, а то и беря за руку другого гостя и начиная качаться вместе с ними в такт. Увидеть в этом танец можно было только при наличии большой фантазии, которой у меня не было, поэтому выражение моего лица выражало немалый скепсис. И это не могло остаться без внимания моего спутника. Игиг наблюдал за мной, немного прикрыв глаза.

— Ты же не понимаешь, что они делают?

Мне захотелось и ему врезать. Он совершенно точно знает, что я многого здесь не понимаю, так зачем постоянно указывать на это и издеваться?

— Танцуют? — хмуро спросила я.

— Не совсем. Это куда серьезней. Они сейчас друг с другом, вместе.

— Это и так ясно, кугалунг, — прошептала я.

Игиг тряхнул головой, приподняв перья.

— Ты не поняла меня. Они сейчас вместе, в прямом смысле. Вникают друг в друга. С помощью музыки каату-н. Сердца начинают стучать в унисон, дыхание совпадает, и на время они стано-

вятся как будто одним целым. У многих в это время появляются одни и те же мысли. Тебе такое не знакомо, вы так не делаете?

Я молчала, теперь внимательнее наблюдая за «танцующими». Со стороны они выглядели неуклюжими, едва знакомыми между собой, покачивающиеся в унисон. А на самом деле? Какого это, ощущать другого человека как часть себя самого? Какого делить себя с кем-то еще? Интересно, а у людей может получиться такое? Или это доступно тем, кто больше эйт?

— И зачем они это делают? — тихо спросила я, продолжая наблюдать за гостями. — Разве это не для самых близких лю… эйтов? Зачем мне становиться близкой с незнакомцем?

— Затем, чтобы узнать его. Это обычное явление здесь, только нужна музыка каату-н, божественная, без нее ничего не получится. Не хочешь попробовать?

Я попыталась отодвинуться от Игига подальше, но места на диване больше не было.

— С тобой что ли? Нет-нет, спасибо, как-нибудь обойдусь.

Игиг улыбнулся, ничуть не обидевшись.

— Вообще-то я имел в виду твоих друзей. Это помогло бы тебе помириться с ними.

Слишком плохо он меня знает — за час я еще не успела простить нанесенной мне обиды и самой же возвращаться к Хэлу. С помощью музыки или нет, но я сейчас никуда и ни к кому не собиралась идти.

Я старалась подобрать правильные слова, чтобы объяснить это, но в то же время, чтобы не выглядеть типичной обиженной девушкой, которая упряма как коза и считает, что все парни мира перед ней провинились. Но тут послышался голос Гугалана, и вся необходимость в этих объяснениях отпала сама собой.

Эйт из совета уже стоял на небольшой сцене в конце зала, а гости торопливо собирались вокруг него. Мы с Игигом тоже поднялись со своего места, но лишь из-за того, что все вокруг торопились туда, а не потому, что нам страсть как захотелось послушать Гугалана. Я заметила, как мой спутник снова стал серьезен и мрачен. Как всегда становился, стоило где-то неподалеку замаячить остальным эйтам из совета.

Каким бы он был, если не занимал место в правительстве? Доктором по человеческой психологии? Профессором истории? Проводником для тех, кто должен узнать о себе какие-то тайны?

А если бы он был настолько больше человеком, что жил в моем мире?..

— Уважаемые гости! — надрывался Гугалан, гремя своим голосом на всю резиденцию. — Я премного благодарен, что вы посетили нас! Большая честь! Давайте вынесем отдельную благодарность господину Арею, чья идея и собрала нас всех сегодня!

Раскрасневшись и взмокнув от пота, Гугалан повернулся и взмахнул ручищами, приветствуя Арея, который скромно поднялся на сцену рядом с ним. Пока все вокруг уважительно хлопали ему и склоняли головы, я повернулась к Игигу и тихо заметила:

— Гугалан не привык выступать на сцене?

— Это чересчур заметно, правда? — так же тихо отозвался он, наклонившись ко мне. — Только в зале совета он может уверено орать и стучать кулаками по столу. На публике он с трудом связывает пару слов вместе и…

— …а также господина Игига, который также присутствует здесь!..

Застигнутый врасплох, Игиг поспешно выпрямился, отстранившись от меня, сдержанно кивнул эйтам, которые все как один повернулись к нам. На нас со сцены поглядывали остальные чле-

ны совета, уже собравшись там. Гугалан напряженно следил за Игигом, и он начал торопливо прокладывать себе путь к сцене, ни разу не оглянувшись на меня.

В это время эйты не торопились отворачиваться от меня тоже, а продолжали с любопытством разглядывать. Может, у меня сползли перчатки? Я застыла на одном месте с неловкой улыбкой на лице, не рискуя даже посмотреть в сторону рук. Все, чего мне сейчас хотелось, так это исчезнуть.

— А теперь перейдем к главным гостям сегодняшнего вечера, — снова заговорил Гугалан и торжественно выкинул левую руку вперед. — Попрошу подняться сюда номерам Т23, К5 и Л44!

Он спутал наши с Кайлом номера и, фактически, меня на сцену сейчас никто не приглашал. Но гости продолжали смотреть и смотреть на меня, так что я почти обрадовалась возможности сбежать от них. Немного подобрав пальцами юбку, я двинулась вперед, задрав подбородок и стараясь не задерживаться взглядом ни на одном из всех этих странных, причудливых или выглядевших совершенно обычными эйтов. В голове промелькнула мысль, что все они имеет в себе частичку от обычного человека, и мне странным образом стало легче. Я быстро достигла сцены и уже через пару секунд стояла на ней, повернувшись к публике.

Рядом со мной встали Хэл и Кайл, причем последний стоял посередине, загораживая от меня главного виновника этого вечера. Здоровяк ежесекундно с тревогой поглядывал в мою сторону, и его тонкие губы дергались. Еще немного, он не выдержит и заговорит со мной прямо здесь и сейчас, при всех. Он думает, что я все это время просидела в одиночестве, глотая слезы и жалея себя? Он сильно ошибается. Я отвернулась от него и уставилась прямо в середину зала. Толпа расфуфыренных зевак, большинство из кото-

рых собрались здесь не по своей воле. Да это же просто студенты УКОГа на любом заурядном мероприятии! Я едва не улыбнулась.

— Какая честь принимать у себя таких редких гостей! — от голоса Гугалана за спиной у меня вибрировало в ушах. — Я очень надеюсь, что они задержаться у нас и смогут по достоинству оценить наш прекрасный мир эйталитов!

Зал взорвался аплодисментами, а Гугалан шумно выдохнул. У него в груди что-то хлюпало, и дышал он часто и громко. Я неожиданно увидела в толпе Калану, который стоял с эйтом, очень похожим на него внешне, но с красными перьями. Так это и есть его кузина?..

— Продолжаем веселиться, друзья, — Гугалану удалось немного выровнять дыхание. — У нас впереди еще целая ночь! А если у вас есть вопросы к нашим гостям, то вы можете поговорить с ними прямо сейчас! — Тут он спохватился и поспешно добавил: — Вернее, с номером Т23. У мальчика удивительные магические способности. Он почти полноправный член нашей большой семьи. К сожалению, его друзьям повезло меньше… вернее, вообще никак.

У меня не было желания обижаться еще и на его слова — я была занята тем, что мое присутствие здесь больше не требовалось, и я могла уйти. Что и поспешила сделать. Кайл, спохватившись, устремился за мной, но застрял в толпе, которая начала подходить к сцене ближе, намереваясь разглядеть Хэла и поговорить с ним. Оглянувшись, я увидела, что тот оглядывает гостей со смесью восторга и паники. Его щеки раскраснелись, глаза сверкали, а руки без конца одергивали пиджак. Вот и отлично, пусть наслаждается своим звездным часом по полной программе.

Я ушла почти до стены, где никого не было, и торопливо подтянула перчатки повыше. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь увидел мои татуировки там, со сцены!

— Испугалась?

Я ахнула от неожиданности. Рядом со мной самым магическим образом возник Игиг. Я не удержалась и толкнула его в бок — и все равно, член он совета или еще кто!

— Хватит меня преследовать, кугалунг! Я и без тебя прекрасно могу побыть одной!

На самом деле я ничуть не расстроилась, что увидела его. Просто не люблю, когда меня застают врасплох.

— И сама себе рассказать, что означают твои татуировки? — Игиг больше не улыбался и серьезно смотрел на меня.

У меня сдавило горло, и я испугалась, что меня вот-вот стошнит. Нет-нет, не прямо сейчас, не здесь, я совсем не готова!

— За мной, — эйт уже развернулся и торопливым шагом подходил к балконной двери, — боюсь, у нас больше не будет шанса.

Я помедлила, а затем снова разглядела Кайла, который не оставил попытки пробиться через толпу. Если он до меня доберется, то уже ни за что не отвяжется. Отвернувшись от него, я поспешила за эйтом. За спиной слышался взволнованный, высокий голос Хэла и мычание Гугалана, щебетание Авроры и гул гостей. Мои каблуки оглушительно стучали по каменному полу, выдавая мое местоположение, и я надеялась, что никто за мной не последует.

Игиг уже распахнул двухстворчатые двери, и меня окатило холодным, влажным воздухом, встрепав волосы и платье. На балконе было темно, пусто, неуютно. Даже золотой, теплый свет из зала не рисковал проникать наружу.

Игиг оглянулся на меня, ожидая. Его серые перья и кожа белели на фоне иссиня-черного неба и шевелились от ветра. По полу

пополз холодный воздух, и уже в следующую секунду распахнутую дверь могли заметить гости. Совет. Кайл с Хэлом.

Я коротко кивнула, и смело вышла из теплого зала навстречу холодной ночи. Игиг закрыл двери, и мы остались вдвоем в слепом и глухом мире.

Номер Л5. Кайл

Джем пропала. Пока я пробирался между гостей, она успела куда-то смыться, и я остался беспомощно крутиться на одном месте, не представляя, куда она могла уйти. Да и зачем ей понадобилось сбегать, она же видела, что я шел к ней? Странная она сегодня, да и Хэл от нее не отстает.

Я оглянулся на него. Его окружили эйты, и наш важный гость говорил с ними, отвечал на вопросы, а его глаза сияли от радости. Он не выглядел другим рядом с ними, смущенным, растерянным или напуганным. Он был на своем месте.

— Л5, все хорошо? — ко мне подлетела Аврора, отделившись от остальных гостей. — Ты кого-то ищешь?

Я уже открыл рот, собираясь рассказать, что Джем куда-то делась, но затем неожиданно передумал. А вдруг она что-нибудь заподозрит и передаст остальным? Конечно, она очень мила с нами, помогает, и защищает от нападок остальных членов совета… Но все же… Не знаю, почему я так подумал, почему не рассказал ей правду. Может, потому, что Джем приходилось прятать свои татуировки, и никто из нас не знал причину этого. А может, потому что Аврора все-таки была из совета, и это... ну... напрягало меня.

— Нет, я тут просто так, — пробормотал я, стараясь вести себя как обычно и совершенно непринужденно.

— А где номер К44? Она же только что была здесь?

Своими стрекозиными глазищами она все успела разглядеть! Я сглотнул и поспешно выдавил, усердно смотря в другую сторону:

— Она вышла в дамскую комнату!

Джем, прости меня за все!

Аврора кивнула, а я отвернулся, чтобы она не видела моего лица, и посмотрел на Хэла. Он продолжал разговаривать с гостя-

ми, а остальные члены совета стояли неподалеку, никуда не расходясь. Я неожиданно заметил, что Игига среди них не было. Он же только что стоял там, позади Арея! Поискав взглядом его высокую, широкоплечую фигуру, я быстро понял, что его здесь не было. Гости начали постепенно уходить от сцены, и теперь почти все из оставшихся толпились только вокруг Хэла. Нетрудно было заметить, что Игига не было – только его брат и кузина в стороне ото всех.

Я вспомнил, как увидел его вместе с Джем. Они сидели на диване и болтали как старые друзья. Это неправильно. Мы с Хэлом должны были быть с ней, а не какой-то ворчливый эйт, тем более из совета. А теперь тут не было ни его, ни ее, и вполне возможно они просто вместе куда-то ушли, вот так.

В груди стало тяжело и как будто тесно. Воздух в зале стал слишком горячим, как будто обжигающим горло и кожу внутри носа. Странное ощущение, не припомню такого. Я с трудом разомкнул стиснутые зубы, провел языком по острым кончикам. Почему я так напрягаюсь и переживаю из-за Джем? Она никогда в жизни столько обо мне не думала, сколько я о ней за одну только ночь. Да и что бы ни произошло, она со всем сумеет справиться, она же такая сильная. Даже без акульих зубов и побочной силы.

— Он хорошо держится, — тихо произнесла Аврора, тоже повернувшись в сторону сцены. — Кажется, ему даже нравится быть здесь. Он так свободно себя чувствует среди… других эйталитов.

Меня слегка встряхнуло это заявление, но еще недостаточно сильно, чтобы вытряхнуть из головы мысли о Джем и Игиге.

— Среди других эйталитов? Но он, Т23, не эйталит.

— Проверка все расставит по своим местам, — тихо и серьезно заметила Аврора, не поворачиваясь ко мне, но, возможно, наблю-

дая своими стрекозьими глазами. – Мне уже кажется, что в нем больше от эйталитов, чем от людей.

Я обалдел от такого смелого заявления, и Аврора повернулась ко мне полностью, готовясь спорить или доказывать свое мнение, не знаю. В следующую секунду послышались странные, булькающие звуки, как будто кто-то захлебывался. Пока я вертел головой, Аврора молниеносно устремилась мимо меня, бросившись к сцене. Ее крылья резанули воздух, точно сотня крошечных, но острых ножниц, сомкнувшихся в один миг. Я тоже поспешил туда, стараясь понять, что происходит.

Гугалан стоял у стены, опираясь об нее одной рукой, и захлебывался в кашле. Его могучее тело сотрясалось от приступов. Окружающие с опаской и беспокойством суетились вокруг него, но никто близко не подходил. Хэл прервал свою аудиенцию и теперь тоже смотрел в сторону эйта с долей отвращения. Я подошел к нему ближе.

— Господин Гугалан, что случилось?

Аврора единственная без опаски подлетела к великану и коснулась крошечной лапкой его могучей спины. Гугалан дернулся, отдышался и обернулся. Его лицо вытянулось от боли, крупные, желтые зубы были обнажены. Он по-прежнему дышал тяжело, с хрипами в груди, но на умирающего точно похож больше не был.

Он с нескрываемой ненавистью посмотрел на нас с Хэлом, а затем что-то тихо шепнул Авроре. Прекрасная эйта отшатнулась от него и в ужасе прижала руки к лицам. Гугалан твердым шагом прошел мимо нее и вышел из зала через заднюю дверь.

Все это было нехорошо. У меня мурашки по рукам бегали, и я подозревал, что над нами вот-вот развернется гроза. Мы как будто оказались в ловушке, запечатанные среди эйтов в их резиденции, в их мире.

— Нам нужно поговорить, — шепнул я на ухо Хэла, одновременно с этим одним глазом следя за другими членами совета. Игиг так и не появился, а, возможно, он был единственным, кто мог бы нам все прояснить.

Мы с Хэлом отошли от сцены и толпы гостей как можно дальше, встав у самой стены. Арей, Телем и Аврора собрались кружком и негромко переговаривались, Гугалан так и не возвращался, а гостям предложили новые напитки и закуски, спеша отвлечь их от всего происходящего.

— Что-то происходит, прямо сейчас, — зашептал я. — Джем и Игиг пропали, с Гугаланом творится что-то странное, Аврора несет какой-то бред, а нас держат тут как рыбок в аквариуме! Как думаешь, ты сможешь при необходимости тут все взорвать и вытащить нас обратно в мир людей?

Обычно, еще в колледже, мы легко понимали друг друга, почти без слов. Но сейчас все изменилось. И, как оказалось, очень сильно.

— О чем ты? — возмутился Хэл, отступая от меня. — Здесь прикольно! Эйталиты меня любят! А то, что Гугалан чем-то подавился, так, знаешь ли…

К нам очень близко подошла одна гостья, и Хэл умолк. А я был зол, что он только ищет повод отложить или вовсе закончить этот разговор, потому что его всё здесь устраивало! Стоило эйтам немного проявить внимания к нему и улыбнуться, как они тут же стали для него близкими друзьями! Я с раздражением повернулся к гостье, чтобы попросить ее уйти, но моя нижняя челюсть поневоле упала вниз, а в голове вмиг стало пусто.

— Привет, половинка-мано.

Та самая девушка с пляжа стояла рядом с нами и улыбалась, как всегда здесь была. Я поначалу глазам своим не поверил — как

она здесь оказалась? Почему совет пригласил именно ее? Неужели они что-то знали о нашей встрече? Но сейчас было не до риторических вопросов.

Вместо короткого, удобного комбинезона на ней пышное платье, как на всех девушках сегодня. Оно немного странно смотрелось на ней, как что-то чужое, нелепое и лишнее. Наверное, и она чувствовала в нем себя не очень комфортно.

Я резко выдохнул, понимая, что надо обязательно что-нибудь сказать, но голова продолжала оставаться пустой. Она здесь. Она меня нашла и узнала. Она заговорила со мной. Она здесь.

Тут голос прорезался у Хэла:

— Э, привет? Вот это встреча! — он присвистнул, разглядывая ее.

— Н-не ожидал увидеть тебя здесь, — пролепетал я, едва не откусив себе язык от волнения.

Я лихорадочно подергал тугой воротничок рубашки. В зале было невероятно душно, у меня щеки так и пылали, и вообще костюм вдруг стал очень тесен. Еще немного, и я задохнусь тут.

— Сюрприз, — девушка чуть сморщила плоский нос от улыбки. — Как тебе праздник?

Хэл громко вздохнул и посмотрел по сторонам. Он потерял к прекрасной мано интерес и успел заскучать. Я почувствовал себя немного неудобно и поспешил представить его.

— Праздник просто чудесен. Кстати, это мой друг, номер Т23. Слышала о нем?

Хэл вновь оживился, ослепительно улыбнулся девушке и подмигнул ей.

— Тот самый номерной маг, о котором все говорят? — мано слегка поклонилась ему, опустив взгляд. — Рада встречи.

— Номерной? — усмехнулся Хэл. — Как видишь. Красивая комбинация, правда?

— Меня зовут Мави, — четко произнесла девушка, смотря на него — Я еще никогда не встречала эйталитов… или людей с номерами вместо имен.

— Да? Тогда вот тебе еще один, — Хэл за руку дернул меня поближе к ней. — Его номер Л5, тоже неплох, а?

От толчка я едва не врезался в Мави, и даже без этого оказался так близко к ней, что снова ощутил запахи соли и водорослей. Но сейчас мы не одни на пляже, а на празднике эйтов и рядом со мной стоял Хэл. Мое лицо стало таким горячим, как будто вся кровь, которая только была во мне, прилила к голове. Я неуклюже отступил назад, едва не потеряв равновесие. Неуклюжий, потный великан — вот кем я был рядом с ней.

— Тоже номер? — переспросила Мави, не сводя с меня глаз. — Удивительно. — Она перевела взгляд на Хэла. — Честно говоря, я по-другому представляла тебя. Старше и… более заурядным.

Что она имеет в виду? На всякий случай я посмотрел на Хэла, чтобы убедиться, что он выглядит так же как и всегда. Каштановые, густые волосы, впалые серые глаза, тонкие руки и ноги. Я не эксперт, но на мой взгляд, внешность у него как-раз-таки и заурядная. Он не блещет особой красотой, никаких шрамов или родимых пятен у него нет. Нет у него и татуировок, как у Джем, и побочной внешности, как у меня. Он самый обычный парень с виду — так почему она с него глаз не сводит?

— И реальность превысила все твои мечты? — с улыбочкой уточнил Хэл. — Я вас тоже по-другому себе представлял, людирыбки. Думал, у вас есть жабры, чешуя или что-то вроде такого.

Я испугался, что девушка обидится на его слова, и поспешно заговорил, в то же время надеясь, что снова смогу обратить внимание на свою скромную персону:

— Здесь только ты или есть еще кто-то из твоей семьи… твоего народа… твоего вида?..

Но я как будто превратился в стену. На меня даже не посмотрели.

— У этих рыбок почти у всех есть зубы, — теперь Мави улыбнулась так, чтобы было видно, что она имеет в виду. — А ты чем можешь похвастаться, серединка на половинку?

— Я могу взрывать вещи, — Хэл сказал это с неизменной улыбкой, но его взгляд стал отстраненным. — И поджигать их… чаще всего случайно.

Он не посмотрел на меня, но я сам вспомнил о том, что случилось вчера, и тут же кожей ощутил пленку на своей груди под рубашкой. Ожог никак не беспокоил меня, спасибо той докторше. Но это не перечеркивает того, что произошло. Что он со мной сделал.

— Мы с тобой просто огонь и вода, — Мави тихо засмеялась. — Мне бы хотелось увидеть твои навыки воочию, я уверена, это завораживающе. И ты кажешься более интересным, чем кто-либо, кого я встречала за последнее время. Но… — она помедлила, и на несколько секунд отвела взгляд, уголки широкого рта опустились вниз. — Ты же скоро уйдешь отсюда? Обратно в свой мир людей?

Хэл насторожился и внимательно посмотрел на нее в упор. Мави невинно хлопнула глазами в ответ. Он что, думает, что она допрашивает его? Работает на совет? У меня уже давно шла голова кругом от усталости, блеска свечей, ароматов — и это еще притом, что я совсем не пил. Я ничего не соображал. Да этого и не требовалось — на меня все равно никто не обращал внимания. Я мог

делать что угодно и говорить что угодно, и никому не будет до этого никакого дела.

— Я не знаю, — честно ответил Хэл, после недолгого колебания. — Не знаю, когда покину ваш мир.

— Но он тебе понравился, хотя бы немного?

Мави наблюдала за его реакцией на этот вопрос. Ее светлые глаза с маленькими зрачками были неподвижные, но блестящие, как водная гладь.

— Да, — без тени колебания отозвался Хэл. — Он потрясающий. Человеческий просто ничто по сравнению с ним.

Мави кивнула, и я точно понял, что пора уходить. Я здесь лишний — даже сейчас, снова встретив эту чудесную девушку. Я правда думал, что между нами появилась какая-то связь, еще вчера. Что нам есть, о чем поговорить.

Игиг треплется только с Джем, Хэл способен найти общий язык даже с камнем, а я? Почему я везде чувствую себя чужак чужаком? И со своей-то заметной побочной внешностью! Из-за которой, кюрук подери, меня сюда и взяли!

Я развернулся и пошел прочь. Один раз оглянулся через плечо, но ни Хэл, ни Мави не обернулись на меня в ответ. Ну и пусть. Попробую еще раз поискать Джем, — может, она вернулась. А если не найду, то… то просто пойду к себе в комнату. Делать мне здесь больше нечего.

Возле меня оказался официант, и я чисто автоматически взял у него бокал с вином. Вот что составляет мне компанию сегодня — выпивка. Я уже говорил, что не пью, один раз только попробовал на вечеринке отца, и мне не понравилось. А сейчас, ну что мне еще делать? Я поболтал странную жидкость в бокале. Матовая, плотная, белая как молоко.

— Эй ты, бесполезный!

Я поднял голову — не потому что привык, чтобы меня так называли, а потому что просто кто-то что-то сказал рядом со мной. Передо мной оказался Телем, и у меня мурашки прошли по рукам. Теперь он в кошмарах мне будет являться. Что сегодня произошло за завтраком? Это же он был виноват? Он нас заколдовал или загипнотизировал, что-то вроде этого. У меня чуть внутри все не разорвало.

Правда сейчас он совсем не выглядел опасным — разве что только глупо, в этом ярко-фиолетовом костюме и огромных, нелепых очках…

Очках ли?

Я присмотрелся внимательнее, позабыв про все правила приличия. На Телеме были не очки — это его глаза! Огромные, совершенно круглые, на пол-лица. Белые, каким и должен быть белок глаза, а внутри каждого круга циферблат часов! Со стрелками и цифрами по кругу. Сейчас оба глаза показывали полдвенадцатого, и я уверен, они отстают. Время уже давно перевалило за полночь.

Я удивился, как раньше не замечал этого — до того странно выглядел этот старик. Это что-то от механики, не от других эйтов или людей. А может, все-таки очки такие? Но едва я подумал об этом, как Телем моргнул, и я понял, что это все-таки его глаза. Какая жуть.

— Что пялишься, бесполезный? — проскрежетал Телем своим противным старческим голосом, и его стрелки уставились прямо на меня. — Никогда таких глаз в своем вонючем мире не видал? Ааа, то-то. Мне как раз нужно было поговорить с твоей бандой. Где она, кстати?

— А... э... — замямлил я, не зная, что и сказать на это.

— Где они? Где твои дружки? — наседал на меня старик, вытягивая шею все ближе.

— Т23 разговаривает с девушкой мано, а К44… ее я видел с Иги… с господином Игигом…

Мой большой рот проглатывал окончания слов, зубы неловко прикусывали губы и язык. Когда я не уверен или застигнут врасплох, то моя побочная внешность всеми силами старается еще больше усложнить мне жизнь.

— Что ты мямлишь! — прикрикнул на меня Телем, переходя почти на визг. — С господином Игигом? Что ей от него нужно? Значит так, бесполезный, передай своим дружкам, что совет ждет вас завтра сразу после завтрака в зале приема. Не задерживайтесь! Мы получили ответы от ваших опекунов и больше не собираемся терять время. Оно и так идет все быстрее.

Я успел забыть про это! У меня аж дыхание перехватило, а рука, держащая бокал, ослабла. Мне стало не на шутку страшно.

— Что? Да? И что, что они сказали? Они требует нас назад? Они волнуются за...

— Завтра мы все вам объясним! — взвизгнул Телем, перебивая меня. — Хватит болтать! После завтрака, запомни, не задерживайтесь! И скажи девчонке, чтобы отстала от господина Игига — он вам не друг и не защитник, понятно? Отправишь его ко мне. А это что? — он заметил бокал у меня в руках и неожиданным движением вырвал его. — Ну-ка отдай, тебе еще рано пить такое!

Обалдеть, меня лишили даже выпивки! Меня вообще здесь ни во что не ставят, я смотрю?

— Не опаздывайте, проявите уважение к совету, — снова загудел он, вытянув шею вперед и смотря (а смотря ли?) на меня своими жуткими глазами. — Передай им, не забудь!

Я постарался сбежать от него. Он напоминал мне нескольких особенно старых и противных профов из колледжа, а еще моего родного дядюшку. Не люблю находиться рядом с такими людьми

— они критикуют тебя за твой возраст, не дают сказать ни слова и учат урокам, которые тебе не нужны. А еще я боялся вновь попасть под его чары.

Я быстро пошел обратно, высматривая друзей. Хоть одну здравую мысль высказал этот старик. Игиг нам не закадычный друг, которому стоит доверять на все сто и разбалтывать свои секреты. Почему наша осторожная Джем не может этого понять? Или парень-птица ее тоже как-то околдовал?

Сумасшедший мир! Можно ли здесь быть хоть в ком-то уверенным?

Я не нашел ни Джем, ни Игига, зато вскоре заметил парочку, которую только что оставил.

Они все еще стояли на том самом месте, и Хэл все так же говорил и говорил. Я, уже не смотря на Мави или кого еще, сразу подошел близко и наклонился к другу.

— Т23, можно поговорить с тобой наедине? — прошипел я, стараясь не смотреть на красивую эйту. Она стояла рядом, и ее прекрасные глаза нагло приковывали все мое внимание.

Хэл был не очень доволен, что я перебил и отвлек его, но, тем не менее, вместе со мной отошел.

— Ну?

— Совет получил ответы от наших опекунов.

— Чего? А конкретнее?

— Не знаю. Нас зовут после завтрака подойти к ним.

Хэл отступил на шаг и немного помахал руками, как перед тренировкой, чтобы ослабить напряжение. Глаза потемнели и были широко распахнуты.

— Вот же хитрюги! — воскликнул он и вдруг его осенило: — А если спросить у Игига? Кажется, его можно разговорить, если надавить посильнее.

Вот, пожалуйста. Оказывается, все вокруг без ума от этого Игига. Кроме меня.

— Я же сказал, — я почувствовал растущее во мне раздражение, — он куда-то пропал. И Джем тоже.

— Ты же не думаешь, что они вдвоем ушли? — ухмыльнулся Хэл. — Ну хорошо, подождем, сколько они хотят. В конце концов, пусть пока думают, что у них все под контролем.

Меня больше насторожило, чем заинтересовало последнее заявление.

— Э, в каком смысле?..

— Забудь, — оборвал меня друг и тут же перевел тему: — Предлагаю до последнего досидеть на вечеринке и понаблюдать за советом. Или ты уже хочешь на боковую?

Вообще-то хотел. Но уйти, оставив взбудораженного Хэла наедине с эйтами, которые на него зуб точат? А вдруг Джем вернется или Игиг вновь объявится? Я вздохнул, надеясь, что это не прозвучало слишком шумно и устало.

— Могу остаться еще немного.

— Вот и отлично, старик! Мы еще вдоволь повеселимся. Кстати, — вспомнил он, — твоя дальняя родственница оказалась вполне ничего. Не такая скользкая рыба, как я подумал про нее вначале.

Я забыл про Мави, которая осталась в стороне, но после упоминания о ней вновь ощутил жаркую волну волнения и смущения. А вдруг мне еще удастся поговорить с ней? Хотя бы немного. Я обернулся, выискивая ее взглядом. Прекрасной девушки из царства мано нигде не было видно. Наверное, ей наскучило ждать, вот она и ушла. И я упустил свой второй шанс.

— Парни.

Я буквально подскочил на одном месте и резко обернулся. Вот она, стоит прямо возле Хэла. Слышала ли она его последние слова? Я нервно улыбнулся ей, не в силах отвести взгляд от необычных глаз. Ну почему мне достались дурацкие зубы, а не прекрасные глаза?..

— Мне нужно идти, — прямо объявила Мави и заправила прядь волос за ухо. — Я рада, что встретилась с вами. Надеюсь, вода сведет нас снова.

Она посмотрела на меня, и у меня пересохло во рту. Она сказала это так, словно иначе и быть не могло, и я бы многое отдал, чтобы увидеться с ней опять.

— Я тоже надеюсь, — негромко отозвался я.

— Считай, заметано, — зевнул Хэл.

Мави чуть дернула уголками губ, но прежде чем уйти, она вдруг сделала шаг вперед и без всяких предупреждений обхватила мое лицо руками, как тогда, на пляже. Ее лицо оказалось напротив моего лица, и я забыл, где находился.

— Я найду тебя, — тихо и твердо произнесла она, не спуская с меня взгляда. — Море снова сведет нас.

Ее прекрасные глаза застенчиво прикрыли короткие ресницы. Она отпустила меня, быстро поклонилась и ушла. Миг, и ее уже нигде нет, и все произошедшее кажется наваждением, чарами. Я стоял, забыв про все вокруг, и только трогал щеки, вспоминая ее взгляд. «Море снова сведет нас». Даже если мы снова окажемся в разных мирах, я сделаю что угодно, чтобы море снова нашло нас.

— Что, она тебе понравилась, а? — Хэл нервно рассмеялся. — Она тебя загипнотизировала, чувак. Ты пялился на нее как лунатик!

Постепенно я возвращался обратно на землю, но насмешки друга пролетали мимо. Он просто ничего не понимает. Я помотал

головой, окончательно выходя из транса, и повернулся к нему. Хэл умолк, смотря на меня.

Он смотрел с долей понимания. Даже почти с сочувствием.

— Хэл. — Я набрал полную грудь воздуха, выдохнул, и сделал новый вдох. Мне было не по себе произносить следующие слова: — Если бы эйты предложили тебе остаться здесь… ты бы остался?

Хэл больше не улыбаться. Его серые глаза показались совершенно зелеными — это от света так или у меня уже глюки начались? Подумав ровно три секунды, он задал мне встречный вопрос:

— А ты?

Номер К44. Джем

На балконе было холодно, неуютно и сыро. Но я успокаивала себя тем, что это будет того стоить. Всего десять минут на свежем воздухе за информацию, которую я должна была узнать десять лет назад. Справедливая цена.

Серый эйт стоял напротив меня, у другого конца площадки. Ветер ерошил его перья, теребил жилет и бриджи, как будто старался увести за собой куда-то, и мне казалось, весь облик Игига расплывается и вот-вот рассыплется, как мозаика. У меня уже руки чесались от волнения, но я даже сейчас не рисковала лишний раз трогать перчатки, опасаясь, что они сползут.

Со стороны дверей слышались голоса, но звучали так неясно, словно мы находились в другой реальности.

Игиг начал обходить балкон по периметру, заглядывая вниз. И что он там пытается углядеть? Я подумала, что, может, он ищет нужные слова для важного разговора, и терпеливо ждала.

Но в таком ожидании прошло минуты две, а я так ничего не услышала.

— Ты собираешься объяснять или нет? — не выдержала я.

— Тише ты! — Игиг быстро подошел ко мне и оглянулся на стеклянную дверь, сквозь которую пробивался золотой свет. — Еще не хватало, чтобы нас обнаружили. И тебя, и меня могут хватиться в любой момент, слишком мы заметные персоны.

— Тогда, может, не будем тратить время зря, недоумок? Рассказывай про татушки и пошли обратно. Холодно.

Но нет, нельзя чтобы все прошло нормально! Игиг еще некоторое время пялился на дверь, наблюдая за гостями, а затем быстро произнес:

— Нет, рассказывать я тебе ничего не буду. Но я знаю того, кто это сделает. — Он неожиданно развернулся ко мне спиной и кивнул через плечо. — Забирайся.

Этого я никак ожидать не могла и просто глупо посмотрела на фиолетовый жилет, натянутый на его спине. На самом деле не такой и широкой, как мне казалось раньше. Кайл и то выглядел покрепче его.

— Ты чего? Зачем?..

— Забирайся, я сказал. Нам нужно спуститься вниз.

Мальчишки! Им лишь бы выпендриться. Они не будут спускаться по лестнице как все нормальные люди или эйты, нет — они сиганут вниз с балкона!

— Да как я на тебя заберусь? Ты что, гора?

— Давай без оскорблений. Хочешь узнать о своих татуировках — залезай.

Что мне еще оставалось делать? Я уже так далеко зашла с этим желанием узнать о себе, что глупо было возвращаться назад. Если я отступлю, то до конца жизни буду корить себя, что упустила этот шанс. Потому что я ну очень сомневаюсь, что после того, как нас отправят домой, у меня будет возможность видеться с Игигом каждые выходные. А кроме него, кюрук побери, никто не мог мне помочь!

Я еще раз окинула взглядом его тело, не зная, с какой стороны подступиться. Как он вообще себе это представляет? Ему доводилось раньше перевозить кого-нибудь на себе? Я вплотную подошла к нему, встала на носочки и попробовала дотянуться руками до плеч. Одновременно с этим я закинула на него одну ногу, мельком думая о том, что если нас увидят через балконную дверь, то скандал разразится на весь мир эйтов.

— Ой! Прямо каблуками!

— Извини уж.

Я отошла от него, и мне на раздумья хватило пары секунд. Затем я уверенно сбросила с себя тесные туфли, и босиком встала на ледяной камень пола. Пальцы мигом свело от холода. Не теряя времени, я снова подошла к Игигу, который ждал меня как терпеливая лошадь, и уже увереннее заскочила на него. Руками я сразу обвила его шею, а ногами обхватила тело, упершись пятками в бока.

— Так лучше? — пропыхтела я, прижимаясь лицом ему в спину.

Тело подо мной задвигалось, и эйт выпрямился. Я крепче ухватилась за него, думая, как, верно, нелепо я выгляжу. Никогда не посещала конный клуб при колледже и не очень уверенно держалась в седле. Знала бы наперед, так потренировалась бы перед тем, как забираться на двухметровую птицу!

Игиг сделал шаг вперед, расправил крылья и для проверки взмахнул ими, не отрываясь от балкона. Я чувствовала, как двигаются его лопатки и мышцы под моими руками и грудью. Удержит ли он меня? А если не справится и упадет? Нет, об этом сейчас думать точно не нужно. Мысли и без того материальны, а в мире эйтов вообще взаимодействуют с реальностью только так.

— Крепко держишься?

Теперь его голос вибрировал прямо возле моей груди, звучал приглушенно, и я не видела его лица, не могла понять по мимике, как именно он это произносит. Это все делало неловкое положение супернеловким.

— Да, наверное. — Я крепче обхватила его ногами, чтобы не свисать как полотенце. Руки, натренированные ингелой, пока еще не затекли и не болели. — Но, знаешь ли, я еще никогда не летала на голубях-переростках, так что не наезжай на меня.

— Голубя! — Игиг передернул плечами, едва не свалив меня. — Голубя! — его голос звучал в высшей степени возмущенно. — К твоему сведению, члены моего царства называются гадабы.

Ну и название! Больше подходит для змей или иной пресмыкающейся гадости.

— Так это надо было еще при первой встрече говорить, а не сейчас, обижаясь на то, что я этого не знала, — заметила я.

Тело подо мной задвигалось, пошло вперед, и я крепче ухватилась за него, полностью распластавшись по спине. Как мы полетим вместе? Я же просто с него упаду!

И тут Игиг неожиданно подлетел вверх.

Я прикусила язык от ужаса, но оказалось, что он просто вскочил на балюстраду. Глянув вниз, я увидела густую тьму, окутавшую землю. Ничего нельзя разобрать — ни высоты, ни того, что находилось внизу. Казалось, эта тьма поднимается, как туман из самых недр земли.

— Готова?

Игиг расправил крылья в стороны, и я только сейчас поняла, какие они длинные и, должно быть, сильные. Но довериться им? Снова взглянув вниз, я почувствовала, как в желудок впиваются сотни тонких, острых, холодных иголочек, вызывая дурноту.

Хорошо, что я не успела ничего выпить или съесть на празднике.

— Я… я…

Без дальнейших предупреждений, Игиг резко наклонился вперед, отвел крылья назад и отпустил балюстраду.

Я задыхалась от крика, прижимаясь лицом к спине эйта и зажмурив глаза. Желудок сминался как под прессом, сердце болталось в груди точно отвалившийся механизм. Я чувствовала, как мы падаем вниз, как земля притягивает нас к себе точно гигантский

магнит — две мелкие гайки. Ледяной воздух норовил сбросить меня со спины птицы, и я до онемения стискивала руки вокруг груди Игига. У меня не хватало даже сил крикнуть ему, чтобы он взлетел.

Каждый следующий миг должен был стать последним. И когда меня резко подбросило вверх, выровняв положение до горизонтального, я решила, что это время наконец-то наступило. Но тут я поняла, что Игиг, и я вместе с ним, взлетает вверх. Его крылья как будто взбивали густую тьму и отталкивались от нее. Он поднимал нас все выше, оставляя землю внизу. Рискнув немного оторваться от спины птицы, я быстро оглянулась назад и увидела резиденцию совета. Окна на самом верхнем этаже сияли золотым светом, точно это был маяк. Где-то там внутри остались Хэл и Кайл наедине с самыми сильными эйтами сего мира. Но я совсем не почувствовала вины перед друзьями.

Впереди расстилался все тот же мрак, сквозь который не пробивался даже свет от звезд и месяцев. Гадаб развил приличную скорость, и меня оглушал свист ветра в ушах. Пышная юбка платья трепетала за моей спиной как плащ у героя из комиксов. Желудок проваливался в пятки каждый раз, как Игиг начинал снижаться. Щекотно-волнительное ощущение внутри почти не покидало меня, и я молилась, чтобы этот полет закончился как можно быстрее. Но уже через пару минут я смогла немного расслабиться и принять другие свои чувства.

Тело Игига теперь ощущалось почти как часть меня самой, и я даже могла разобрать его сердцебиение, дыхание; чувствовала, как двигаются его мышцы при взмахах крыльев. Я немного ослабила хватку, чтобы не стискивать его так сильно, и краем глаза глянула вниз. Мы летели во тьме, и, кажется, в мире больше не осталось ничего кроме нее.

— Куда мы?.. — начала я, но горло тут же обожгло холодным ветром, и я закашлялась.

— Увидишь, — коротко бросил Игиг в ответ, и я снова на пару секунд ощутила вибрацию его голоса у себя под грудью.

Он летел вперед, с силой взмахивая крыльями, чтобы удержаться на одной высоте. Я боялась пошевелиться лишний раз и потерять равновесие. Резиденция осталась далеко позади.

За исключением того случая, когда меня держали за рюкзак, и я болталась над многоэтажными домами, я никогда еще не была на такой высоте. Я была так уязвима сейчас, так ничтожно слаба, что все, что я могла делать, это лежать и не двигаться. Никогда еще моя жизнь полностью не принадлежала кому-то другому, и никогда еще я не чувствовала смерть так близко.

Но меня это не пугало. Я знала, что меня ей не отдадут.

Игиг взмахивал крыльями все чаще и сильнее, и его полет становился все более неустойчивым, если можно так сказать. Он то начинал опускаться, то резко взмывал вверх, и я слышала, как часто и хрипло он дышит. Мне очень хотелось спросить, что случилось, но я молчала, понимая, что он сам мне скажет, если сочтет нужным. И этого не пришлось долго ждать.

— Мы сейчас… спустимся, — коротко предупредил он, дыша рывками и едва успевая вставлять слова между выдохами.

Я ничего не ответила, но слегка похлопала рукой по его плечу. Меня накрыло порывами ветра, когда Игиг начал снижаться, и внутри все снова стянулось в одну кучку. Эйт больше не взмахивал крыльями, а расправил их в стороны и лишь слегка шевелил маховыми перьями. Я вглядывалась вперед, пытаясь разобраться, что там, внизу. Порывы ветра так и норовили сдернуть с меня платье, и я уже в который раз пожалела, что не оказалась одета во что-то более удобное и приспособленное для полетов.

Не могу сказать точно, через какое время мы достигли земли. Чтобы приземлиться, Игиг несколько раз взмахнул крыльями, выравнивая положение тела, и я едва кубарем не слетела с него. Только когда он твердо встал на землю, я смогла отпустить его, с трудом двигая замерзшими и затекшими руками и ногами. Отойдя от эйта, я тут же ощутила холод, который теперь беспрепятственно окутал меня со всех сторон.

Игиг потянулся, размял шею и потер плечи. Его грудная клетка часто поднималась и опадала, крылья бессильно повисли вдоль тела. Дыхание было шумным и немного хриплым, он дышал через приоткрытый рот. Чтобы не смотреть на него, я отвернулась и наконец-то смогла понять, куда нас занесло.

По-видимому, это была окраина города. Вдалеке высилась свалка, о существовании которой можно было догадаться очень легко, даже не видя ее — по вони. За нашими спинами нависало полуразрушенное и некогда недостроенное сооружение. И все это было обнесено высоким забором.

В отличие от мира людей, где подростки и молодежь почти охотятся за чистыми и, желательно, никому не нужными заборами и зданиями, на которых они могли бы попрактиковаться в умении пользоваться баллончиками с краской, здесь рука вандалов стены не тронула. В голубом свете звезд и луны они сверкали строгой чистотой. Те, которые были мне видны.

— Пошли.

Игиг говорил сипло, но в мертвой тишине его было хорошо слышно. Я подошла к нему ближе, морщась от прикосновения к холодной земле. Еще здесь было много мелких камушков, веток и прочего мусора. Я старалась наступать на самые носочки, вытянувшись вверх как балерина.

Следуя за Игигом, я прошла мимо забора, обходя здание. Запрокинув голову, я постаралась угадать, каким оно планировалось быть в будущем, но сейчас, в такой темноте, ничего нельзя было утверждать наверняка. Сквозь голые балки выглядывал острый месяц, как будто подглядывал за мной в щелочку.

Что-то острое резануло меня по ступне, и я едва не потеряла равновесие. Глотнув ртом воздух, я схватилась за забор и замерла на пару секунд. Нога в одном месте часто запульсировала от боли, и между пальцев потекла теплая кровь. Я подняла ногу повыше и осторожно провела рукой, ощупывая порез. Наверное, по дороге попался кусок стекла или железа — рана длинная, и кожа неровно торчала по краям.

— Ты где? — Игиг вернулся обратно ко мне, потирая шею. — Что случилось? Нам нужно торопиться.

Я осторожно встала на раненную ногу, а затем опять перенесла вес на носок, оторвав пятку. Боль усиливалась, ступня стала совсем липкой. Я отстранилась от стены, на которую опиралась, и повернулась к эйту.

— Все в порядке, — спокойно ответила я. — Пошли, не будем терять времени.

Темнота скрыла мою хромоту, и Игиг ничего не заметил, вырвавшись вперед. Иногда я проклинаю свою гордость и силу. Быть слабой дурочкой куда проще и жизнь у них полегче. Я крепче сжимала зубы от боли и старалась не отставать от эйта.

Далеко идти не пришлось — мы обошли здание и остановились возле единственного участка стены, заляпанного чьим-то художеством. Мне было вообще почти ничего не видно, я не понимала, куда направляется Игиг и что меня ждет дальше. Я слишком вымоталась за последнее время, замерзла, хотела есть и у меня болела нога.

— Рисунок почти стерся, так что переход не будет таким легким и простым, как ты привыкла, — предупредил меня Игиг, и только после этих слов я поняла, что на стене нарисован все тот же Переходный Сад, про который говорил Калану.

— Ты готова?

Я молча кивнула, пытаясь во тьме угадать уже знакомый рисунок на стене, но ничего разобрать не могла — лишь большое темное пятно. Это могла быть обычная грязь — почему Игиг так уверен, что это именно тот самый рисунок? А если это рисунок какого-нибудь другого «переходного сада», который приведет нас кюрук знает куда?

Но в следующую секунду все мои сомнения развеялись. Эйт коснулся пером стены, и она вспыхнула алым цветом, показывая свой рисунок. Он был бледен и поврежден, как будто стены долго и упорно пинали, но это совершенно точно тот самый рисунок, через который мы уже пару раз переходили в разные места. Берег, одуванчики и дерево. Мне не нужно было объяснять, что делать дальше.

Я шагнула к нему первая, и сразу почувствовала, как что-то рвануло меня вперед. Перед глазами мелькнула россыпь красных вспышек, что-то коснулось моих голых ног. Свежий порез коротко и сильно резануло болью. Темнота вокруг двигалась, перевалива-лась и казалась одним огромным существом, вроде змеи. Потом появился разрез – белый, неровный треугольник, сильно вытянутый в одну сторону. Внутри него что-то промелькнуло, а затем все вокруг рассеялось и утонуло в белом тумане.

Я выдохнула, даже не заметив, как затаила дыхание. Мы прошли. Больше не было стен и тьмы, но белый туман вокруг и черные камни, разбросанные по земле. Я чувствовала холодную, мокрую траву под ногами и запах свежевскопанной земли и мха. Где

это мы? Я глубоко вдохнула влажный воздух, вспоминая рощи возле колледжа, и почти с наслаждением ощутила, как приятно трава холодит рану.

— Знаешь, — задумчиво заговорил Игиг, и я посмотрела по сторонам, потеряв его из виду.

Серый эйт почти сливался с туманом вокруг, только фиолетовый костюм и выдавал его. Я невольно шагнула к нему ближе, опасаясь потеряться здесь.

— Когда мы в первый раз прошли через врата, — продолжил он, — номер Т23 спрашивал про девушку в Переходном Саду, помнишь?

Какую девушку? Он что, думает, что я помню обо всех девушках, которых упоминает этот самодовольный кугалунг?.. А, правда, его бред про девушку из Сада я вспомнила. И что из этого?

— И что из этого? — вслух повторила я.

Игиг взмахнул крыльями, пытаясь хоть немного рассеять туман вокруг себя, но его клубы вернулись, кружа вокруг него и, кажется, еще сильнее заключая в свою ловушку.

— Не знаю, откуда он про нее знает, но девушка там действительно есть, — наконец сказал он, перестав сражаться с туманом. — Иногда, если проходить через поврежденные врата, как это, то можно даже заметить ее. Это одна из самых первых забытых. Всех остальных затем начали отправлять сюда. И мы должны найти одного из них.

Номер К44. Джем

Я не знаю, что это было за место, но мне сразу представилось кладбище.

Честно говоря, я никогда не была ни на одном из них. На территории УКОГ их нет, а специально выбираться в город, чтобы посетить такое место — зачем? Но по тем скудным знаниям, что у меня были, я могла предположить, что мы попали на странное кладбище эйтов.

Во-первых, здесь был туман, а во многих книгах он присутствует бок о бок с кладбищами. Во-вторых, здесь никого не было — как и положено в таких местах. И в-третьих, здесь повсюду стояли большие черные камни. Скорее всего, надгробия.

Я не рисковала задавать вопросы об этом месте, понимая, что вскоре все увижу сама, и что здесь слишком тихо для разговоров. Я словно оглохла, и только легкий шелест травы под ногами служил доказательством, что это не так. Мы с Игигом шли совсем рядом друг с другом, боясь потеряться в тумане. Я часто оглядывалась на него чтобы успокоиться: я здесь не одна, мне нечего бояться.

Рядом с этим эйтом я чувствовала себя не так, как с другими мальчишками, с Хэлом или Кайлом. Игиг был взрослым и серьезным. Он не станет прикалываться без причины, пытаться выпендриться при каждом удобном и неудобном случае. От него волнами исходила уверенность и надежность — то, чего мне часто не хватало в моих друзьях.

Если бы Игиг был человеком? Я попыталась представить себе, если бы я встретила его в колледже, и он был бы обычным парнем, без крыльев и запавшей нижней челюсти, с обычными глазами и

без куриных лап. Что тогда? Оказалось не по себе думать об этом. Неловко.

Что-то шевельнулось и мелькнуло в тумане впереди нас. Мы остановились от неожиданности, и вдруг Игиг сорвался с места и через миг пропал в белой пелене.

— Стой! — закричала я, внезапно испугавшись. — Подожди!

Вот и надейся на него! Подобрав подол платья, я поспешила вперед, изо всех сил вглядываясь в туман. Игиг растворился в воздухе, словно его здесь никогда и не было. Зачем он это сделал? Кого он разглядел там, впереди? Кат Великий, а если на нас кто-то напал здесь, в этом и без того жутком месте, полном тумана, призраков и черных камней?

— Игиг! — закричала я, но мой голос заглушила плотная белая пелена вокруг. — Игиг!

Никогда не привыкну называть людей или эйтов по именам, даже если они сами мне их сказали.

— Игиг! — повторила я, идя все быстрее и быстрее вперед. — Ты где?

Я ахнула от неожиданности и чуть не отскочила назад, когда что-то большое и темное мелькнуло передо мной в тумане. Послышались глухие звуки, хрипы, удары. Повыше подобрав платье, я ринулась в самую гущу битвы, готовясь применить все свои навыки рукопашного боя.

— Игиг!

Туман колыхнулся и слегка расступился, показывая двух катающихся по земле эйтов. Нетрудно было признать в одном из них Игига, а вот его соперника я далеко не сразу смогла разглядеть — до того быстро и непредсказуемо он двигался. И он ни на секунду не оставлял гадаба в покое — сбивал его с ног и тянул к земле, едва тот делал попытку подняться, ударял в живот и голову, дергал

за крылья. По земле вокруг них трепетали вырванные серые перья, была примята трава.

Мне показалось странным, что суровый эйт, который умеет открыто выступать против Гугалана и не боится приближаться ко мне ближе чем на метр, и пером не трогает своего противника, а лишь пытается отойти от него подальше. Не знаю, была ли это жалость или хитроумный план, но я поступила так, как посчитала нужным. Подскочила к незнакомому эйту и что есть силы пнула его в бок.

Эйт кубарем отлетел от меня и едва вновь не пропал в тумане — его задержал один из камней, в который он врезался и жалко растянулся на земле. Игиг поспешно начал подниматься на ноги, ругаясь сквозь зубы:

— Кюруки! Только бы ты его не вырубила!

Он подбежал и склонился над своим недавним противником, перевернув его на спину. И только сейчас, подойдя ближе, я смогла как следует рассмотреть его.

Эйт выглядел как человеческая фигура из черного дыма. Эта странная оболочка окутывала настоящий человеческий скелет, точно саван. У существа было по три тонких, длинных пальца, точно лапы паука, изодранный коричневый плащ из одежды и хохолок ярко-рыжих волос.

— Эй! Ты слышишь меня? — Игиг слегка потряс его за плечи, и его маховые перья-пальцы утопали в дыме, из которого состоял человек. — Мы не желаем тебе зла.

Ага, попробуй поверь в это после хорошего пинка под ребра.

Эйт застонал, зашевелился и попробовал приподняться. У него не было лица — только желтоватый череп, проглядывающий сквозь темную завесу, и я не знала, видел ли он нас. Но когда в

следующую секунду он вдруг заверещал, то стало ясно — увидел и даже узнал.

— Хундунское отродье! Чтоб ты сдох! Какой кюрук привел тебя сюда? Аллапо тебя дери, что тебе еще от меня надо?!

Я, конечно, не изнеженная дама, но даже у меня в ушах зашумело от такого букета жутких и по большей части незнакомых мне ругательств. Оставалось лишь догадываться, отчего этот странный тип, тусующийся на кладбище, так не жалует члена совета.

— Тише, — спокойно заговорил с ним Игиг, никак не отреагировав на поток ругательств в свой адрес. — Ты слышишь меня? Я не Шаркалишарри. Меня зовут Игиг. Шаркалишарри мертв.

Эта странная речь сработала не хуже магического заклинания. Эйт-скелет мигом притих и лишь пялился на Игига пустыми глазницами. Затем он начал подниматься на ноги, все так же не сводя с него взгляда. Меня, кажется, он вовсе не заметил.

— Не Шаркалишарри? — с подозрением переспросил он. — Но ты выглядишь как он. Или я забываюсь?..

Последнее он произнес с большей долей волнения, чем все до этого. Игиг терпеливо кивнул.

— Да, я выгляжу как он. Но он его больше нет. И мы пришли к тебе, потому что нам нужна твоя помощь.

Скелет слегка оживился.

— Помощь? Именно моя помощь? А какая?

— К44, покажи ему татуировки, — без предупреждения попросил меня Игиг.

За эти немногие дни у эйтов я уже так привыкла прятать свои татушки, даже если оставалась одна, что сейчас меня почти напугало его заявление. На всякий случай взглянула на него, и эйт слегка кивнул мне. Ну ладно. Все равно я ни кюрука не понимала во всем этом.

Я осторожно и все же с опаской начала снимать перчатки, и скелет следил за мной почти с кровожадным интересом. Меня так и подмывало врезать ему по роже, чтобы все зубы вылетели, но я сдерживалась. Кажется, у него и так день не удался.

Когда перчатки оказались сняты, я медленно протянула руки странному эйту, невольно сама смотря на рисунок. Я уже почти забыла, как он выглядит, и теперь даже немного удивилась тому, что у меня так разрисованы руки. Неужели это так выделяется на самом деле, всегда?

Тонкие паучьи лапки слегка коснулись моей кожи, и я невольно дернулась, содрогнувшись от омерзения. Плечом я ощутила Игига рядом со мной.

— Не бойся, — негромко ободрил он.

Я, боюсь? Вот еще! Я тихо фыркнула и смелее протянула руки скелету. Когда его пальцы вновь начали ощупывать мою кожу, я осталась спокойной и неподвижной как Кайл, когда он ест.

— Ты узнаешь эти рисунки? — выпытывал у скелета Игиг. — Ты делал их?

Я с удивлением обернулась к эйту с руками-пауками, но он ничего не слышал, внимательно вглядываясь в зигзаги и слегка водя по ним пальцами.

Так прошло не меньше трех минут. И когда у меня уже почти затекли руки, а Игиг был готов встряхнуть эйта за плечи, тот неожиданно выдохнул и выпрямился. Руки он опустил. Он посмотрел на меня, и мне стало не по себе, когда я почувствовала на себе его взгляд. Пустых, черных глазниц.

— Да, я делал их.

Словно это лишь прошелестел ветер — так тихо и невесомо это было сказано. Мы с Игигом замерли, как истуканы, а скелет продолжил — так же негромко, тихо, как будто говоря сам с собой:

— Это было давно, так давно, когда я еще жил там, когда я назывался, когда я имел работу. Это один из последних рисунков, что я смог сделать. Больше никто мне такого не позволял уже...

Он резко замолчал, а потом рывком схватился за голову и зарычал от боли, как будто его мигрень замучила. Я не была готова к такой смене настроения, но Игиг сразу оказался рядом с ним и осторожно отвел его руки.

— Знаю, тебе больно думать об этом, — проговорил он, — но, пожалуйста, попытайся вспомнить, кто заказывал тебе эти татуировки. Что за люди приходили к тебе. Ты помнишь их?

И только сейчас — да-да, только сейчас, — я поняла, что он говорил о моих родителях. Моих настоящих родителях, которые дали мне жизнь, а затем оставили на пороге УКОГ! И если я всегда думала о них только в негативном ключе, недоумевая, что мешало им просто убить меня или, если на то пошло, то зачем им вовсе было заводить меня, то сейчас появились совсем другие мысли о них. Они сделали что-то еще, помимо моего рождения и бросания у колледжа. Они приносили меня к этому эйту, чтобы он набил мне татуировки.

Это звучало до того абсурдно, что я не смогла отмахнуться от этой мысли, и, наверное, думала бы над ней целую вечность, так и эдак, пока не пришла к какому-нибудь решению, но тут скелет заговорил снова, и я вся обратилась в слух.

— Да, это были люди, обычные люди, бесполезные люди. Как они нашли меня? Не помню. О, как многого я уже не помню!..

Он начал было выть снова, но Игиг положил крыло ему на плечо, и скелет умолк.

— Что это были за люди? — спросил он. — Как они выглядели? Что говорили? Расскажи все, что вспомнишь о них. Это очень

важно. И даже находясь здесь, ты еще можешь помочь этой девочке.

Скелет снова перевел взгляд на меня, а затем тряхнул головой и отстранился от Игига.

— Похожий на Шаркалишарри, не мешайся, — беззлобно огрызнулся он в ответ. — Я смогу рассказать о том, что еще осталась в моей голове, но не сразу ведь! Так, это было лет эдак десять назад?

— Семнадцать.

У меня так пересохло в горле от волнения, что голос звучал сухо и хрипло. Назвав число, я одновременно с этим вспомнила и свой последний День Нахождения в колледже. Вроде эта дата была только что, но сколько всего случилось после нее, что я как будто повзрослела еще лет на пять.

— Семнадцать... — челюсть беззвучно задвигались, паучьи лапки вновь потянулись к моим рукам, и я ближе протянула их к нему.

Когда эйт коснулся татуировок, то словно увидел ту далекую картину прямо перед своими несуществующими глазами — так красочно он начал описывать ее.

— Нам нужны охранные. Сейчас же.

Отец был напуган, но держался молодцом — серьезный и расчетливый, знает, что его может ждать за это, но уже ни за что не отступит назад. Он был высок и худ, как подросток, но небольшая бородка и усы придавали его лицу почти старческое выражение. Ходячий набор контрастов, если вкратце.

— Говорят, только вы можете такие сделать.

Мать едва доставала своему мужу до плеча — маленькая и кругленькая, она вместе с тем была не из тех мягкотелых мамаш, которые сливаются со своей семьей в единое целое, теряя соб-

ственное лицо. Нет, эта дамочка была яркой личностью. И сильной.

И наконец, виновница преступления, девочка, которой едва исполнилось полгода. Малышка, закутанная в пеленки со светлым пушком вокруг головы. Не плакала, не возилась, а лежала смирно, как будто понимала всю серьезность ситуации, в которую вляпалась. Что она такое? Что скрывает внутри себя?

Отвел от нее взгляд. Все равно таким маленьким не делаю.

— Она не дефектная, — объясняет мать, — не дочь мэра. Она наша дочь. И мы хотим, чтобы она была хорошо защищена от всего того дерьма, с которым столкнется в будущем.

Она знает, что говорит. Все люди уже давно знают. Не мог не признать здравый рассудок родителей, но ведь себя-то они спасти не смогут. Снова посмотрел на ребенка. Протянул ему одну руку. Девочка не закричала, не дернулась, не отвернулась от моих пальцев. Лишь наблюдала за ними, внимательно и бесстрашно. А в самом деле, что вырастет из нее с такой защитой, которую я мог ей предоставить? Не изменю ли я ход истории этим согласием?

Но я замечтался. Убрал пальцы и снова взглянул на родителей.

— Проследите, чтобы она попала в хорошие руки.

После я снова потянулся к ребенку и нанес ей первый укол...

Я крепко обхватила себя руками, чувствуя, какие они холодные и словно чужие. Ветер легко ерошил длинную траву, растущую среди камней, как будто родитель — волосы своего ребенка.

Как мои родители могли бы.

Я сделала глубокий вдох и медленный выдох, как меня научили ингела и медитация. Еще раз. Еще. Но привычное спокойствие так и не приходило, и что-то в груди все больше и больше сжималось всмятку. Мне не хватало воздуха.

За пять минут я узнала настолько больше и настолько важную информацию, что все время учебы в колледже не могло сравниться с этим. Никогда не любила думать о своих родителях, а короткой и странной истории, которую я про них придумала, мне хватало сполна. Но сейчас рассказ эйта вызвал ту далекую картину во всей красе, и я сама как будто снова увидела все это, как вытаскивают забытую фотографию из недр альбома. Сомневаться в словах скелета я и не думала — как будто он лишь подтвердил то, о чем я сама знала все это время.

Мои родители погибли ради меня.

Они хотели более счастливой и безопасной жизни для меня. Они обеспечили меня той защитой, которую сами никогда не смогли бы предоставить. Отдали на воспитание в то место, где меня смогли вырастить как родную дочь. И все это время доказательство их любви было со мной — на руках, в порядковом номере, который мне присвоил колледж. И никто больше, никогда не полюбит меня так же сильно, как они.

Мне становилось все труднее дышать. Голова раскалывалась от потока таких сильных и важных мыслей, и меня обуяли настолько мощные эмоции, которые мне еще никогда не приходилось испытывать.

Как я и думала, моя жизнь раскалывалась на две части. Прямо сейчас.

Не понадобилось много времени, чтобы это все не приняло форму слез.

Не помню, когда я в последний раз так плакала, и бывало ли вообще такое. Сейчас я впервые оплакивала своих родителей, и внутри меня все рушилось. Я как будто рождалась заново, с новым представлением о себе.

Воздух, туман, холод, камни и небо звенели от моих рыданий, возможно, впервые слыша такие звуки здесь. Слезы быстро остывали и холодили лицо, шею, грудь. Я никак не могла остановиться, совсем не контролировала себя, и мои руки дрожали так сильно, что я не могла даже закрыть ими лицо. Невидимая хватка стискивала горло, и каждый вдох давался с трудом и болью. Я вмиг ослабла, захотелось лечь, накрыться землей и лежать до тех пор, пока боль не ослабнет, пока воспоминания об этом снова не притупятся, и я не смогу жить дальше.

Внезапно холод пропал, а его место заняли жесткие, колючие, такие неприятные перья. Меня мягко привлекли к килевидной груди, обтянутой жилетом, и я сразу ощутила чужое сердцебиение. Чужое тепло и дыхание. Это успокаивало, давало знать, что я не была сейчас одинока, но этого было недостаточно, чтобы заполнить ту брешь, которая разразилась у меня в душе.

— Мне очень жаль, — прошептал Игиг. — Но ты должна была услышать об этом.

Я должна была услышать об этом уже давно, а не сейчас, в мире эйтов, на этом странном кладбище и от того жуткого...

— Где он? — всхлипнула я, вдруг поняв, что его нигде не было.

Игиг вздохнул, и я почувствовала, как поднялась и опустилась его грудь.

— Он был забытым. Эйталитом, который нарушил закон, и его отправили в место забвения. Мой отец это сделал, когда был членом совета... Никто уже не вспомнит его имя и кем он был, но я постарался. Он был сильным... я подумал... может помочь... Он и сам забывает себя и... свою жизнь. Когда уходит последнее воспоминание, она... он?.. Это исчезает. Превращается в небытие. То... чего не будет... и не было. Так происходит ликвидация.

Он говорил все с большим трудом, а я уже давно перестала понимать, что он несет. Когда Игиг замолчал, мы оба попытались вспомнить, о ком был начат этот странный разговор.

Но так и не вспомнили.

— И что, тебе никогда не выпадала возможность проверить свою защиту? Никогда не замечала подобного? Вообще идей о таком не было?

Игиг почти кричал, чтобы я смогла услышать его. Мы летели обратно, с пронзительным свистом рассекая холодный воздух. Перед нами из-за облаков просачивались первые лучи солнца, и на горизонте сияла розовая полоса. Я почти чувствовала, как мои волосы становятся более насыщенного оттенка, которого я никогда не могла достигнуть, используя краску. Аврора. Наверное, поэтому у эйталиты было такое имя — она сама нежная, радостная и прекрасная как рассвет.

— Никогда! — тоже крикнула в ответ я, крепко прижимаясь к спине Игига, но уже держась намного увереннее. — Я даже представить себе не могу, как это работает.

— Сейчас поймешь.

Мне не понравилась эта интонация — по ней я поняла, что Игиг улыбается, а улыбается он редко и по особым случаям. Что он задумал?

Неожиданно я увидела что-то странное вперед нас, ближе к земле. Сначала мне показалось, что это лесной пожар, но какой-то странный. А может, нечто вроде моря? Нет, точно нет. Я вглядывалась вперед, почти привстав на колени и без труда удерживая равновесие. Мое платье и перья Игига в унисон трепыхались от потоков воздуха.

Перед нами расстилалась масса разноцветных огней, движущихся, сияющих, сталкивающихся друг с другом, соединяющихся

и распадающихся. Сверкали вспышки, которые больно резали глаз, сгущалась тьма, а потом цвет менялся, и все начиналось заново. Наблюдать за этой игрой можно было бесконечно — как за игрой пламени или бликов в океане, или полетом облаков. Но природой этого вещества была магия, а значит, она была еще более завораживающей.

— Это место называется Геенна, — прокричал мне Игиг. — Магическая энергетика, которая попадает сюда в чистом виде после смерти эйталита. Когда-нибудь она перейдет к следующему эйталиту, который появится на свет, но до тех пор находится здесь. В нашем мире происходит огромный дисбаланс. Эйталиты часто рождаются без магии. Как я, например. И это уже проблема таких масштабов, что она стоила того, чтобы пробиться в совет. Только так я могу повлиять на то, чтобы эйталиты действительно начали что-то делать с этим, а не бестолково всплескивать руками.

— Свою героическую биографию ты потом расскажешь, — перебила я его — Игиг неожиданно напомнил мне Хэла, а тому сразу нужно затыкать рот, иначе толку от него не добьешься. — Что это за место?

— Оно смертельно опасно. Мгновенно сжигает любого, кто попадет туда. Ты слышишь гул, чувствуешь эту мощную вибрацию?

Я на всякий случай прислушалась к себе, но как еще тогда, в Лунной чаще, когда Хэл и даже Кайл едва не потеряли рассудок, я осталась совершенно глуха и слепа к магии.

— Нет. Значит, так работает защита?

Я даже немного приуныла. Если это все, что она может, то это не очень-то серьезно. Не знаю, на что я надеялась, но думала, что будет круче.

— О, не поэтому. Это из-за того, что ты человек. Без особенностей.

— Бесполезная, да?

— Я этого не говорил. Это и хорошо, что ты не чувствуешь подобного — ощущения не из приятных.

— Так полетели отсюда.

— Но я тебе еще не показал самого главного.

Игиг уже почти долетел до самой Геенны, и я поглядывала на нее с опаской. Жара, как от огня, я не ощущала, но может, это тоже только лишь потому что я — всего лишь человек «без особенностей»? Не знаю, что там еще мне хотел показать Игиг, но я ему верила на слово, а видеть, как действует эта магическая энергетика, совсем не хотела.

— Держись! — крикнул мне эйталит.

Я едва успела крепче схватиться за его плечи, как он вдруг сложил крылья и камнем полетел вниз.

— ИГИИИИГ! — во все горло заорала я, оцепенев от ужаса и широко распахнутыми глазами смотря на разноцветные языки магии, которые уже тянулись к нам, ослепляя своим сиянием.

Когда мы готовы были упасть и погрузиться в это смертельно опасное море с головой, я прижалась лицом к спине эйта, зажмурив глаза, и обхватила его так сильно, что у меня заболели руки.

Я ничего не почувствовала, но тело сжималось от страха, и я не могла дышать. Еще чуть-чуть, и вспыхну быстрее перышка в костре. А может, уже успела умереть?..

А может, этот кюруков кугалунг в последний момент взлетел вверх — как тогда, возле резиденции?

Последнее разозлило меня так сильно, что я подняла голову.

Вокруг нас проносились разноцветные блики магии. Они сияли ярче и красивее любой гирлянды, а я сама как будто оказалась внутри бесконечного салюта. Одни огни сменялись другими, пере-

ходили в третьи и сверкали, горели, вспыхивали у меня под носом. Они были повсюду — со всех сторон, сверху и внизу.

Едва оторвавшись взглядом от того, что происходило вокруг, я заметила, что мои фиолетово-розовые татушки светятся. Серьезно, они умеют светиться? Слабое сияние от них окутывало нас с Игигом в шар, в котором мы летели. И всплески энергии никак не могли пробить его.

— Так вот, как они работают! — воскликнула я, захлебываясь от внезапного счастья. — Поэтому мы не сгорели! Мои татушки защищают нас от магии!

— Думал, ты уже не заметишь! — радостно отозвался Игиг и резко взлетел вверх.

Но он не покинул пределы Геенны, а лишь продемонстрировал, что, как бы мы ни повернули, мой защитный пузырь будет продолжать охранять нас. Гадаб сворачивал в стороны и назад, и мы оставались под защитой. Даже когда в нашу сторону неожиданно устремился целый поток энергетики, алый как лава, и наверняка, ничуть не холоднее ее, достигнув барьера, он сполз вниз, как будто обволакивая оболочку, но не в силах пробить ее.

— Мало кто знает, но находясь в самой Геенне ты получаешь небывалый прилив сил, — поделился со мной Игиг. — Где еще можно так зарядиться магией и энергией, как не здесь? Я совсем не чувствую усталости, мне не тяжело держать тебя, и я готов прожить еще сто таких ночей подряд! Иииии-хаааа!!!

Он закрутился почти винтом, развевая магическую энергетику вокруг себя. Я припала к его спине, чтобы удержаться, и меня разобрало на смех. Геенна оказала такое влияние на меня? Это та частичка эйталитов, которая все же была во мне, откликнулась на магию вокруг? Не знаю, но… это было волшебно.

Когда Игиг выровнял полет, я привстала, держась за него только ногами, подняла руки и тоже закричала от счастья. Грудь распирало от силы, счастья и свободы. Я — не бесполезная! Я — не слабый человек! Во мне была магия, как и во всех остальных, и это потрясающе!

Как бы высоко я ни протянула руки, моя защита не позволит мне коснуться опасной энергетики. И как бы громко я ни орала, на меня никто не одернет, не посмотрит как на дуру, а закричит вместе со мной.

Это и было самым большим счастьем. Магией.

— Почему моя защита распространилась и на тебя тоже? — сонно спросила я, едва держа глаза открытыми.

Мы возвращались обратно в резиденцию, и воздух казался холодным и пустым. Я неожиданно поняла, что не спала целые сутки и едва не вырубилась, прямо на спине Игига. Пришлось крепче держаться за него и разговаривать, чтобы не заснуть ненароком. Горло уже болело от холода, но я едва ли обращала на это внимание. Эйталит летел с трудом и пыхтел очень громко. Каждый его хриплый вдох я ощущала как собственный, и мне было почти больно от своей беспомощности, что я ничего не могла сделать для него.

— Почему? — Игиг помолчал, не то обдумывая ответ, не то собирая силы. — Потому что ты захотела этого. На подсознательном, эйталитовском, уровне.

— То, есть… — я попыталась представить себе это, и мне стало страшно — Ты сгорел бы? Если бы я недостаточно доверяла тебе? Да?

— Да.

Сон отступил под натиском вопросов, и у меня неожиданно сильно защипало глаза. Я не могла выразить словами те эмоции,

которые сжимали меня в комок и пытались пробить на слезы. Хватит и одного раза.

— Вот и все.

Я вовремя выпрямилась и спрыгнула на пол, едва не упав. Мы оказались на крошечном балкончике той комнаты, которую мне выделили. Да, верно, в зале уже никого из гостей не осталось. Я посмотрела на свое измятое платье, почти удивляясь тому, что все это время была в нем. Как настоящая принцесса, сбежавшая с бала на поиски приключений.

— Постарайся поспать. Осталось мало времени.

Игиг запрыгнул на балюстраду и вытянул больную ногу, разминая пальцы. Его перья дрожали, а рот был приоткрыт. Я подошла к нему, взялась руками за каменное заграждение и посмотрела на солнце, которое только-только полностью выползло из-за горизонта.

Бесконечная, удивительная и такая волшебная ночь. Даже не верилось, что это было наяву, только что и со мной. Слишком нереально даже для мира эйталитов.

— Спасибо. — Я зажмурилась, потому что слезы опять были готовы хлынуть из глаз. — Спасибо за доверие, Игиг. И за все остальное тоже.

Совсем рядом послышался его голос — рокочущий и неторопливый. Совсем не похожий на тот мальчишеский вопль в Геенне.

— Пожалуйста, К44.

Я снова смогла открыть глаза, хоть ресницы слиплись от слез. Солнце сияло где-то далеко-далеко, возможно, совсем в другом измерении, а мы продолжали стоять на балконе, силясь сохранить частички той магии, которую только что пережили, но которая начала исчезать в лучах нового дня.

— Меня зовут Джем, — поправила я Игига, пока он не улетел.

Номер Т23. Хэл

Я едва продрал глаза в это утро. Поспать удалось часа три, а то и меньше. Конечно, у меня уже выработан небольшой иммунитет для таких случаев — спасибо вечеринкам в колледже, после которых приходилось как миленькому идти на лекции. Но я все равно чувствовал себя погано.

Кайл еще спал, и я не без труда растаскал его. Мюкли уже вовсю скреблись к нам в дверь, приглашая на завтрак. У меня горло пересохло от жажды и, поспешно умывшись и переодевшись, я поспешил за уродцами, таща сонного друга за собой.

В резиденции слышался шум с нижнего этажа, неясные голоса и даже рычание Энрира. Что будет, что совет устроит нам после завтрака? Они получили разрешение и теперь могут делать все, что захотят, а люди, которые отвечают за наши жизни, оказались слишком запуганы, чтобы хоть немного противостоять им. Эйталиты даже не удивились, получив от них согласие.

В столовой была одна Джем, которая уже завтракала своими овощами. На ней снова старая спортивная форма колледжа с той же неизменной кофтой с длинными рукавами. Глядя на нее, нельзя было сказать, что еще сегодня ночью она представала перед нами в шикарном платье, похожая на сказочную принцессу. Теперь она опять лишь боевая подруга, которую знаешь сто лет.

Завидев ее, Кайл немного проснулся и поспешил к столу, путаясь в слабых ногах.

— Дж… К… Укол, где ты была? — наконец выпалил он и плюхнулся на соседний стул.

Я подсел к ним и пододвинул к себе одну из тарелок. Мне тоже интересно, где она пряталась полночи и, конечно же, еще не имела понятия о том, какое важное известие мы получили.

— Доброе утро, — она едва взглянула на нас, кроша свой салат. — Вас не касается, где я была.

Чего-чего? Мне как будто дали пощечину, опять. Как это не касается? Еще как касается! Мы единственные близкие ей люди в этом месте, и если она всю ночь просидела в туалете, то мы и об этом обязаны знать!

— Почему это не касается? — Кайл тоже обиделся — настолько, что даже не заметил еды перед собой. — Что случилось? Это из-за Х... Скрипа?

Ага, как обычно все сваливают на меня. Джем сердито ударила вилкой о тарелку. Я заметил темные круги вокруг ее глаз — не то правда от слез, не от бессонной ночи.

— Я не обязана перед вами отчитываться, — сердито процедила она и указала взглядом куда-то в угол потолка.

Я нехотя проследил за этим направлением и заметил парочку голубых шаров. Понятно. Мало того, что ее где-то носило всю ночь, так, оказывается, еще в таких местах, в которых она не должна была находиться! Я почувствовал обиду. Джем всегда была такой правильной в этом отношении — в колледже ей почти не выдавали записок о нарушении правил, редко наказывали за что-то, потому что она всегда мыслила трезво и никогда не переступала черту. А что произошло сегодня ночью? Во что она втянулась?

— Мы могли бы составить тебе компанию, — с укором заметил я, отрезая кусок от мяса такикану.

— У меня была компания, не хуже вашей, — отмахнулась от меня Джем.

— И кто? — тут же подорвался Кайл. — Игиг?

Тут меня взяла настоящая злость. Это уже ни в какие рамки не лезет! Она успевает развлекаться без нашего ведома, и при этом

еще спокойно променивает на такого типа, как эйталит из совета! Она что, совсем головой тронулась?!

— Я не хочу сейчас ни о чем говорить! — твердо ответила Джем, вытирая пальцы салфеткой и убирая приборы. — Давайте потом.

— О нет, мы обсудим все сейчас! — рявкнул я в ответ. — Потом может никогда не наступить. Ты вообще в курсе, что совет получил согласие на нашу проверку? Одному Кату известно, что они теперь будут делать с нами!

— Что они будут делать с тобой, — поправила меня подруга, взглянув исподлобья. — Только из-за тебя мы оказались здесь, и только ты им интересен. Как ты того и хотел.

Меня выводил из себя ее спокойный, но при всем этом такой язвительный тон, ее пренебрежение к нам, ее скрытность и нежелание говорить. Я мимолетно ощутил, как потеплели ладони, и в следующую секунду салфетка возле блюда Джем вспыхнула зеленым пламенем.

Кайл оказался расторопнее всех и тут же плеснул на огонь соком из своего бокала. Мы перевели дыхание, а я сжал руки в кулаки, как будто это могло купировать магию.

— Кугалунг, — фыркнула Джем, рассматривая горстку пепла. — Ты никогда не изменишься.

Я и без того был раздосадован не на шутку и, казалось, еще одно слово, и я опять взорвусь, но в этот раз вместо салфетки загорится ее кофта. К счастью для всех нас в дверь опять поскреблись, и показались мордочки мюклей, которые, похрюкивая и повизгивая, снова приглашали нас за собой. Совету уже не терпится увидеть нас. Наверное, они тоже едва проснулись после вчерашнего, но такие трудяги, что спешат начать свой рабочий день как можно раньше. Вручите им медаль за это.

Джем первая вскочила на ноги, отодвинув свой стул. Ага, еще бы, нашла причину снова отложить разговор. Но пусть будет уверена, как только мы останемся наедине — без всяких шпионов-эйтов, — я тут же узнаю всю правду. Я должен это знать, нравится ей это или нет.

Мы с Кайлом были вдвойне рассержены не только из-за молчания нашей подруги — за этим спором мы даже не успели позавтракать. В то время как Джем слопала весь свой салат. А когда теперь выпадет возможность поесть нормально? Что вообще нас ждет после проверки?

Что ждет меня?

В зале совета было шумно. Все пятеро эйталитов разговаривали друг с другом, переходили с места на место и были взвинчены до предела. Где эти вальяжные движения и неторопливые разговоры, которые еще только ночью я наблюдал на празднике? Эйталиты волновались и не скрывали этого.

Когда мы зашли в зал и оказались в поле их зрения, все разговоры мигом затихли, а совет на пару мгновений замер, смотря на нас. Гугалан стоял посреди зала, приковывая к своей массивной фигуре все внимание. По левую руку от него находился Телем, и он единственный продолжил что-то говорить, когда другие уже замолчали. Но вскоре осекся и он. Арей спиной стоял к столу и опирался на него руками. Его рубашка была смята, волосы растрепаны, а глаза сверкали. Я вообще поначалу не узнал его.

Аврора поднялась в воздух выше чем обычно, вероятно, привлекая к себе внимание или лишь пытаясь это сделать. Неподалеку от всех стоял Игиг, и я разозлился, увидев его, как будто всерьез верил, что его здесь не окажется.

— А, они уже здесь! — воскликнула Аврора, спускаясь ниже, но Гугалан бесцеремонно оттолкнул ее в сторону, надвигаясь на нас.

— Т23, ты сейчас же отправишься на проверку, — без всяких вступлений выпалил он. — Мы ограничены во времени и должны как можно скорее все закончить.

Взгляд его странных глаз был тяжел и неприятен как никогда, но я вдруг вспомнил, как он смущался сегодня ночью на сцене. Ого, это было только сегодня?..

— Куда нам торопиться? — поинтересовалась Джем, но Гугалан не обратил на нее внимания.

Зато кое-кто поспешил ответить.

— Ваши опекуны дали нам не более суток, — с готовностью отозвался Игиг, — после этого мы должны будем вернуть вас в ваш мир. — Он отвел взгляд. — Здесь и так проблем хватает.

Гугалан недовольно фыркнул и закончил за него:

— На празднике меня пытались отравить.

Я мигом забыл и про Джем, и про Игига. Отравить? Поэтому он кашлял? Но кому бы… он же не думает, что это мы? Нам бы такое и в голову не пришло! Мне неожиданно стало так душно и нехорошо, как будто я все же был повинен в этом преступлении.

— Никто на вас не думает, — сразу попытался успокоить нас Игиг, но взгляд Гугалана был далеко не таким доброжелательным. — У вас не могло быть такой возможности. В напиток господина Гугалана подсыпали порошок слириума. Если вы не знаете, он лишает эйталитов магической силы.

О, прекрасно знали! Я по себе знал, как безжалостны эти кристаллы, но никогда не слышал о том, что его можно использовать вместо яда. Это отвратительно и по характеру ощущений, и по самому поступку. У меня самого к горлу подступила желчь, когда

я попытался представить себе, что будет, если проглотить блокиратор магии.

— Но кому это могло понадобиться? — недоуменно воскликнул Кайл. — В смысле, вы же не один представляете весь совет. Если кому-нибудь это было и надо, так только другому члену совета.

Кайл часто ляпает что-нибудь лишнее в самый неуместный момент, но сейчас он сам себя превзошел. Такое обвинение, слишком смелое в кругах людей, не говоря об эйталитах, повисло в тишине, и все остальные, четверо, членов совета уставились на нашего друга. Телем, Арей, Аврора и Игиг. Мне даже стало страшно за нашего дуралея.

А вдруг это правда кто-то из них, и сейчас он набросится на Кайла и... Честно говоря, я не был уверен ни в одном из этих четверых, но в первых двух особенно. Аврора вряд ли бы стала ввязываться в такие делишки — больно ей это надо. А насчет Игига я вспомнил слова Калану — вряд ли этот выскочка стал бы так рисковать.

И я бы даже предположил, что Гугалан сам себе подсыпал этот порошок, чтобы вызвать подозрения на своих коллег. Но вслух такое озвучивать я, конечно, не стал, мой номер не Л5.

— С этим мы разберемся, но не сейчас и не здесь, — прервал тишину сам Гугалан. — Не будем терять времени! — распорядился он и энергичным шагом подошел ко мне. — Для проверки нужна специальная машина, которая есть в нашей резиденции. — Он поколебался и с неохотой обернулся к остальным эйтам. — Кто выступит свидетелем проверки?

Ох, нелегко ему, наверное, смотреть на них и думать, что среди них может быть тот, кто желает ему смерти. Лучше бы Кайл держал свой широкий рот закрытым!

Игиг с готовностью вышел вперед, но Гугалан со смехом остановил его движением руки.

— Господин Игиг, успокойтесь уже. Думаете, раз нашли этих детей, то вы их личный нянька? Мне кажется или вам нужен отпуск?

Тот насупился, недовольно смотря на него, его бледные щеки покраснели. Я усмехнулся, надеясь, что он заметил это. Пусть лучше проследит за Джем, мне его помощь даром не сдалась. И пока все внимание было направлено на него, вперед вылетела Аврора.

— Я буду свидетелем.

Гугалан недовольно поджал губы, но неожиданно согласился.

— Вам это будет полезно, госпожа Аврора. Женщины часто не имеют никакого представления о том, как устроен мир.

С этим позитивным выводом он вывел нас из зала. Мелькнули растерянные глаза друзей, и огромные двери захлопнулись за нами.

В мире эйталитов не жалуют механизмы и электричество — я это уже давно заметил. Поэтому неудивительно, что пришлось спускаться по лестницам, без всяких лифтов и эскалаторов. На голодный желудок — то еще развлечение, и я думать не хотел, как буду подниматься обратно.

Я уже сбился со счета, сколько этажей мы миновали. Казалось, что под землей резиденция имеет больше уровней, чем наверху. А еще здесь было намного холоднее, и я сильнее натянул рукава кофты, поднял воротник и корил себя за то, что был в шортах. Как только полуголый Гугалан и Аврора в своей легкой накидке не замерзли?

Они молчали всю дорогу. Не смотря ни на меня, ни на друг друга. Лишь громкое сопение Гугалана, и стрекот крыльев Авроры выдавал их.

Когда мы уже в десятый раз прошли через лестничный пролет, я заметил на полу огромную, призрачную цепь, со звеньями в полметра высотой, которая вилась по коридору, точно хребет древней гигантской змеи.

— Это для Энрира, — пояснил Гугалан, заметив мой взгляд. — Только эта цепь и может сдержать волчка. Не будь ее…

Он угрожающе замолчал, предоставив мне самому додумывать ужасающие последствия свободы для «волчка».

Аврора быстро пролетела мимо, не взглянув на нее.

Миновав и этот этаж, мы оказались в небольшом, сыром, темном помещении, и только сейчас у меня появились подозрения, что, кажется, со мной здесь могут спокойно расправиться. А может, заодно и с Авророй.

Или все же с Гугаланом?

Загорелись наши вечные спутники — голубые шары. В неверном, дрожащем свете выступили очертания странной машины, смахивающей на изобретения дантиста, который в прошлом работал в тату-салоне, а еще раньше — пытал людей. Здесь и кресло, и зажимы для рук, и провода, и даже стеклянный шар на подставке.

— Это изобретение несравненного Дедара, одного из величайших эйталитов! — гордо провозгласил Гугалан. — Дедар не первый, кто хотел использовать магию в качестве энергии, но он был первым, у кого это получилось. Это гениальное открытие перевернуло весь мир эйталитов!

— А не проще ли использовать электричество? — я попытался спустить его с небес на землю. — Или вы, судя по всему, так и не знаете, что это такое?

Гугалан покачал тяжелой головой и посмотрел на меня чуть ли не с жалостью.

— Несчастный! Если ты пытаешься сравнить магию и электричество, то ты ничего не знаешь о мире! Но мы здесь не для того, чтобы говорить о твоем невежестве. Мы узнаем, что на самом деле за сила спрятана внутри тебя.

После последнего случая с Кайлом и того, что сегодня случилось за завтраком, мне уже как-то не очень хотелось знакомиться со своей побочной силой поближе. Кто знает, кого она еще может ранить.

— Это совершенно безболезненно, — заверил меня Гугалан, подходя к агрегату поближе. — Я даже продемонстрирую.

Он уселся в кресло, положил могучие руки на подлокотники и кивнул Авроре, впрочем, внимательно наблюдая за каждым ее движением. Эйталита подлетела к нему, слегка дотронулась до наручников, закрепленных на подлокотниках кресла, как они тут же крепко захлопнулись, надежно схватив Гугалана в тиски. Несмотря на то, что зажали лишь его руки, мне показалось, что теперь он оказался полностью беспомощен.

Аврора еще не закончила. Приблизившись к панели управления изобретения, она со всей силы навалилась на торчащие рычаги допотопного образца. Наверное, она планировала продолжить заковывать Гугалана. Мне даже захотелось помочь ей в этом благом деле. Механизм заскрипел, по проводам, тянущимся от кресла, забегали разряды. Глаза Гугалана засветились белым светом.

И вдруг в стеклянном шаре вспыхнул свет. Он был странный — круглая, летающая сфера, похожая на голубые шары светильников-эйтов, но из ее центра лучился чисто белый свет, а по краям он был окрашен в черный, точно дым. Сияющий шар занимал собой почти все пространство под стеклянным колпаком, и я начал опа-

саться, что эта хрупкая защита вот-вот разлетится вдребезги. Но она и не собиралась, надежно удерживая шар внутри себя.

Гугалан выглядел совершенно спокойным, даже расслабленным. Я наблюдал за ним — он не показал ни тени того, что ему неприятно или больно. Кажется, он вообще не чувствовал никаких неудобств, сидя здесь, в тисках, и переправляя свою магию в стеклянный шар. Может, я ошибаюсь, если думаю, что это по ощущениям должно равняться тому, что из тебя литрами выкачивают кровь?

— Видишь? Все очень просто, — снова обратился он ко мне, когда Аврора повернула рычаги обратно и открыла наручники. — Только с помощью этого механизма мы сможем увидеть, чего ты стоишь на самом деле. Насколько ты один из нас.

«Меньше, чем ты думаешь, урод.»

Он поднялся, освобождая для меня место, и я, немного поколебавшись, все же прошел туда и опустился в кресло. Было немного неуютно и все-таки страшновато. Само сиденье оказалось жестким, высоким и холодным. Я едва успел расположить руки на подлокотниках, как Гугалан тут же зажал мне запястья. Металл обжег кожу льдом, а сам размер наручников подогнался под обхват моих рук, надежно стиснув их. Не теряя времени, Гугалан уже подошел к панели управления и занес над ней свои ручищи. Я напрягся, с опаской следя за ним. Аврора успела ободряюще мне улыбнуться.

Это всего лишь проверка. Как проверяют сердце или смотрят в уши…

Меня подбросило от боли. Внутренние органы опаолило, и огонь начал разгораться, сминая, сдавливая, сжигая изнутри заживо. Меня откинуло на спинку сиденья, но руки оказались крепко зажаты наручниками, которые уже раскалились.

В ловушке!

Я попытался выдернуть руки из тисков, но тело слабело с каждым мигом. От боли я ничего не соображал. Сердце заходилось. Рот наполнился кровью, а из глаз текли слезы.

Я не мог кричать. Боль ломала кости.

Я умирал.

Мое тело начало подскакивать на кресле, как от удара током. Затылок бился о подголовник, и я все еще бессмысленно дергал руками, пытаясь освободиться.

Я не мог дышать.

Перед глазами сверкали белые вспышки. В какой-то момент у меня открылся рот, и я заорал.

Но ни звука не услышал.

Неожиданно все закончилось. Наручники отпустили мои руки, и я упал вперед. Тело продолжала бить крупная дрожь, но его словно парализовало — я не чувствовал его, не мог шевельнуться. Изо рта и носа хлестала кровь. Я не слышал ничего, кроме гула в ушах, но он вскоре начал стихать. Холод и жесткое кресло пропали.

Потом пропало все остальное.

Номер Т23. Хэл

— Я умер, да? – прошептал я, стоя с закрытыми глазами и ощущая, как вода ласково лижет мои ноги.

Я снова полон сил, спокоен и чувствовал себя в безопасности. Где сейчас находилось мое бедное, изломанное тело, и что с ним делали, мне и думать не хотелось, а предположение, что в этот раз я останусь здесь навсегда, не могло не радовать. Кюрук там с Кайлом и Джем, сами выберутся к себе домой. И плевать на всех эйталитов вместе взятых — я больше не хотел связываться с ними, не мог доверять им ни на миг. Они убили меня.

Я открыл глаза и развернулся. Позади стояла моя прекрасная спутница, приняв возраст женщины лет сорока, но оставаясь такой же красивой, как и в возрасте девушки. Я неторопливо подошел к ней, загребая ногами рассыпчатый песок, и без колебаний обнял ее, крепко прижав к себе. По росту она была немного ниже меня, с мягкими руками и длинными черными волосами до пояса. Из одежды на ней простое белое платье с открытыми плечами, почти в пол. Она всегда в нем появлялась, какой бы возраст ни приняла.

— Я надеюсь, что в этот раз я не вернусь, — с жаром добавил я, но женщина мягко отстранила меня от себя и взяла за плечи. Ее зеленые глаза были точно кроны деревьев или еще что-то такое, красивое. Она покачала головой, смотря на меня, а я упрямо кивнул.

— Я не хочу возвращаться. Знаешь, что они со мной сделали? Привязали к стулу, включили ток и чуть не убили меня! А может, уже убили. Я поперек горла стою совету, вот они и решили избавиться от меня — быстро и со вкусом. А моим друзьям скажут что-то вроде того, что я не выдержал их проверки. Они могут.

Женщина опять покачала головой, а затем взяла мои руки вместе и поцеловала их. Она такая милая! Никого не встречал подобного в своем мире.

— Я бы навсегда хотел остаться здесь, вместе с тобой, — горячо зашептал я. — К кюрукам реальный мир. Здесь, с тобой, намного лучше.

Внезапно я ощутил сильный приступ тошноты и тупую боль в животе, как будто меня пнули. О нет! Я согнулся пополам, затем упал на песок. К телу возвращались слабость и боль, а мир вокруг постепенно темнел.

Я рычал и жмурился от злости и боли, а женщина сидела рядом со мной, держа за плечи и прижавшись лбом к моей щеке. Я пытался взяться за нее, но в темноте ничего не видел и загребал пальцами песок. Холодный. Острый песок.

Я захлебнулся и начал откашливаться, дрожа от слабости и боли. Меня снова схватили за плечи руки, но не имеющие с руками немой девушки ничего общего.

— О, Т23! Ты очнулся! Слава Кату! Слава Кату, ты жив!

Я никак не мог отдышаться и даже подняться не мог — так и лежал на каменном полу, в луже собственной крови. Аврора склонилась надо мной, и ее крылья стрекотали над самым ухом. Эйталита дышала часто, взволнованно и все пыталась помочь мне привстать, но ее сил не хватало. Она вообще очень хрупкая.

Наконец, с горем пополам, мне удалось присесть и опереться о каменную стену. Лоб болел и кровил — вероятно, я ударился им, когда упал. Почти все лицо в крови, и толстовка колледжа тоже. Наверное, я выглядел как настоящий маньяк или живой труп.

Тело еще мелко дрожало, но мне было ужасно жарко, и по лицу стекал пот. Внутри все постепенно остывало, но я продолжал чувствовать боль, хотя уже не такую сильную. Нос был заложен, и я

дышал через рот, легкие еще сжимало от каждого вдоха. Аврора промакивала мое лицо платком и тихо-тихо стрекотала, как будто напевая колыбельную.

Понемногу я приходил в себя, и чем дальше отступала слабость, тем больше во мне поднимались злость и досада. Я мог бы остаться в Краю Голубых Одуванчиков вместе с немой девушкой! Зачем было вытаскивать меня обратно? Они же хотели убить меня! Я глянул на обожженные запястья, а затем посмотрел в другой конец комнаты, где стоял Гугалан.

— Вы знали! — с ненавистью воскликнул я, и вместе со словами из моего рта вылетели капли крови. — Вы знали, что так будет! Вы чуть не убили меня — так давайте, завершите это сейчас, пока сюда никто не спустился! Как же я вас ненавижу, проклятые эйты!..

Я снова закашлялся, прижав кулак ко рту. Много раз мне бывало паршиво, после драк или отключек, но настолько плохо я не чувствовал себя еще никогда. Голова продолжала кружиться и подташнивало. Холодные руки тряслись, и я никак не мог сдержать это.

— Мы не… не хотели, — донеслось из угла, в котором стоял Гугалан.

Мне не было видно его лица, но голос его звучал настолько ошарашено и растерянно, что я почти поверил ему. Не хотел он, конечно! Все эйты подлецы и лгуны, а те, кто состоит в совете, и подавно.

— Т23, милый, — заговорила со мной Аврора, и я неожиданно вспомнил, что она находилась со мной все это время тоже, — мы не знали, что так получится. Машина должна была измерить твою силу магии. Это безопасно для эйталитов и дефектных. А ты оказался ни тем и ни другим.

Такой поворот событий ввел меня в ступор, и я даже на время забыл про боль, бессмысленно смотря в серые глаза Авроры. Что она имеет в виду? Если я не человек, не эйталит и даже не дефектный, то кем еще я могу быть?

— Ты ровно наполовину человек и ровно наполовину эйталит, — продолжила она и тихо вздохнула.

Стало очень тихо. Я хотел улыбнуться над такой нелепицей, но лишь приоткрыл рот. Что она сказала? Мне точно не послышалось? Но как? Мои родители...

— Мы должны были узнать об этом еще давно! — заговорил Гугалан из своего угла. — Почему люди замяли тот факт? Кто его родители? Где они сейчас? А его приемные обо всем знали?..

Он говорил и говорил что-то еще, задавал вопросы в пустоту, но я уже ничего не слышал. Я смотрел на Аврору с мольбой в глазах, а она отвечала мне спокойным взглядом. Пожалуйста, пусть она скажет, что это не так! У меня есть семья, настоящая семья!

— Я знаю, кто его родители, — неожиданно произнесла Аврора и тут же добавила: — Я узнала эту энергетику.

— Узнали энергетику?.. — переспросил Гугалан, а Аврора продолжила, по-прежнему не отрываясь смотря мне в глаза:

— Твоего отца звали Тейлок, и он был эйталитом. Сильным, вспыльчивым… невероятным. Он мог спалить целый лес одним щелчком пальцев. Собирался занять место в совете. А потом встретил твою мать. Человека. Без особенностей. Насколько мне известно, она погибла, вскоре после твоего рождения, а Тейлок исчез, спрятался в одном из миров. Больше я никогда о нем не слышала.

Если бы я мог, я бы зажал руками уши, чтобы не слышать этой чепухи и по-прежнему верить, что у меня есть родная, нормальная семья. Они ждет меня дома, в мире людей, и у них нет ни побоч-

ной силы, ни побочной внешности. Отец работает в аптеке, а мать нянчит детей. Они мои родители, а не…

Но чем больше я думал о своей семье тем ярче вспоминал, что всегда замечал, как я отличаюсь от них. Я и по внешности на них не походил, и характером выделялся и вообще был явно «кукушонком» в их гнезде, но никогда, до этого момента, не придавал этому никакого значения.

А теперь мне развязали глаза, и все стало на свои места.

— Этого не может быть! — глупо, по-детски воскликнул я. — Я не… Как это могло произойти? Как?

К нам медленно подошел Гугалан, смотря на меня со смесью жалости и раскаяния. Никогда бы не подумал, что у него может быть такой взгляд.

— Госпожа Аврора, вы уверены, что это именно его сын?

— Конечно! — сразу же отозвалась она. — Я хорошо знала Тейлока. Мы были друзьями. Его энергетику я бы узнала из сотни других.

Я посмотрел на нее почти с надеждой. Она знала моего отца, моего настоящего отца? Она расскажет мне о нем больше?

— Может, вы вернетесь и огласите результаты проверки? — попросила Аврора Гугалана. — Я думаю, Т23 нужно немного времени, чтоб принять это. Я побуду вместе с ним.

Гугалан молчал, смотря на меня, и в его глазах больше не было ни враждебности, ни недоверия, ни чего-то еще неприятного. Скорее, именно сейчас он вдруг начал видеть во мне почти равное себе существо

— Да, конечно. Благодарю, госпожа Аврора. Т23… пожалуйста, простите меня.

Не сказав больше ни слова, он медленно пошел прочь, и его неуклюжая тень не скоро покинула комнату.

Когда стихли его шаги на лестнице, Аврора вздохнула и мягко провела рукой по моим волосам, точно родная мать. Стрекотание ее крыльев осталось единственным звуком в темной комнате.

— Ты похож на нее, — вдруг тихо произнесла она, — и в то же время, почти вылитый Тейлок. Он был другом совета и моим… самым лучшим другом. У него были такие же изумрудные глаза, а когда он управлял своей огненной магией, в них словно потрескивали искорки. — Она грустно улыбнулась и переплела пальцы. — Твоя мать была обычным человеком, я никогда еще не встречала настолько простое и чистое существо. Мы не знали, почему он решил взять ее себе в жены. Тейлок покинул мир эйталитов и нас всех.

Я пытался вслушиваться в ее слова, но все еще не мог поверить, что она говорила о моих родителях. Невозможно! У меня щипало глаза, продолжало болеть тело и жгло легкие. Если бы у меня только были силы, я бы спорил с ней, я бы кричал и смеялся, чтобы до последнего не верить в это. Но я был так беспомощен и так разбит.

Аврора снова потянулась ко мне, но остановилась. Ее тонкие коготки застыли возле моего лица.

— Когда я впервые увидела заявление от мистера Директора и твою фотокарточку, то почти сразу поняла, что это именно ты, — тихо произнесла она вкрадчивым голосом, словно делилась со мной секретом. — Я почувствовала знакомую энергетику, увидела знакомые глаза… Спустя столько лет я наконец-то нашла сына своего Тейлока — ты сам упал ко мне в руки. И это я попросила прислать тебя сюда как можно скорее. Мальчишки Медуллин не подвели, как всегда.

Я слушал ее, попадая под очарование певучего голоса и теряясь в огромных глазах. Рука Авроры замерла в моих волосах, и я едва

ощущал кончики ее коготков на своей коже. Минуту или две она молчала, изучая мое лицо так, словно впервые видела. Я пытался представить Тейлока и его жену. Своих настоящих родителей. Ничего не выходило.

— Я искала тебя, — голос Авроры словно замерз и из нежной капели превратился в острые сосульки. — Все семнадцать лет. Тейлок потерял твою мать, но этого недостаточно. За то, что он променял меня на обычного, бесполезного, человека, я лишу его и сына.

Имена

Хэл

Я не успел понять, что она имеет в виду, как ко мне ринулся голубой светящийся шар с потолка.

Он не думал сбавлять скорость, а я и не попытался хоть как-то защититься. Не до этого было. Я успел только моргнуть.

Шар влетел в меня, едва не пробив насквозь, и припечатал к стене. Быстро потемнело в глазах, дыхание перехватило. А когда шар взорвался, то мир исчез полностью.

Опять.

Наверное, Аврора решила, что убила меня, потому что когда я приоткрыл глаза, в подвале уже никого не было.

Я попытался пошевелиться, но не смог. Ожог щипал и пульсировал, где-то в животе, одежда тлела и воняла, а множество маленьких, глубоких ранок от осколков шарика кровоточили и болели так сильно, словно я заживо разваливался на кусочки. У меня не нашлось сил даже на то, чтобы застонать.

Мое тело переставало работать. Выключалось. А все виды боли смешались в одну, большую и всепоглощающую волну, которая парализовала организм и выкачивала из него жизнь. Я постепенно терял с телом связь, словно отделялся от него. Накатывала слабость, и темнело в глазах, но я из последних сил удерживал связь со своим поломанным телом.

Я не хочу умирать в темном подвале.

Перед этим успев узнать, что у меня нет ни одной родной души, ни в одном из миров.

Успев узнать, что я — полукровка, ошибка природы, которой не должно быть.

Успев узнать, что из-за меня пострадали невинные люди.

Ужасно неудобное время для смерти.

Я попытался шевельнуть рукой. Хоть какой-нибудь. Не берусь утверждать, что у меня переломаны все кости, но…

Острая боль пронзила тело, и меня вырвало кровью. А вот и рука. Левая все-таки двигалась, я по полу подтянул ее к себе и не с первой и не со второй попытки смог засунуть пальцы в карман толстовки. Только бы им ничего не было после взрыва…

Что-то с шорохом выпало на пол, и мне удалось чуть повернуть голову, чтобы лучше рассмотреть. Таблетки нико-оксилаксицилина, которые я постоянно таскал с собой.

Еще в прошлой жизни и в другом мире Кайл ценой своих зубов стащил их для меня из кабинета госпожи Докторши. С тех пор я носил их при себе на случай, если придется сражаться с эйтами. Или восстановиться после их атаки. Что ж, это время пришло, но мне до сих пор не верилось.

Я зубами выковырял и проглотил сразу целую таблетку. Она застряла посреди пересохшего горла, что было очень больно и неудобно, но выбора у меня все равно не осталось. Так, через сколько она подействует и из полудохлого слабака превратит меня в могучего героя?

Или они бессильны против этого?

Надеюсь, что нет. Мне еще нужно столько всего сделать.

Мне нужно встать.

Мне нужно подняться в зал и рассказать совету, что произошло. Мне нужно остановить Аврору, пока она еще кого-нибудь не попыталась убить.

Аврора — убить. Звучало так абсурдно. Она была бы последней, на кого я подумал, если бы меня собирались убить. Да и не только меня — скорее всего, это именно она подсыпала порошок в бокал Гугалана.

Вот из-за кого «у эйтов случился очередной сдвиг». Вот почему они «искали» кого-то. За каждой проблемой от эйталитов стояла Аврора. Неужели это все из-за моего настоящего отца? Неужели эта сумасшедшая готова гнобить весь людской род только из-за того, что ее бросил парень?!

От этих мыслей начинала сильнее болеть голова. Тело требовало закрыть глаза, расслабиться и заснуть, а может, отключиться или умереть. Это было бы неплохо, на самом деле, но я не упускал из мыслей, что эта опасная маньячка сейчас вернулась в зал совета, где были Кайл, Джем и все остальные. Я не мог умереть и оставить их там вместе с ней.

Понемногу я вновь обрел способность двигаться. Боль больше не убивала, но при каждом легком движении отзывалась в костях, и я всерьез опасался, что они не выдержат и сломаются. Осторожно оперся на руки, слегка приподнялся. Так, отлично. Левый глаз заплыл и щипал, ударенный осколком от шара. Второй открылся, но и почти ничего не видел — шаров-эйталитов не было, и помещение слегка освещало несколько свечей на столах. Я приподнялся на ноги, немного передохнул, смог выпрямиться.

Только посмотрите, какой молодец! Я могу двигаться, я могу даже стоять!

И я с трудом дышал. Ноги дрожали и подгибались, но я пошел, держась за стены. По-другому нельзя. Кто еще откроет глаза совета на Аврору и ее поступки? Интересно, что она наговорила им, почему меня все еще нет? Эта хищница точно придумала правдивую историю. А ей все поверили, как всегда.

С каждым шагом ноги ступали все увереннее. Я видел кровавую дорожку за мной, видел, в каком страшном состоянии была моя одежда. Но я уже почти не чувствовал боли, а мое тело быстро напитывалось силой, несмотря на то, как сильно его потрепало.

Я вдруг заметил знакомый до боли отсвет на машине Дедара. Подошел поближе. Так и есть — шарик слириума, величиной с крупную виноградину. Уж не знаю, какую роль он здесь играл, но я без труда вытащил его из металлического гнезда. Даже само прикосновение к кристаллу оказалось неприятным, почти болезненным, но он мог мне пригодиться.

Я оглядел комнату на случай, если здесь есть еще что-то, что поможет мне, а потом развернулся и пошел прочь. Мне предстоит долгий подъем, и все, на что я мог надеяться, это то, что Аврора за это время не попытается убить кого-нибудь еще.

Вой Энрира слышался на всех этажах. То тут, то там гремели его цепи, и раздавался рев. Я миновал уже пять лестничных пролетов, спеша в зал совета, но волчка нигде не встретил. Чувствовал я себя все увереннее и увереннее. Боль и слабость отступали, и я ощущал тепло и энергию, бегущие по венам. За мной на лестнице продолжали оставаться кровавые следы, и было немного страшно, что кровотечение не проходит, а боли я уже почти не ощущал.

Когда я взбежал по последней лестнице, меня распирали магия и сила, и я был готов сразиться хоть с целой армией голубых шаров под командованием Авроры. Вой Энрира хорошо слышался даже здесь, и мне стало не по себе от мысли, что ему все же удалось сорваться с цепи.

Не останавливаясь, я на всем ходу влетел в зал совета, едва не снеся двери с петель.

Здесь все было так спокойно и выглядело так идеалистично, что мне показалось, я попал в другую реальность. Весь совет был в сборе, за исключением Гугалана, но включая Аврору. А рядом с ними за одним столом сидели Кайл и Джем.

Когда я ворвался в зал, собравшиеся что-то негромко обсуждали, как беседуют на пикнике в парке. Но заметив меня, они резко замолчали, а затем начали вскакивать со своих мест.

— Т23!

— Т23, что случилось?!

Перемахнув через стол, ко мне подбежала Джем и в ужасе схватила за плечи. Ее глаза стали огромными, как у пятилетнего ребенка, я никогда еще ее такой не видел. Она была напугана за меня — действительно напугана. Я смотрел ей в лицо, и не мог сказать ничего из того, что произошло в подвале. Ничего из того, что я узнал о себе. Не сейчас. И не здесь.

Я только отстранился от Джем и повернулся к столу и всем остальным, как Аврора опередила меня ровно на пару секунд.

Она взлетела в воздух и одновременно с этим взмахнула рукой в сторону. Из ее пальцев с электрическим треском вырвалась серебряная молния и ударила в Арея.

Эйталит, который со стороны выглядел так непримечательно, так обыденно и так привычно, успел в ответ лишь поднять руку. На секунду вокруг него взметнулась золотая, огненная цепь, появившись прямо из воздуха. Она не успела защитить его или нанести ответный удар — не знаю точно. Но за это краткое время она преобразила его, сделав похожим на настоящего воина. Да, я говорю то, о чем успел подумать за эти краткие мгновения. Арей выглядел круто, и я был рад, что мне не довелось столкнуться с ним в бою.

Он умер на месте, и его тело упало со стула. Никто не успел опомниться или просто осознать произошедшее — Джем так вообще не обернулась, продолжая разглядывать меня. А это было только начало.

С потолка слетели голубые шары-эйты — как тот самый, что едва не убил меня. Они устремились прямо к членам совета, минуя только Аврору. Телем забился под стол и ловко забаррикадировался стульями. Игиг взлетел в воздух, едва не снеся своими крыльями все вокруг. Он попытался поймать Аврору, но гигантская стрекоза оказалась куда проворнее орла-переростка, и без труда миновала его. А к Игигу уже спешили ее круглые приспешники.

Кайл скачками бросился к нам, пригибая голову и почему-то держась руками за челюсть. Я выступил перед Джем, защищая ее от всего вокруг, но она вдруг сердито оттолкнула меня в сторону.

— Уж лучше ты прячься за мной! — воскликнула она, следя взглядом за попытками Игига миновать шары.

Кажется, она умом тронулась от страха. Я обернулся и тут же получил разрядом молнии в грудь.

Я упал прямо на Джем и несколько секунд ничего не видел вокруг себя — как будто меня ослепили. Не чувствовал подругу под собой. Среди завываний Энрира, которые продолжали метаться по всей резиденции, хлопков крыльев Игига и другого шума, я отчетливо услышал голос Авроры — злой, взбешенный, визгливый:

— В этот раз ты умрешь раз и навсегда! И все остальные! Я…

Ее голос сорвался в один сплошной визг. У меня заложило уши, и я стиснул зубы, а когда открыл глаза, меня опять едва не вывернуло наизнанку.

Аврора взлетала вверх, а с нее дождем летели тяжелые капли темно-алой крови. Кайл в это время отплевывался, и возле его ботинок я увидел на полу окровавленный тонкий отросток, точно сучок с тремя палочками…

Все те шутки про то, что Кайл может откусить кому-нибудь руку, если не проявить достаточно осторожности…

— Ты как? — коротко спросила меня Джем.

Она придерживала меня, обвив одной рукой за талию, а другую положив на мою грудь. Я мельком отметил, что у нее все пальцы в крови, но, скорее всего, в моей. Кивнул в ответ, наблюдая за Авророй. Наверное, благодаря таблеткам я до сих пор не вырубился и боли толком не почувствовал, но надолго той пилюли хватить не может. Не теряя времени, я достал пластинку и, почти не глядя, проглотил вторую целую таблетку. Осталась еще одна и маленькая половинка четвертой. Хватит ли?

— Ты куда целую? — прошипел Кайл.

Весь рот у него был перепачкан в темной крови эйталиты, она стекала по его подбородку и заляпала всю рубашку. Но круглые, испуганные глаза принадлежали старому-доброму Кайлу и никому больше. Я его не слушал, раздумывая, как мне дотянуться до Авроры. Конечно, сейчас она слаба, только что истратив свою магическую силу, а потом еще потеряла руку. Мы должны нанести ей удар прямо сейчас.

Игиг, слава Кату, подумал о том же. Заметив, что Аврора ослабла, он со всех крыльев устремился к ней, растопырив когтистые пальцы. Мы все за него сделали, ему осталось только взять ее голыми руками, без всяких усилий…

Мы с Джем одновременно вздрогнули от его птичьего крика. Игиг кувыркнулся в воздухе, ударился о стену и изо всех сил замахал крыльями, чтобы не упасть. С него летели серые перья и капли крови. Он не успел увернуться от голубого шарика.

Игиг неуклюже приземлился прямо на стол и покачнулся. Я увидел большое темное пятно на его жилетке и обугленную дыру в ткани. У эйта дрожали ноги, и он не опускал крылья, расправив их в стороны, чтобы удержать равновесие. Его лицо побледнело сильнее обычного, но он продолжал следить за Авророй, подняв к ней глаза. Будет ли от него еще какой-нибудь толк?

Джем выдохнула, стоя рядом со мной, и я почти физически почувствовал, как ей хотелось подойти к нему.

К счастью, я опять мог вернуться в игру. Боль почти полностью отступила, и я уверено выпрямился.

— Ты сможешь подсадить меня? — спросил я Кайла, но никто меня не услышал.

Оглушающе зазвенело стекло, весь пол засыпало осколками. Я заметил, как испуганно заметались шары-эйты, а Игиг резко взлетел в сторону, чтобы на него ничего не упало. Телем заверещал из-под стола, не понимая, что происходит. Тело Арея погребли разноцветные осколки.

На фоне нежно-голубого неба показалась растрепанная фигура Калану. Он воинственно заорал и устремился к нам, по дороге размахивая ногам. На его когтях, отражая голубой свет от шаров, сверкали кинжалы, прицепленные на перчатки.

«О Кат», — тюкнуло во мне.

Я не еще не понял, прибыло ли к нам подкрепление или это Аврора дождалась поддержки, но мне стало не по себе.